

О. Б. Ткаченко

МЕРЯНСКИЙ
ЯЗЫК

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А.А. ПОТЕБНИ

О. Б. Ткаченко

МЕРЯНСКИЙ ЯЗЫК

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1985

В монографии впервые предпринята попытка системной реконструкции мерянского, мертвого финно-угорского языка, распространенного в прошлом в Центральной России (на территории современных Ярославской, Ивановской, Костромской, Калининской, Московской, Владимирской областей), на всех его уровнях - фонетическом, грамматическом, лексическом.

Для языковедов, специалистов по финно-угорскому, русскому, славянскому и общему языкознанию, историков, археологов, этнографов, преподавателей и студентов вузов.

О т в е т с т в е н н ы й   р е д а к т о р   А.С.Мельничук

Р е ц е н з е н т ы   Ю.А.Млуктенко, М.М.Пецак

Редакция языкознания

Т 4602000000-298 БЗ-11-22а-85
М221(04)-85

Издательство "Наукова
думка", 1985

Предлагаемое исследование посвящено возможной ныне реконструкции мертвого и бестекстного мерянского языка, принадлежащего к финно-угорской семье. Мерянский язык в разрозненных сохранившихся элементах полностью растворен в русском языке, преимущественно на территории своего бывшего распространения. В связи с этим его изучение предполагает как распознавание и сбор всех сохранившихся остатков языка, так и выяснение их исходной формы, а тем самым - реконструкцию восстановимых фрагментов языковой системы в ее исконных и заимствованных элементах. Усилия, сделанные в этих направлениях, будучи до сих пор разрозненными и малоинтенсивными, дали сравнительно небольшое количество фактов, поэтому большую часть мерянского материала еще только предстоит собрать и исследовать. Результаты, полученные в немногочисленных исследованиях, посвященных мерянскому языку, не всегда и не во всем убедительны и требуют в связи с этим проверки. Тем не менее материал, предположительно связанный с мерянским языком, - исследовавшийся в работах Т.С.Семенова [50, с. 229-249], М.Фасмера [91, с. 351-418], О.В.Вострикова [5; 6], и собранный в диалектных словарях и списках диалектных и арготических слов с постмерянской территории или хранящийся в картотеках диалектных словарей, - достаточно велик, чтобы только на его основании составить представление о мерянском языке и попытаться рекон-

* Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность заведующему кафедрой русского языка Костромского пед. ин-та канд. филол. наук Н.П.Киселевой и сотруднице этой кафедры канд. филол. наук Н.С.Ганцовой, директору Костромского историко-архитектурного музея-заповедника канд. ист. наук В.С.Соболеву, проф. Г.Г.Мельниченко, заведующему кафедрой русского языка Ярославского пед. ин-та, проф. Ф.П.Сороколетову, заведующему сектором словарей Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, любезно предоставившим ему в 1979-1982 гг. возможность ознакомиться с материалами картотек "Костромского областного словаря", архива Костромского научного общества, "Ярославского областного словаря", "Словари русских народных говоров", использованных в его книге.

струировать его на всех уровнях — фонетическом, грамматическом, лексическом.

Задача данного исследования — дать подобное описание языка, опираясь как на наиболее достоверные мерянские данные, полученные уже предшественниками, так и на те не использованные ими языковые факты, которые в качестве мерянских представлялись автору. Ввиду того, что реконструктивное описание мерянского языка могло строиться только на основе критически проверенных фактов, а это требовало особо тщательного обследования каждого из них, количеству следовало предпочесть качество. Этим объясняется то, что даже данные, привлекавшиеся из исследований, использовались только в той части, которая смогла быть подвергнута критическому анализу. Такой строгий подход к мерянскому материалу диктовался особой сложностью его истолкования и необходимостью с самого начала по возможности избежать ошибок при воссоздании системы языка.

Максимальная достоверность проведенного исследования представлялась особенно необходимой также в связи с желанием вызвать интерес к изучению мерянского языка, показать его перспективность, лучшим доказательством чего могла служить только убедительность результатов реконструкции.

При всем стремлении к достоверности предложенного объяснения мерянского языкового материала автор сознает возможность отдельных недостаточно бесспорных истолкований рассмотренных фактов, вызываемых сложностью и неразработанностью затронутых вопросов, и будет благодарен за все замечания, способствующие уточнению его положений и выяснению научной истины.

Мерянский (друс. мер(ь)скыи), ныне мертвый, финно-угорский язык в период наибольшего распространения занимал, очевидно, территорию современных центральных областей европейской части РСФСР - (полностью) Ярославской, Ивановской, Костромской, (частично) Калининской (Кашинский р-н), Московской (за исключением юго-западной части), Владимирской (к северу от Клязьмы и отчасти к югу от нее, за исключением земель муромы, другого финно-угорского племени, у впадения Клязьмы в Оку) [10, с. 38; 67, с. 136; 59, с. 81-82; 79, с. 146]¹. Соседями мери до распространения на соседних землях восточных славян были с юго-запада балтийские племена, в частности голядь, с запада и северо-запада - вепсы (друс. весь), одно из древнейших прибалтийско-финских племен. С севера земли мери граничили с землями заволоцкой чуди, видимо, также прибалтийско-финской этнической группы, хотя и не вполне установленного состава [44, с. 71-72]. С северо-востока мерянская этническая территория, видимо, соприкасалась с областью пермских племен, скорее всего предков коми [53]. С востока с мерей граничили марийцы, а с юга - мордовские племена: мурома и, возможно, мещера. Позже западными соседями мери стали восточнославянские племена - кривичи, новгородские словене и вятичи, с рубежа X-XI вв. начавшие проникать на мерянские земли. Если первоначально область мери была почти со всех сторон, кроме запада, окружена землями родственных финно-угорских племен, то со славизацией муромы, мещеры, соседней с мерей части вепсов и заволоцкой чуди и с расселением славян на мерянской этнической тер-

¹ Не исключено, что и вне этой территории, компактно заселенной мерей, в частности к северу от нее, имелись группы носителей мерянских диалектов или близкородственного мерянскому языку, о чем говорят топонимы типа р. Вёкса, р. Ягрш (Вологодская обл.), (Содом)бала (Архангельская обл.), близкие к распространенным на бывших несомненно мерянских землях. Однако ввиду полной неизученности этого вопроса, как и вопроса о части мери, по преданию, переселившейся, избегая христианизации, к марийцам [28, с. 30-31] или мордовцам [49, с. 103] и, видимо, здесь ассимилированной, в данном исследовании они не рассматриваются.

ритории мери, за исключением крайнего востока, сказались в славяно-русском² окружении в виде отдельных, все более разобщаемых мерянских "островов". Постепенное растворение мери в славяно-русском языковом окружении, связанное с ее ассимиляцией, привело к ее полному исчезновению как отдельного финно-угорского этноса и к слиянию мери с формирующейся на ее бывших землях частью (велико)русской народности.

Археологические данные современной науки позволяют считать возможным образование мери в отдельное финно-угорское племя (группу племен) на своей исторически засвидетельствованной территории уже в I тыс. до н.э. [22, с. 312-314]. Непосредственными предшественниками мери были, очевидно, индоевропейцы, представители так называемой фатьяновской культуры, вытесненные и ассимилированные пришедшими с востока финно-уграми, предками мери [29]. Включение в состав этой части финно-угров (протомери) индоевропейцев-фатьяновцев могло способствовать их окончательному обособлению от других финно-угорских племен. Первое историческое упоминание о мере готского историка Иордана (VI в. н.э.), где меряне (Mearni "мерян") [20, с. 150] упоминаются среди племен, плативших дань готскому королю Германариху, несомненно свидетельствует о существовании в это время мери как отдельного финно-угорского племени. Следующие упоминания о мере относятся уже к IX-X вв. и появляются в древнерусском историческом источнике - "Ипатьевской летописи", где о ней сказано как о союзнике восточных славян - в связи с собиранием дани варягами с древнерусских и соседних с ними племен (859 г.), по поводу походов Олега на Киев (882 г.) и на Царьград (907 г.), в которых наряду с варягами и восточными славянами принимала участие и меря [21, с. 16, 17, 21]. В другом древнерусском летописном источнике о мере говорится как об особом этносе со своим языком, выделяемом на фоне других финно-угорских племен, известных в XI в. восточным славянам: "... а на Ростовском озерѣ Меря, а на Клецинѣ озерѣ Меря же; а по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече в Волгу же, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдва свой языкъ..." [32, с. 10-11]. На основании, в частности, того, что после X-XI вв. мери перестает упоминаться в древнерусских летописных сводах, в дореволюционных отечественных работах бытовало мнение, что к тому же периоду отно-

² Понятие "славяно-русский" (сокращение более точного "(восточно)славяно-(велико)русский") служит общим наименованием для обоих исторически взаимосвязанных языковых (и этнических) образований - местных говоров языка древнерусского и развившегося из него (велико)русского языка (и соответственно их носителей - части восточных славян и развившегося из них (велико)русского народа).

сится и полная ассимиляция мери восточными славянами [28, с. 63-64]. Это мнение, встречающееся иногда и в некоторых зарубежных работах даже в 60-х годах нашего века [79, с. 145], в свете исследований советских историков следует признать устаревшим. Данные этих исследований, опирающихся на не использованные ранее исторические источники, показывают, что и после событий IX-X вв., упомянутых в Ипатьевской летописи, меря еще долго существовала на своих землях, куда с X-XI вв. стали проникать восточные славяне [10, с. 5]. В целом ряде мест своего проживания меря сохраняла этноязыковой облик еще в XV-XVI вв. [67, с. 135-137], а на наиболее периферийных (восточных) территориях и в лице отдельных групп или лиц, носителей языка, — возможно, и в XVII в. [67, с. 136] и даже в начале XVIII в. В пользу этого говорит упоминание административного понятия "Мерский" (стан) в документе середины XVIII в.: "Георгиевская (церковь. — О.Т.), что в Мерском" [67, с. 137].

Достоверные сведения современной советской исторической и археологической науки полностью подтверждают мысль о мирном проникновении славян на мерянские земли, высказанную еще В.О.Ключевским: "Происходило заселение, а не завоевание или вытеснение туземцев" [24, с. 295]. Это было связано как с редкостью мерянского населения, позволявшей славянам занимать многочисленные пустовавшие земли, так и с различием в занятиях мерян (преимущественно скотоводов, охотников и рыбаков) [10, с. 129] и славян (преимущественно земледельцев). Обе группы населения в низших и средних слоях как бы дополняли друг друга, постепенно срастаясь в единое социально-экономическое целое. Видимо, такое же срастание происходило и в социальных верхах Владимиро-Суздальской Руси: мерянская знать сближалась со славяно-русской, образуя вместе с ней господствующие слои княжества. Единственное известное истории крупное восстание (1071), охватившее мерянское население, как справедливо полагает современная наука, вызывалось имущественным и классовым расслоением в мерянской среде, а не каким-либо славяно-мерянским национальным антагонизмом: "Нет никаких данных в пользу того, что восстание местных смердов было направлено против русских феодалов" [67, с. 141]. Восстание вызвало, по местному преданию, переселение части мери к родственным марийским [28, с. 30, 31] или мордовским [49, с. 103] племенам, где она впоследствии ассимилировалась. Очевидно, мирный характер славянского проникновения в мерянские земли относится к сфере как социально-экономических, так и культурно-языковых отношений. Помимо косвенного свидетельства, которое можно усматривать в длительности сохранения мерянского этнического элемента на данной тер-

ритории, имеется и прямое, говорящее о том, что хорошее владение мерянским языком в конце XI в. расценивалось как обстоятельство, достойное упоминания в житии крупного церковного сановника, первого ростовского епископа Леонтия, очевидно, в связи с успешным использованием мерянского языка при христианизации мери: "Се бѣ блаженный и константина града ражай и въспѣтаніе русскій же и мерьскій языкъ добръ умъше книгамъ роускимъ и греческимъ велми хитрословесень сказатель" [17, с. 117]. Упоминание в житии мерянского языка вместе с русским наряду с русскими и греческими книгами говорит о том, что в знании этого языка усматривалась довольно высокая ценность, видимо, обусловленная его ролью во Владимиро-Суздальском княжестве, тогда еще этнически смешанном славяно-мерянском крае. Так не могли относиться к языку сознательно игнорируемому, тем более преследуемому. В более поздний период, когда в связи с ростом славяно-русского населения и частичной ассимиляцией мери количество мерянского населения уменьшилось и оно располагалось отдельными "островами", "районы, населенные мерей, были выделены в специальные территориальные единицы (Мер(ь)ские станы. - О.Т.). Таким образом, мерянские "острова" получили в свое время, так сказать, официальное признание" [67, с. 135]. Данные факты не оставляют сомнения в том, что положение мерян во Владимиро-Суздальской (>Московской) Руси не напоминало положение угнетенного племени. Скорее, оно было похоже на положение юридически и социально равноправного этнического элемента, сначала союзников, а затем сограждан одного из наиболее могущественных княжеств Киевской Руси, ставшего центром Русского государства и формирования (велико)русской народности (> нации). Если в дальнейшем здесь не обнаруживается мери как отдельный этнический элемент, как, впрочем, и славянские племена, проникавшие сюда, - новгородские словене, кривичи и вятичи, а выступает монолитное ядро новой отдельной славянской (велико)русской народности, то причину следует искать в обстоятельствах объективно сложившегося процесса экономической и этноязыковой консолидации, протекавшего здесь. Мирно сложившийся и развивавшийся симбиоз привел к сращиванию славяно-русской и финно-угорской частей в одно этноязыковое единство с перевесом славян, что явилось предпосылкой дальнейшей постепенной славизации мерянского населения. Важными причинами, обусловившими именно такое направление ассимиляционного процесса, были количественный перевес славян над местными финно-уграми и более высокий уровень их экономики, социального строя и культуры по сравнению с мерей [67, с. 116, 154]. Эти вполне объективно действовавшие причины сопровождались уходом славян из кж-

ных древнерусских областей, подвергавшихся в XI–XII вв. жестоким ударам кочевников. Славизация мерян могла быть особенно усилена последствиями золотоордынского нашествия, вызвавшего массовый уход славяно-русского населения на здешние земли и надолго отрезавшего мерю от родственных финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, связи с которыми в былом могли поддерживать и питать здешнюю финно-угорскую культуру.

К числу до сих пор не выясненных принадлежит вопрос о происхождении и значении самого этнонима "меря". Исходя из его сходства с самоназванием марийцев "мари", финский ученый А. Кастрен высказал предположение, что этноним "меря" возник из этнонима "мари" ввиду особой близости мери к марийцам как видоизменение в устах славян [78, с. 167]. Его поддержали позднее Т. Семенов [50, с. 228, 229] и М. Фасмер [88, т. 2, с. 606], придерживавшиеся, как и А. Кастрен, мнения об особой близости мерянского языка к марийскому и считавшие его близкородственным марийскому, если не одним из его диалектов, что было в дальнейшем отвергнуто так же, как и мысль о близости указанных языков. Предположение А. Кастрена неприемлемо хотя бы потому, что этноним "меря" зафиксирован в близкой к нему форме *Merja* (готская форма вин. п. мн. ч., то есть "мерян", очевидно, на основе дмер. *merā "меря") у готского историка Иордана уже в VI в., задолго до каких-либо меряно-славянских языковых контактов. О древности этнонима свидетельствует и употребление его в форме *Mirri* в "*Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*" Адама Бременского [79, с. 147, 148], отражающей, скорее всего, его арабскую передачу, где при ограниченности вокализма ($\bar{a}$, $\bar{i}$, $\bar{u}$ возможно было только подобное воспроизведение исходного дмер. *merā). При известной логичности не является вполне убедительным также взгляд А. Л. Погодина [86, с. 326] и Ю. Мятгиста [85, с. 114–116], сближавших этноним "меря" с фин. *meri* "море; диал. (большое) озеро" в связи с обитанием части мери у больших озер: Неро (Ростовского), Клещина (Плещеевского) и Галичского. Вопрос о происхождении названия "меря" остается нерешенным не только из-за недостаточной убедительности предложенных до сих пор объяснений, но и потому, что еще не выяснены два вопроса, без предварительного решения которых, как представляется, невозможно серьезно говорить о его этимологическом истолковании. До сих пор не ясно, является ли этноним "меря" самоназванием мерян (в целом или одного из мерянских племен) или так они были названы одним из соседних народов. Название "меря", явно аналогичное ряду других финно-угорских этнонимов типа эрзя, мокша, вод. *vad' d'a* "водский" (эст. *vadja* "то же", фин. *vatja* "водский язык"), тре-

бует объяснения со словообразовательной точки зрения. В своем очерке, решение этих вопросов нуждается как в углублении знаний истории финно-угорских народов, так и в выяснении принципов словообразования финно-угорских этнонимов, где могут сохраниться особенно архаические структурные типы.

С вопросом о происхождении этнонима "меря" тесно связан вопрос о происхождении мерянского языка, его месте в семье финно-угорских языков, который также еще не нашел своего окончательного решения. Если принадлежность мерянского языка к финно-угорской группе никогда не вызвала особых сомнений³, то значительно сложнее было решить, к какому финно-угорскому языку (группе языков) он особенно близок. А.Кастрен предполагал особую близость мери и марийцев и их языков [78, с. 167]. Первая серьезная попытка подтвердить эту гипотезу, как и вообще изучить мерянский язык на основе его остатков, была сделана Т.С.Семеновым, учителем марийского языка при Казанской учительской семинарии, в статье "К вопросу о родстве и связи мери с черемисами", опубликованной в 1891 г. На основе сравнения 403 местных названий предполагаемого мерянского происхождения с марийскими словами и названиями Т.С.Семенов нашел, что "данные из языка и факты из быта и истории мерян и черемис... действительно допускают возможность очень близкого родства между этими народами" [50, с. 229]. В то же время он считал, что окончательно определить место мерянского языка среди других финно-угорских можно будет "только тогда, когда меряне... по остаткам своего языка будут сопоставлены или сравнены со всеми народностями финского племени" [50, с. 229]. По стопам Т.С.Семенова в опубликованной значительно позже (1935) работе "Merja und Tscheremissen" [91, с. 351-418] шел фактически М.Фасмер, на основании более тщательно собранного и исследованного ономастического материала старавшийся доказать близость мерянского языка к марийскому. Относительная ограниченность привлеченных данных (только топонимы) и стремление во что бы то ни стало связать их лишь с марийским языком (например, в объяснениях по поводу названий Кера [91, с. 386], Ура, Курга [91, с. 392-393], Тума [91, с. 396], Дочма/Дотьма [91, с. 401]) привели М.Фасмера к выводу, что "должно быть допущено тесное родство мери и марийцев (черемисов)" [91, с. 411]. Неправомерность подобного вывода подверг критике финский исследователь П.Равила, считавший, что мерянский язык более обоснованно рассматривать в качестве связующего звена

³ Здесь, конечно, не принимаются во внимание явно устаревшие взгляды, например Д.Ходаковского [73, с. 23], считавшего меря "славянским племенем", а следовательно, и носителем славянского языка.

между прибалтийско-финскими и мордовскими языками [87, с. 25, 26]. Работа М.Фасмера, таким образом, не способствовала решению вопроса о положении мерянского среди финно-угорских языков. П.Равила, справедливо критиковавший М.Фасмера за односторонность и необъективность освещения языковых фактов, тоже не обосновал своего мнения конкретным исследованием мерянского языкового материала, но с этого времени, а отчасти и вследствие работ археологов, опровергающих тесную связь мери с марийцами [57, с. 124], гипотеза об особой близости мерянского языка с марийским была окончательно отвергнута [56, с. 179]. Учитывая взгляды предшественников и на основании результатов собственных исследований, А.И.Попов пришел к выводу о том, что "... несмотря на несомненные общности в словаре с другими финно-уграми ... мери (в языковом отношении) отличалась от марийцев, как и от мордвы и других финно-угров..." [44, с. 101]. Этот взгляд подтверждается и отрицательными результатами предшествующих попыток усмотреть в мерянском особую близость к какому-либо из финно-угорских языков, и явным своеобразием ряда мерянских слов, о чем говорит А.И.Попов, — таких, как урма "белка", якр(е) "озеро", бол "селение" и под. [44, с. 100, 101]. При всей его логичности этот вывод также нуждается в обосновании, поскольку подвергнутый исследованию материал предполагаемого мерянского происхождения изучен недостаточно. Обращает на себя внимание однотипность этого материала: почти весь он относится к ономастике. Возможные мерянские элементы из диалектных апеллятивов и социолектов (арго) с бывшей мерянской территории до последнего времени не исследовались. Кроме того, почти никто из исследователей, кроме отчасти Фасмера, обратившего внимание на звуковую сторону мерянских включений в русском [91, с. 384], не вышел за круг чисто лексико-этимологических вопросов. Ученые, уделявшие внимание мерянскому языку, в большинстве случаев ограничивались приведением списков названий предполагаемого мерянского происхождения, обосновывая их истолкование параллелями из других финно-угорских языков. Несколько расширить исследование попытался О.В.Востриков [5; 6], привлекая данные диалектных апеллятивов, в частности связанные с местной географической номенклатурой, что позволило ему найти ряд новых интересных мерянских включений в русских говорах. При всех несомненных достоинствах работ О.В.Вострикова их, однако, как и работы его предшественников, характеризует отсутствие системного подхода к предполагаемому мерянскому материалу. Это могло быть связано с тем, что исследуемая им территория (Волго-Двинское междуречье) была в прошлом населена носителями не только мерянского, но и других финно-угорских языков,

и О.В.Востриков не ставил перед собой задачи специального исследования мерянского языка, его мерянские находки сделаны как бы попутно. Между тем мерянский, как и другие субстратные языки, уже давно ожидает не отдельных случайных, хоть и интересных, работ, появляющихся через значительные промежутки времени, а целеустремленных, специальных исследований, где бы полнота и разнообразие материала сочетались с системностью и всесторонностью его рассмотрения. Возможность подобных исследований подготовлена всем предшествующим развитием финно-угристики, в частности возросшей изученностью смежных с мерянским финно-угорских — венского, мордовского, марийского, пермских — языков. Об их актуальности свидетельствует появление с 60-х годов целого ряда работ, посвященных финно-угорским субстратам в русском языке и принадлежащих отечественным и зарубежным ученым, в частности В.И.Лыткину [33], Б.А.Серебренникову [52; 54], А.К.Матвееву [38; 39], В.Т.Ванюшечкину [3], О.В.Вострикову [5; 6], О.Б.Ткаченко [60-65], В.Феенкеру [92], Г.Стипе [89]. Работа в области финно-угорских субстратов в русском языке, в частности мерянского субстратного языка, должна стимулироваться также социально-экономическими процессами — преобразованием природы, миграцией населения, переездом сельского населения в города и т.п., — которые ведут к исчезновению местных русских говоров, включающих в себя субстратные элементы.

Все изложенное говорит о необходимости поторопиться как с фиксацией сохранившихся остатков мерянского языка, так и с их изучением, дающим возможность реконструировать его в допустимых пределах. Попыткой ответить на это требование современной науки и является настоящая работа.

Поскольку в настоящее время наука только подходит к синтезу доступного ей мерянского материала, а синтезу неизбежно должен предшествовать анализ, задача воссоздания фонетической системы мерянского языка в ее полном объеме и конкретности должна быть признана преждевременной. Чтобы выяснить с максимально возможной полнотой особенности мерянской фонетики в их историческом развитии и пространственной приуроченности, то есть определить инвентарь ее фонем, их вариантов и особенностей сочетаемости, в том числе слогаделения, а также особенности ударения и количества, необходимы следующие предварительные условия: 1) со всех русских языковых фактов, мерянских по происхождению или испытавших мерянское воздействие, которыми мы сейчас располагаем при реконструкции мерянского языка, должны быть сняты наслоения славяно-русского языкового влияния; 2) все они — каждый в отдельности — должны быть расположены в соответствующей хронологической плоскости, связанной со временем их заимствования (включения) в славяно-русский язык; 3) факты русского языка, доказанные в качестве мерянских по происхождению или испытавших влияние мерянского языка, должны быть подвергнуты истолкованию с пространственной точки зрения как факты лингвогеографии, относящиеся к тем или иным группам мерянских говоров. Только выяснив совокупность данных всего мерянского материала и каждый входящий в него факт с точки зрения этих трех задач, можно будет решить задачу воссоздания мерянской фонетики. Пока это не сделано и на пути к более сложным и конкретным заданиям стоит элементарная, хоть и не менее ответственная, задача собирания явлений, представляющихся мерянскими, и доказательства их мерянского происхождения, вопрос об особенностях мерянской фонетики может быть решен только в наиболее общих чертах с обязательной оговоркой вынужденной предварительности и известной гипотетичности предлагаемого ответа.

Материалом, на основании которого уже теперь можно до некоторой степени судить о мерянской фонетике, являются, с одной стороны, факты русского языка, а именно слова и названия, которые можно рас-

смагивать в качестве мерянских по происхождению, а с другой — те славянские по происхождению слова русского языка с мерянских в прошлом территорий, своеобразие фонетического облика которых дает основание рассматривать их в качестве подвергшихся влиянию со стороны финно-угорского, то есть на данной территории, очевидно, мерянского языка. Поскольку исчезновению мерянского языка в области его распространения должен был предшествовать более или менее длительный период славяно-(русско-)мерянского двуязычия, вполне обоснованно можно предположить, что какая-то часть русских слов заимствовалась из славяно-русского языка мерянским и в форме, приобретенной в нем, влилась затем в русский язык местного населения. Близко к ним, по-видимому, стоит другая группа русских слов с чертами финно-угорской, мерянской фонетики, мерянского фонетического "акцента". Это те слова русского (< восточнославянского) языка, которые, хоть и не вошли в состав мерянского, могли употребляться в русской речи мерянского населения еще в тот период, когда мерянский язык не был им полностью утрачен. В мерянский язык эти лексические элементы русского языка могли попадать только в качестве окказионализмов в процессе неизбежной при двуязычии языковой интерференции. Однако, поскольку мерянское население в это время еще употребляло параллельно с русским мерянский язык, влияние его фонетики, возможно, уже в меньшей степени, могло сказаться и на этой части русских слов. Благодаря словообразовательным (деривационным) связям некоторые фонетические особенности, связанные с двумя данными группами слов, могли быть перенесены на их производные. Наиболее стойкие фонетические тенденции, обязанные своим возникновением и существованием мерянскому языковому субстрату, именно те, которые не вступали в резкое противоречие со славяно-русской фонетической системой, могли влиять на русские слова даже в тот период, когда мерянский язык, а с ним и меряно-русское двуязычие исчезли и население бывших мерянских (позже русско-мерянских) территорий стало сплошь одноязычным. Здесь мы не будем останавливаться специально на вопросе о том, каково происхождение каждого из русских слов с необычной, по-видимому мерянской, фонетикой. К этому вопросу предстоит еще вернуться при рассмотрении истоков формирования лексики мерянского происхождения, сохраненной русским языком. Следует, однако, подчеркнуть ценность использованного источника сведений об особенностях мерянской фонетики. Ценность эта определяется тем, что данный материал в территориальном отношении не вызывает сомнений: он почерпнут из картотек костромского и ярославского областных словарей, то есть с той языковой территории, где

в прошлом была распространена мера. Пренебречь этим источником нельзя хотя бы потому, что довольно ограниченный пока русский лексический материал, рассматриваемый в качестве происходящего из мерянского языка, не во всех случаях вполне доказан как мерянский, аргументировать полностью его "мерянскость" в ряде случаев еще предстоит. К тому же даже если нет оснований для того, чтобы усомниться в его мерянском происхождении, далеко не всегда имеется полная уверенность в том, что русские слова и названия мерянского происхождения полностью (или, по крайней мере, без значительных отклонений от исходной мерянской формы) сохраняют свои фонетические особенности. Уже априорно можно предположить, что все мерянские слова и названия, употребляемые (или употреблявшиеся) в русском языке, должны были в большей или меньшей степени в нем изменяться, приспосабливаясь к его фонетической и грамматической системам. В результате этого апеллятивы и собственные имена мерянского происхождения подверглись разнообразным, в том числе и фонетическим, изменениям, которые предстоит установить. Лексемы славяно-русского происхождения в связи с этим имеют по сравнению с мерянскими неоспоримое преимущество, — являясь совершенно определенно словами русского языка, главным образом славянскими по происхождению, они в то же время недвусмысленно обнаруживают отличия от соответствующих русских слов в литературном русском языке и русских диалектах, расположенных вне сферы финно-угорских, в частности мерянских, влияний. Это в сопоставлении с предполагаемыми лексемами мерянского происхождения дает возможность с большей полнотой и обоснованностью судить о чертах мерянской фонетики. Сложность интерпретации фонетического материала, его неоднозначность при оперировании словами славяно-русского происхождения заключается в следующем: поскольку диалекты данных территорий не находились в изоляции, а беспрерывно взаимодействовали как с русским литературным языком, так и с русскими говорами, которым их особенности были чужды, эти своеобразные фонетические черты не представляют собой чего-то застывшего, раз и навсегда данного, в процессе взаимодействия с инодиалектными (в том числе литературными) особенностями они подвергались определенным сдвигам, в том числе связанным с явлением гиперкоррекции. Это, как и вообще работа с указанными особенностями, требует дополнительных уточнений, которые можно и следует почерпнуть как из материала мерянского происхождения, так и из фактов других финно-угорских языков.

В связи со своеобразием каждого из упомянутых источников сведений о мерянской фонетике, из которых славяно-русский может дать о ней лишь наиболее общее представление, так сказать, только в пер-

вом приближении, а факты мерянской по происхождению лексики при всей их неполноте значительно уточняют и конкретизируют выводы, полученные из первого источника, представляется целесообразным, идти от более известного к менее известному, начать именно с русских слов с чертами финно-угорской (мерянской) фонетики, своеобразие которых лежит на поверхности. В дальнейшем особенности мерянской фонетической системы будут рассмотрены на основе лексики и ономастики предполагаемого мерянского происхождения, что даст возможность уточнить данные, полученные в результате анализа русской лексики немерянского происхождения с мерянскими фонетическими чертами. Окончательные выводы будут получены в результате обобщения сведений, полученных из обоих источников.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕРЯНСКОГО ЯЗЫКА (НА ОСНОВАНИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ НЕМЕРЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)¹

Как и всегда в случаях языкового взаимодействия, наиболее заметны сдвиги в области консонантизма, более тонкими, менее уловимыми являются изменения гласных. Именно поэтому необходимо как можно более полное экспериментально-фонетическое исследование соответствующих говоров, чем в настоящее время исследователь мерянской фонетики не располагает. В связи с этим основное внимание здесь будет уделено предполагаемым явлениям мерянского консонантизма, как они представляются на основе анализа диалектного материала немерянского происхождения. Явления вокализма будут затронуты в значительной меньшей степени.

При обращении к данным русских говоров постмерянских территорий, в частности костромских и ярославских, обращают на себя внимание глухость согласных, которым в литературном языке (или в других говорах, не связанных с данными территориями) соответствуют звонкие, и, наоборот, замена звонкими согласными характерных для литературного языка (и других говоров) глухих. Примеры употребления глухих согласных вместо обычных для русского литературного языка (и большинства говоров) звонких обнаруживаются в следующих случаях:

¹ Отсутствие пока широкой работы по изучению говоров Владимирской, Ивановской, Московской и Калининской обл., в прошлом полностью или частично населенных мерей, вынудило автора там, где использованы диалектные (арго-готические) афеллятивы, привлекать в основном факты ярославских и костромских говоров. Диалектные сведения с других постмерянских территорий использованы в значительно меньшей степени.

1) аграма́тний "огромный" (Яр.губ.) КЯОС 25 - рус. (лит.) грома́дний;
 2) веркало "праща" (Яр - Рост) ЯОСК - рус. (лит.) изверга́ть; 3) зака́та "то же, что (диал.) загата (= соломенная обкладка вокруг дома для утепления)" (Яр - Тут) ЯОСК; 4) кади́ка (Яр - Рост) ЯОСК - рус. (лит.) гади́ка; 5) збу́торэжы́ць "возмутить" (Яр.губ. - Рост) КЯОС 77 - рус. (лит.) взбу́доражи́ть; 6) коко́тки "ногти на руках" (Яр.губ. - Углич) КЯОС 89, коко́ток "ноготь" (Яр.губ.) КЯОС 89 - рус. (лит.) когото́к; 7) падо́г "палка, посох" (Яр.губ. - Пом); "часть ткацкого станка" (Яр.губ.); "палка у молотила, пружина" (Яр.губ. - Пом); "короткая палка паса" (Яр - Угд.) КЯОС 140 - рус. (диал.) ба́тог "кну́т; бильная часть паса; палка, посох" СРНГ II 144-145; 8) папа "бабушка" (Костр.губ. - Кин); "старуха" (Костр.губ. - Гал) МКНО; "обращение к бабушке" (Костр - Макар) КОСК - рус. (диал.) ба́ба "мать отцова или материна, жена деда" Даль I 32; 9) пахча "различные овощи (свекла, брюква, огурцы)" (Яр - Рыб) ЯОСК - рус. (лит.) бахча "участок, засеянный арбузами, дынями"; 10) трите́нья "около трех дней" (Костр - Костр) КОСК - рус. (диал.) трэде́нство (чьей смерти) "три дня, трои сутки" Даль IV 432; 11) фика (Яр.губ.) КЯОС 208 - рус. (лит.) фи́га; 12) ко́н "часть поля, в котором каждый домохозяин получает полосу; участок земли с почвой разного достоинства и удобным подъездом к нему" (Яр.губ.) КЯОС 91 - рус. (диал.) го́н "участок пахотной земли, принадлежащей одному хозяину; полоса пахотной земли, которую при пахоте пахарь проходит до поворота; мера измерения площади" СРНГ VI 356-358; 13) хли́пец "хлеб" (Яр.губ.) КЯОС 210 - рус. (лит.) хлебе́ц "небольшой хлеб" (укр. хлібець "то же"); 14) синька "москозка (птица), *Parus sibiricus* L., синица сибирская; *Poecile palustris* L., гаичка бурая" (Яр.губ.) КЯОС 184 - рус. (диал.) зы́нка "птица, *Parus major* (вид синички)" СРНГ XI 283 (ср. также рус. (диал.) зыньковный соловей "солсвей, который начинает свое пение с позыва синички" СРНГ XI 283).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в шести из приведенных 14 примеров, причем тех, которые могут относиться к наиболее традиционным словам (независимо от того, употреблялись ли они в меряноском языке), а именно в словах кади́ка, пахча, падо́г, папа, ко́н, синька, глухой вместо звонкого выступает как первый звук соответствующих слов². В двух словах замена звонкого глухим проследивается в начале первого корневого слога (зака́та) или второго компонента композита (трите́нья). В трех случаях замена звонкого глухим отмечена либо в позиции между двумя глухими (коко́ток), либо в конце

² В слове папа <*паба, очевидно, под влиянием начала слова оглушение коснулось также начала второго слога.

слова после слога с начальным глухим, в том числе в сопровождении сонорного (фика, хлипец). Только в трех из приведенных примеров замена выступает в положении неблагоприятном для оглушения звонкого, — в интервокальной позиции между звонким и сонорным (збуторажить) или в позиции между сонорными (веркало, аграмастный), где скорее можно было бы ожидать сохранения звонкости или — при первоначальном глухом — его озвончения. Ввиду этого три последних случая есть основания рассматривать в качестве обусловленных стремлением к гиперкоррекции.

Противоположное явление — появление звонких согласных вместо выступавших в русском литературном языке и других русских говорах глухих — наблюдается в следующих случаях: 1) базлёны "красивые, нарядные девушки" (Яр - Брейт) ЯОС I 45 - рус. (диал.) баса "красота" СРНГ II 127, басёна "шеголиха, шеголь" СРНГ II 128; 2) сбахтать "(о масле) сбить" (Костр.губ. - Кин) МКНО - рус. (обл.) пахтать "сбивать (масло из сливок или сметаны)" Даль III 26; 3) бриткий(-ной) "быстро делающий, выполняющий что-либо; скорый в работе" (Яр - Пош) ЯОС II 23 - рус. (лит.) прыткий; 4) бужеваться "метаться, быть непостоянным, ненадежным, не держать слова" (Яр) ЯОС II 28 - рус. (лит.) бушевать; 5) гачуля (Яр - Пош, Рнб) ЯОСК - рус. (лит.) качели; 6) голея "тропинка в поле" (Яр.губ. - Мол) ЯОСК - рус. (лит.) колея; 7) Главдён (Яр - Гавр.-Ям) ЯОСК - рус. (лит.) Клавдия (имя); 8) заграбаздить (Яр - Некоуз, Тут) ЯОСК - рус. (лит.) заграбастать; 9) жужковать (Яр - Дан) - рус. (лит.) жушковать; 10) зёркало (Костр - Буй; Яр - Тут, Угл) ЯОСК - рус. (лит.) зеркало; 11) зёркальный (Яр - Пош) ЯОСК - рус. (лит.) зеркальный; 12) клубнига (Яр - Тут) ЯОСК - рус. (лит.) клубника; 13) лэнда (Костр - Нер) КОСК (Костр.губ. - Кин) МКНО - рус. (лит.) лента; 14) логоть (Костр - Буй) КОСК - рус. (лит.) локоть; 15) педистенок "спальня" (Яр - Дан) ЯОСК - рус. (диал.) пятистенок "деревянный дом, разделенный на две части капитальной стеной" СРНГ II 452; 16) подог "длинная палка, на которую опираются при ходьбе" (Костр - Солигал) КОСК - рус. (лит.) батог; 17) сабог (Костр - Нер, Сусан) КОСК, (Яр - Дан, Рнб, Щерб, Гавр.-Ям, Тут; Костр - Крас) ЯОСК - рус. (лит.) сапог; 18) сабожник (Яр - Мышк) ЯОСК - рус. (лит.) сапожник; 19) хлибаёт (Костр.губ. - Гал) - рус. (лит.) всхлипывает; 20) чeverиги "черевики, женские башмаки" (Костр. губ. - Кин) МКНО - рус. (диал.) чeverики "то же" Даль IV 586, рус. (обл.) черевики "женские сапожки на высоких каблуках" Даль IV 590; 21) крыжа (Яр.губ. - Рост) КЯОС 97 - рус. (лит.) крыша; 22) слибрить (Яр.губ. - Пош) КЯОС 182 - рус. (разг.) стибрить; 23) свирёбой

(Яр - Мышк) КЯОС 181 - рус. (лит.) свирепный; 24) сойга (птица) (Яр. губ.) КЯОС 189 - рус. (лит.) сойка.

Из 24 рассмотренных выше примеров 19, то есть около 80 %, приходится на случаи, где звонкий согласный вместо обычного для литературного языка и остальных говоров глухого выступает в середине слова, и только пять, то есть 20 %, - на случаи, где звонкий вместо глухого отмечен в его начале, ср.: базлённ, сбахтать, бужевать-ся, заграбаздить, зергало, зергальный, клубнига, лёнда, доготь, пещистенок, подог, сабог, сабожник, хлибает, чевериги, крыжа, сдиорить, свирёбой, сойга - бриткий, гачуля, голея, Главцея, жужукать. Если учесть при этом, что в одном из случаев речь идет об одновременном озвончении глухого также в середине слова (жужукать), который, таким образом, не типичен как пример озвончения начального глухого, то процент случаев озвончения начальных глухих станет еще меньше. Интересен также пример подог (костр.) (яросл. падог), где одновременно наблюдается глухой согласный в начале слова при звонком в середине как соответствие слав. (рус.) батор с противоположным распределением согласных по звонкости-глухости. О том, что с исходной славянской формой имеем дело именно в последнем, а не в первом случае, вполне отчетливо, помимо рус. батор, говорят все его инославянские соответствия, ср.: друс. баторъ "бич", рус. батор "палка, трость; простая из лесного дерева палка; бильная часть цепа; палка, посох", укр. batir "кнут, плеть; усы у огурцов, дынь", п. batog "здоровенная дубина", batogi (мн.) "битье палкой", кашуб. (словин.) bātag "бичь, плеть", ч. batoh "дорожная заплечная котомка", ст. batoh "плетка", схв. batog "палка; сушеная рыба", восходящие к пол. *batogъ (ЭССЯ в. I, 165-166). Рассмотренный иллюстративный материал позволяет сделать вывод, что восточнославянские слова (и тем последовательнее, чем к более древнему периоду славяно-неславянских языковых контактов они восходят) переделывались согласно свойствам им языковым навыкам носителями языка, в котором противопоставление глухих и звонких согласных не имело фонематического значения, а было обусловлено чисто позиционно. Имеется в виду, по-видимому, язык, где существовали, не считая сонантов, только глухие согласные фонемы. Эти фонемы были абсолютно глухими в начале слова, если данное слово не объединялось особенно тесными связями (например, как второй компонент композита) с предшествующим звонким (сонорным или гласным исходом). В интервальной позиции или между сонантами глухая фонема могла озвончаться. Однако этот звонкий ("озвонченный") вариант воспринимался носителями данного неславянского языка лишь как позицион-

но обусловленный вариант той же глухой фонемы, поскольку оба проявления звука не могли быть противопоставлены в одной позиции и служить в речи в качестве смыслоразличительных сигналов (фонем). Скорее всего, речь могла идти не о звонких, а о полувзвонких (точнее, полуглухих) звуках, подобных эстонским [ʋ], [ʋ̃], [ʋ̄] (ср. эст. luba "разрешение", edasi "вперед", nõukogu "совет") или близким к ним, но более глухим финским *p*, *t*, *k* в интервокальной или постсогласной позиции (ср. фин. apu "помощь", katu "улица", ranta "берег")³. В целом, можно говорить о том, что в начале слова глухой согласный в дославянском (мерянском) языке произносился более сильно и, следовательно, глухо, в середине же слова сила его произношения спадала, следствием чего могло становиться его озвончение или — при еще большем ослаблении силы произношения — спонтизация, переход в соответствующий проточный согласный. Оба явления наблюдаются (в разной степени) как в прибалтийско-финских и саамском, так и в волжско-финских языках. Если финский тяготеет в основном к ослаблению интервокальных согласных с их частичной спонтизацией, что дало чередование ступеней (ср. фин. joki "река" — joen (jo(r)en, род. п. ед. ч.), käte "рука" (kätellä "здороваться за руку") — käden (диал. kädän, род. п. ед. ч.), lapa "лопасть; лопатка" — lavan <lapan, род. п. ед. ч.), то марийский наиболее последовательно из волжско-финских языков проводит спонтизацию взрывных согласных (ср. мар. Г вогн, фон. joʋə "течение; поток", мар. шуд, фон. sūd "сто" при ф. sata, мар. куво, фон. kuo "мякина" при эст. kōva "кора (дерева)"). Менее последовательно спонтизация проведена в мордовском языке, который занимает как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и марийским: с одной стороны, здесь видны (в случае исходных префиксно-угорских *k*, *p*) конечные результаты спонтизации данных звуков в середине слова, ср. морд. Э явомс "делить" и мар. коваште "кожа; шкура" при ф. jakaа "делить" и эст. kōva "кора (дерева)", с другой — рефлекс исходного ф.-уг. *t* сохраняется в мордовском, как и в финском, взрывной характер, тогда как в марийском здесь была проведена спонтизация, ср. морд. Э сядо "сто" при ф. sata и мар. шуд, фон. sūd "то же" /34, с. 135-137/.

Еще трудно с полной определенностью выяснить, какое положение занимал мерянокий язык. Можно только говорить о том, что во внутрисловном консонантизме он обнаруживал некоторые черты, сближавшие его

³ В связи с последним интересна характеристика произношения этих звуков в учебнике финского языка, предназначенном для эстонцев: "k, p, t произносятся внутри слова почти так же, как эстонские g, b, d (немного сильнее)..." /88, с. 5/.

с марийским языком и отдалявшие от прибалтийско-финских и мордовского, однако степень сходства с марийским языком в рефлексации исходных праязыковых взрывных в середине слова на основании имеющих, тем более только славяно-русских, данных определять трудно. Ясно одно. Поведение взрывных согласных фонем в начале и середине слова, а также их подбор и позиционная вариативность не оставляют сомнений как в исконно финно-угорском характере языкового субстрата на бывших мерянских территориях, так и в том, что язык, породивший данный субстрат, не мог исчезнуть быстро. Иначе бы следы его фонетического влияния не были столь явственными и не оставались бы в такой степени типично финно-угорскими.

Как и другие финно-угорские языки, унаследовавшие эту особенность от финно-угорского праязыка, мерянский, по-видимому, не терпел больше одного согласного в начале слова. Ср. в связи с этим следующую характеристику данной особенности финно-угорских языков: "В начале слова в финно-угорском языке-основе стоял только один согласный (или один гласный). Такое положение в общем сохранилось и в современных финно-угорских языках. Правда, теперь в начале слов мы нередко встречаем сочетание согласных, но эти слова большей частью позднейшего происхождения. К ним относятся, например, следующие: а) изобразительные слова: мр. крак-крак, к. крав, у. крок-крок - карканье воронь; б) заимствования: мр. крак, к. крак "кряк", "толстое короткое бревно", у. крап "кран"; но заимствования часто приспособляются к фонетической системе языка, например, к. дóва < русск. вдова, ф. koulu < швед. skola (диал. skoula) "школа"; в) новообразования, возникшие вследствие определенных звуковых изменений (чаще всего выпадения гласного первого слога): м. пси "горячий, жаркий" < *писи (диал. писи), ср. к. пось "горячий..." /34, с. 119/.

Подобной особенностью, по всей видимости, обладал и мерянский язык, в связи с чем славянские слова, проникавшие в него, претерпевали изменения, имевшие целью приспособить их к его фонетической системе.

Достигалось это, как и в других языках, двумя путями, которые позволяли устранять скопление согласных в начале слова: 1) путем отбрасывания "лишних" с точки зрения финно-угорской фонетики согласных и сохранения только одного из них, ср. вст. toim "буря", снн., дат., швед. storm "то же"; 2) путем вставки гласного в скопление согласных начала слова, ср. венг. király "король" < слав. (юго-зап., сев.-зап.), схв. králj, слн. králj, слц. král', ч. král "то же" /82, т. I, с. 268-269/, что опять-таки позволяло оставить в качестве начального один согласный, за которым сразу же следовал гласный. Одним

из путей, приводивших к этому, - в случае двух начальных согласных с гласной после них - могла быть также метатеза группы "второй согласный + гласный". Примерами первого способа устранения скопления согласных в начале слова могут быть следующие случаи: элица "метель" ("На улице элица, на дворе метелца") (Яр - Пересл) ЯОСК < *vjэлица, орф. вьэлица < вьэлица < вэлица вследствие диалектного перехода -je- < -ja-; моргать "сморгать" (Костр. губ. - Пер; ООСВ I 16) КОСК < сморгать < сморгать⁴; нарахать "напугать" (Яр - Мышк, Пош, Брейт) ЯОСК < настрахать, нарахаться "испугаться, струсить" (Ярославль) ЯОСК < настрахаться, нарахнуть "напугать" (Яр - Некр, Пересл) ЯОСК < настрахнуть; осарки (мн.) "шварки" (Яр - Брейт, Пош) ЯОСК < (о)сварки, где о-, очевидно, является вторично введенным звуком; мотреть "смотреть" (Яр) КЮС I 13 < смотреть; пасибо (Яр - Люб) ЯОСК < спасибо (ср. морд. Э пасибо "спасибо"); пéвель "головня" (Яр - Мол) ЯОСК < плевель; ричать "кричать" (Яр. губ. - Пош) ЯОСК < кричать; рык "крик, громкий зов" (Яр - Ерм) КЮС I 78 < струс. крык вместо совр. крик; не рой его "не тронь его" (Костр. губ. - Кин) МКНО < не (т)рой его < не тронь его, где переход / < нь объясняется, очевидно, особой палатальной (среднеязычной) вместо обычной для рус. -нь палатализованной артикуляцией, что дало ему возможность перейти в / (й); чёрасетко "вчера" (Костр - Пер) КОСК < вчёрасетко, уменьш. от вчера; щи "щи" (Костр - Пер) КОСК < щи, фон. щчи; прыск "легкий налет на углях, золе" (Яр. губ.) КЮС I 70 < прыск "жар угольный" Даль III 530, ср. также укр. присок "горячая зола с огнем".

Примеры другого способа устранения скопления согласных в начале слова можно обнаружить в следующих случаях: бат "братец" (Костр. губ. - Пер) МКНО; брат (Яр. губ.) ЯОС I 77, (Костр - Антр; Яр - Борисгл, Гавр. - Ям) КЮС 29⁵; браслет "браслет" (Яр. губ.) КЮС 31 (рус.

⁴ В примере обращает на себя внимание также уже отмеченное явление озвончения глухого в позиции между сонорным и гласным: переход -к- в -г-.

⁵ Очевидно, слово возникло или путем вставки гласного с позднейшей редукцией и выпадением гласного конечного слога ((д)рус. брат(ь) > *барат > *барт, ср. венг. barát "друг, приятель; монах; любитель"), или путем метатезы, с чем говорит существование зват. барте (Послушай, барте "Послушай, брат") (Костр. губ. - Ветл) МКНО; можно думать поэтому, что исчезновению -р- в позиции перед -т- в абсолютном конце слова могла предшествовать стадия его перехода в глухое /р/ с его дальнейшей полной ассимиляцией следующему за ним -т-, то есть переходом -р(т) > -т(т), и исчезновением, вызванным тем, что в мерянском языке отсутствовали долгие глухие согласные (как и конечные геминаты). Производным от данного слова является, видимо, глагол батовать "(ирон.) домовничать, быть временно хозяином" (Яр - Пош) ЯОС I 78, "выступать в роли (старшего) брата" (?).

(диал.) бреслет - путем его метатезы, ср. рус. (диал.) браслетка "браслет" (Яр) КЯОС 35); гарусть "грусть" (Яр.губ. - Рост) КЯОС 50 < грусть с рядом производных типа гарустить "наводить уныние, досаждать" (Яр.губ. - Рост) КЯОС 50, гаруститься "печалиться, унывать, скучать" (Яр.губ. - Рост) КЯОС 50, гарусткий "грустный, скучный" (Яр.губ. - Рост) КЯОС 50 и с другим вставным звуком (-о-) горусткий "грустный, скучный" (Яр.губ. - Рост); терзвний "трезвый" (Яр - Гавр.-Ям, Рыб, Пош) ЯОСК (< трезвый).

По-видимому, мерянскому языку были чужды также скопления согласных как в конце слова, так и, по крайней мере некоторых, в середине его. Об этом говорят такие примеры: (в конце слова) весь "весть" (Яр.губ.) КЯОС 41 < весь; стоп "кол" (Костр.губ. - Мак) МКНО < столб, фон. столб⁶; (в середине слова) взатре "завтра" (Яр.губ. - Пош) КЯОС 42 < (диал.) взавтре; запанья "подъемная дверь в подполье" (Яр - Мышк) < западня; затре "завтра" (Яр.губ. - Пош) КЯОС 76 < (диал.) завтре; запраский "настоящий" (Яр.губ. - Пош) КЯОС 74 < заправский; кошик "ковшик" (Яр.губ.) КЯОС 95 < ковшик; русол "рассол" (Костр.губ. - Кин) МКНО < (диал.) россол, фон. рус-сол как результат перехода -о- в -у- в предударной позиции; господь "господь" (Яр - Пош, Тут - употребляется изредка в речи стариков) ЯОСК < господь. Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что мерянский язык не терпел в конце слова сочетания двух согласных с конечным взрывным. Подобные сочетания упрощались путем отбрасывания конечного взрывного или устранением предшествующего согласного (даже сонорного). В середине слова в мерянском языке устранялись сочетания двух одинаковых согласных (ср. русол вместо россол). Это может говорить о том, что в отличие от прибалтийско-финских языков здесь отсутствовали долгие глухие согласные. Избегались также скопления трех согласных (возможно, с известными ограничениями), ср. взатре, затре. Судя по тому, что в данном случае сочетание взрывного с сонантом -р- в середине слова сохраняется, тогда как сочетания двух других согласных устраняются вставкой гласного между ними или отбрасыванием одного из них (запанья, кошик, го-

6 Наиболее вероятно представить себе упрощение звуко сочетания -лб, фон. -лц как следствие перехода звонкого -л- в глухое с дальнейшей его ассимиляцией со стороны -л-, что должно было бы дать -лц > л, то есть л долгое. Поскольку такого звука в мерянском, видимо, не имелось, в результате должно было появиться краткое конечное -л. Подобные процессы в случае конечной группы "сонант + глухой взрывной" характерны из финно-угорских языков, в частности, для мопша-мордовского (ср. морд М: ломатть (< *ломан(ь)ть, ломан(ь)ть) "люди" при ломань "человек").

сыподь), можно думать, что сочетания двух зубных (-дн- - западня), двух спирантов (-фн-, орф. вш-) или спиранта с последующим взрывным (-сп-) в мерянском языке не употреблялись.

Из других особенностей фонетики мерянского языка, о которых можно судить по части русских слов славянского происхождения, обращает на себя внимание в области вокализма отсутствие звука -н-. Об этом говорят такие примеры, как зибель "грязное, топкое, труднопроходимое место" (Яр - Некоуз) ЯОСК, ср. (лит.) зньбь, зньбий; бриткий при (лит.) прыткий (Яр - Пош) КЯОС 35; ручаг "ричаг; дубинка, палка" (Яр - Пош) КЯОС, где в первых двух случаях налицо замена звука -н- звуком -и-, а в третьем - того же -н- звуком -у- (ср. такую же передачу первоначального -н- в эрзя-мордовском языке: морд. күслят "кисель" - друс. кисель "то же").

Несмотря на единичность, подобные факты не могут быть упущены и не учтены, поскольку сам объект исследования, исчезнувший язык, не может дать многочисленных показаний и приходится довольствоваться относительно скудными, фрагментарными данными. Нередко подобные данные являются лишь своеобразными сигналами, симптомами, позволяющими высказывать только те или иные более или менее обоснованные предположения. Однако в общей сумме собранных материалов, рассматриваемых в системе, даже эти единичные детали могут сыграть положительную роль в деле воссоздания, реконструкции фонетической системы языка, способствуя ее полноте. В особенности полезными они могут оказаться в том случае, если в ходе дальнейшего исследования удастся обнаружить дополнительные (подобные) сведения, подтверждающие закономерность, первоначально выведенную лишь из отдельных примеров. Именно поэтому, несмотря на их известную проблематичность, исследователь не имеет права умалчивать даже о единичных характерных фактах, могущих представлять интерес для воссоздания мерянского языка, в том числе его фонетики.

К числу подобных интересных, хотя и единичных (возможно, ранее более распространенных), явлений, обнаруживаемых в словах славянского происхождения ярославских и костромских говоров, относятся такие примеры, как бѣзди "возле" (Костр. губ. - Юрьев); русская (Яр. губ.) КЯОС 178 при (диал. сев.) русской "русский"; рухнуть "провалиться, рухнуть" (Яр. губ. - Пош) КЯОС 178.

Наличие -ѣ- (-'о-) вместо -о- и -р- (-'у-) вместо -у-, то есть -о- и -у- со смягчением предшествующего согласного вместо тех же звуков с твердостью предшествующих согласных, характерных для русского литературного языка и подавляющего большинства русских говоров, скорее всего свидетельствует о том, что в данном случае на русский (сла-

вянский) язык повлиял финно-угорский (в данном случае мерянский) (другой язык в данном случае предположить трудно), в котором в ряде случаев вместо славяно-русских o (лат. o) и y (лат. u) выступали переднерядные лабиализованные звуки õ и ü (ф. орф. y), характерные из финно-угорских языков для прибалтийско-финских (в том числе эстонского, финского, карельского и вепсского, территориально смежного в прошлом с мерянским), марийского (также в прошлом территориально смежного с мерянским) и венгерского языков. Ср. в связи с упомянутым ф. гуваа (народисе, также пренебрежительное) "русский, русский язык; вприсядку (букв. - по-русски) - о танце", а также гуваанjänis "русак (заяц)", где также вместо рус. -y- (лат. u) выступает ф. -y-, то есть -ü-.

Ввиду нехарактерности в целом для славянских языков, в том числе восточнославянских, лабиализованных гласных переднего ряда õ и ü можно полагать, что в данном случае они проникли из мерянского языка, в котором, по крайней мере частично, видимо, употреблялись. Впоследствии мерянские õ и ü могли быть заменены близкими им русскими звуко сочетаниями -'o- (-o- со смягчением предшествующего согласного, орф. -ö-) и -'y- (-y- со смягчением предшествующего согласного, орф. -ю-), ср. подобную замену при передаче тех же звуков в словах французского происхождения: фр. chauffeur, buvard - рус. шофёр, бувар. В русскоязычной постмерянской среде, где в данных или связанных с ними словах произошла предполагаемая замена гласных заднего ряда -o-, -y- (лат. u) их переднерядными соответствиями -õ-, -ü-, она была вызвана, очевидно, тем, что эти заднерядные гласные должны были выступать перед слогами с гласными переднего ряда (*ʒo- zʲi, фон. возли "возле", *ruskäjä "русская", rušit' "рушить"), что вызвало выравнивание вокализма по этим гласным *ʒõzʲi > рус. (диал.) бõзли, *rũskäjä > рус. (диал.) рюсская, rũšit' > рус. (диал.) *рушить "рушить", откуда по аналогии (диал.) рхнуть). Подобная перестройка гласных, отраженная в данных словах, свидетельствует о том, что, по крайней мере, части мерянских говоров был свойствен своеобразный сингармонизм.

Более заметными, как и в уже рассмотренных случаях, являются в русских постмерянских говорах отклонения в области консонантизма, позволяющие судить об особенностях мерянской фонетики. Здесь обращает на себя внимание своеобразный факт весьма частой замены звука x звуком k, ср.: бухало "(уст.) филин" (Яр. губ.) ЯОСК - рус. (диал.) бухало "то же" Даль I 146; варакло (Яр. губ.) КЯОС 39 - рус. (лит.) барахло; виюктка "метелка" (Ярославль) ЯОСК - рус. (диал.) веюктка, на которое, возможно, повлияло рус. (диал. сев.) вять "ве-

яты", "пучок сена, соломы; стелька в лапоть; шипанная мочалка для мытья посуды; тряпка, ветошь" Даль I 336; жмык (Яр.губ.) КЯОС 66 - рус. (лит.) жмык; прижукнуться "притихнуть" (Ярославль) ЯОСК, по-видимому, связанное с жухнуть "тускнеть, померкать, терять вид, лоск" (Даль I 548) и, следовательно, предполагающее исходное прижухнуть (в отношении семантики ср. такой же переход в рус. (лит.) стусневаться "незаметно исчезнуть, удалиться совсем откуда-нибудь; оробеть, смутиться" от первоначального "слиться с фоном при слишком сильном тушевании фигур на чертеже, картине (карандашом)"); ка-мочка "хорошо одетая деревенская девочка" (Яр.губ. - Угл) КЯОС 84, очевидно, связано с хам "(бранное) прозвище лакеев, холопов или слуг; крепостной" Даль IV 542; коровод "хоровод" (Яр.губ. - Пом) КЯОС 93, короводиться "хороводиться" (Яр.губ. - Пом) КЯОС 93; большое количество слов, связанных с глаголом хоронить(ся): коронить "прятать" (Костр - Судисл; Яр - Мышк) ЯОСК, коронить "хоронить" (Яр.губ.) КЯОС 93, корониться "прятаться (букв. - хорониться)" (Яр - Борисогл, Брейт, Рост, Мышк, Ярославль; Ив - Ильин) ЯОСК, скоронить "схоронить, спрятать" (Яр.губ.) КЯОС 186, скорониться "спрятаться" (Яр.губ. - Рост) КЯОС 186, (Костр - Костр) КОСК, ускоронить "спрятать" (Костр - Нер) КОСК, вскоронички "игра в прятки" (Яр - Брейт) ЯОСК, коронички "пятки (игра)" (Яр - Пересл, Некоуз, Угл) ЯОСК, коронки "пятки (детская игра)" (Яр - Большес), корону-хи (Яр - Некр, Гавр.-Ям) ЯОСК, коронушки (Яр - Мышк, Борисогл, Брейт, Рост, Некоуз, Некр; Ив - Аньк, Ильин; Костр - Костр, Нер), коронички (Яр - Пересл) ЯОСК, короняшки "то же" (Яр - Брейт) ЯОСК, короня "пряча" (дееприч.) (Яр - Брейт); "пятки" ("Давайте в короня играть" - Яр) ЯОСК; короняки "пятки" (Ив - Ильин.-Хов) ЯОСК, коронячки (Яр - Яр; Костр - Костр, Нер) ЯОСК, короняшки "то же" (Яр - Гавр.-Ям) ЯОСК, уворонку "тайком" (Костр) КОСК; забкать "застонать" (Яр - Пречист) - рус. (лит.) заохать; затклець "задохнувшиеся в яйцах цыплята" (Костр - Гал) - рус. (лит.) затхлый, (диал.) затхнуться "задохнуться от недостатка воздуха" СРНГ XI 115; проклад-жаться "не торопиться (букв. - прокладаться)" (Костр.губ. - Гал) МКНО; клев (Костр - Антр, Буй, Гал, Ней, Судисл, Сусан; Яр - Брейт, Дан, Мышк, Некоуз, Некр, Пом) ЯОСК, (Костр - Костр) КОСК - рус. (лит.) хлев; кужук < *кожук (с переходом предупредного -о- в -у-) "верхний выступ в передней части русской печи; нижняя часть русской печи" (Яр - Брейт, Пом) ЯОСК - рус. (диал.) кожух "округлая покрывка, свод; навес над чужалом, очагом; нижний раструб дымовой трубы над русской печью; свод банной печи, каменки" Даль II 130; закомки-вать "есть с жалностью" ("Хватит тебе закомкивать, щеки лопнут" -

Яр - Рыб) ЯОСК, - по-видимому, от (диал.) комяк "комяк (грызун с большими защечными мешками, куда он набивает пищу)", первоначальное значение слова - "есть жадно, как комяк"; крупкой < *крупкой < хрупкий (Яр.губ.) КЯОС 97 - рус. (лит.) хрупкий; кулиган, кулиганить (Яр.губ. - Пош) КЯОС 99 - рус. (лит.) хулиган, хулиганить. Иногда, видимо вторично, первоначальное к, употребленное вместо русского литературного и свойственного большинству русских диалектов х, переходило в начале слова перед гласным в г. Таким образом появлялись слова типа голстинка "головной платок" (Яр.губ.) КЯОС 53 или - явно позднее - гулиган "хулиган" (Яр.губ. - Пош) КЯОС 56, где с первым вполне сравнимы рус. (лит.) холст, рус. (диал.) холстинка "бумажная полосатая и клетчатая ткань, цветной миткаль". Даль IV 560. Круг слов, где русскому литературному и обычному диалектному х в ярославских, костромских и ивановских говорах соответствует к, мог быть шире, о чем свидетельствуют слова, существующие в настоящее время в упомянутых говорах. К ним в числе прочих могло относиться такое важное слово, как колст (холст). Видимо, в противовес фонетической (более ранней) тенденции замены обще(велико)-русского звука х звуком к в тех же говорах возникло гиперическое явление замены обще(велико)русского к звуком х, ср.: балкон "чердак" (Яр - Некоуз) ЯОС I 57 - рус. (лит.) балкон (с другим значением, однако несомненно связанное с данным словом); хлеть (Костр. губ. - Варн) МКНО - рус. (лит., диал.) клеть; холпак "крыша" (Костр. губ. - Солигал) МКНО - рус. (лит.) колпак "головной убор конусообразной или овальной формы; крышка такой формы к разным предметам".

Замену звука х в словах славянского (и вообще немерянского) происхождения звуком к в русских говорах с бывшей мерянской территории есть все основания рассматривать также как одно из явлений, возникших вследствие воздействия мерянской фонетической системы на славяно-русскую. Очевидно, в мерянском языке подобно большинству других финно-угорских языков, в том числе смежных с ним территориально, отсутствовал звук, аналогичный русскому (и славянскому вообще) х. Надо сказать, что к настоящему времени этот звук проник в фонетическую систему марийского и мордовских (эрзя и мокша) языков, расположенных в прошлом по соседству с мерянской языковой территорией. Однако произошло это, по всей видимости, сравнительно поздно и только под влиянием других языков: для мордовских - русского; для марийского - русского, а также чувашского и татарского. Первоначально звука х не было ни в марийском, ни в мордовском языке, он, как и в ярославских, костромских и ивановских русских говорах, передается в наиболее древних славяно-русских заимствованиях звуком к,

ср.: мар. роскот (МарРС 507) - рус. расход; мар. сукарá (МарРС 547) - рус. сухари; мар. В моко (МарРС 328) - рус. мох; мар. плока (МарРС 433) - рус. плохой; мар. лакán (МарРС 280) - рус. дохань; мар. окотá (МарРС 376) - рус. охота; мар. сáкир (МарРС 517) - рус. сахар; мар. манак (МарРС 314) - рус. монах; мар. Г коромина "хоромина, пустое жилище, без имущества и людей" (МарРС 224) - рус. хоромина, хоромы⁷, морд. Э коцт < *хотст-холст(ь) (ЭрзРС III) - рус. холст; морд. Э крён (ЭрзРС II2) - рус. хрен; морд. Э козяйка "жена" (РэрзС 96) - рус. хозяйка; морд. Э сока (ЭрзРС I98) - рус. сока; морд. Э колка "пук, пучок, клок, клочок (волос, шерсти, травы); холка (у лошади)" (ЭрзРС I05) - рус. холка; морд. М крамой (РМокшС 627) - рус. хромой; морд. М кренъ (РМокшС 627) - рус. хрен; морд. М сока (МокшРС 253) - рус. соха.

Приведенные выше русские (постмерянские) диалектные слова с заменой звука к звуком к в целом отражают ту же особенность консонантизма, которая характерна для марийского и мордовских языков. И там и здесь к служит для передачи славяно-русского к независимо от его положения в слове - в начале, середине или конце.

Важной особенностью консонантизма тех же русских народных говоров является и то, что в них неоднократно встречаются случаи, когда общерусскому (литературному и диалектному) звуку б соответствует в или, наоборот, где в русском литературном языке и большинстве говоров выступает в, появляется звук б. Примерами замены первого рода (вместо б) служат следующие слова: ваш-ваш < *баш-баш < *бяш-бяш "подъёмные слова для овец" (Яр - Толбух) ЯОСК - рус. (лит., диал.) бяш-бяш "призывная кличка овец" Даль I 159; варакло "тряпье, старье" (Яр.губ.) ЯОСК - рус. (лит., диал.) барахло; вердо (вердо) "часть ткацкого станка" (Яр - Первом, Толбух) ЯОСК - рус. (лит.) бёрдо "принадлежность ткацкого стана, род гребня, для прибор утока, для чего каждая нить основы продета в набор или зубья берда, вложенного в набилки" Даль I 81; вес (Костр.губ. - Мант) МКНО - рус. (лит.) бес; вудень ("Не надевай в вудень хорошее платье") (Яр - Рост. Рнб) ЯОСК - рус. (лит.) будень; извисоваться "расшалиться" (Ив - Ильин.-Хов) ЯОСК - рус. (диал.) избесить избесновать "приучить беситься,

⁷ Судя по примерам, приводимым Л.П. Грузовым, раннее количество слов подобного типа в марийском языке было больше, теперь же под влиянием русского языка оно постепенно уменьшается: "В старых изустных заимствованиях ф передавался ц или в, а х - согласным к или иногда г, например ... крён "хрен", кром "хром" ... демэк "лемех" ... Сакар "Захар" ... и др. Подобная ситуация в современных заимствованиях наблюдается в основном лишь в речи старшего поколения" ДЛЗ, с. 2147.

бесноваться, выходить из себя", избесноваться "привыкнуть к необузданной резвости или к вспыльчивости, злости" Даль II 12-13; колобушки "вид печенья круглой формы, приготовленного из пресного теста" (Костр - Остр) КОСК - рус. (диал.) колобушки "небольшие пирожки" (Костр - Солигал) КОСК, колобушка "скатанный ком, шар, гряда, ва-ленец, катанец; небольшой круглый хлебец; кокурка, толстая лепешка, клецка из пресного теста, иногда на молоке; приженец кислого теста, круглый пирог с толокном" Даль II 138; баловес "шалун" (Яр.губ.) КЯОС 28 - рус. (лит.) бадовес; бака < *бавка < бабка "стрекоза" (Яр. губ. - Угль) КЯОС 27 - рус. (диал.) бабка "бабочка", ср. также укр. бабка "стрекоза".

Противоположное явление (замена звука в звуком о) встречается в следующих словах: валуй "съедобный гриб" (Яр - Мшк, Пош, Тут, Яр) ЯОС I 57 - рус. (диал.) валуй "гриб *Agaricus emeticus? foetens? integer?* близкий сыроежке" Даль I 162; уболить "позволить" ("Она лишнего себе ничего не уболит (- не позволит)") (Костр - Солигал) ЯОСК - рус. (лит.) уволить "освободить"; обэли (Костр.губ. - Юрьев) МКНО - рус. (лит.) возле; бетвина "ветвина, ветка" (Костр.губ. - Кин) МКНО - рус. (диал.) ветвина "вица, вязок, напр. для связи двух кольев изгороди" Даль I 334; побредить (Костр.губ. - Костр) МКНО - рус. (лит.) повредить; кабардак (Яр - Борисогл) - рус. (лит.) кавардак; бякнуть "сказать что-нибудь наобдуманно, невпопад" (Яр. губ. - Рост) КЯОС 38 - рус. (диал.) вякать (вякнуть) "врать, пусто-словить, болтать вздор" Даль I 338; болтузиться "возиться" (Яр.губ. - Пош) КЯОС 34 - рус. (диал.) волтузиться "возиться, бороться; кани-телиться; драться (иногда в шутку)" СРНГ У 76.

Поскольку в других говорах русского языка и славянских языках вообще подобное смешение о и в не наблюдается, его можно объяснить только особенностью финно-угорского мерянского языка, который стал языковым субстратом местных русских говоров, образовавшихся в большей или меньшей степени в результате усвоения мерянским населением славяно-русского языка и смешения меры с восточными славянами, поселившимися на этих землях. Черта смешения о и в, вызванная тем, что вместо данных звуков там выступает звук β, занимающий между ними как бы промежуточное положение, свойственна из финно-угорских языков, в частности, марийскому, где при усвоении русского языка марийцами также наблюдается подобное смешение [42, с. 357]. Очевидно, и в мерянском языке двум славяно-русским фонемам - о и в - противостояла одна фонема β, вследствие чего слова русского языка, в которых выступал один из этих звуков, передавались неточно: в ряде случаев вместо о в них произносилось в, а вместо в - о. Первоначально, оче-

видно, местное мерянское население, усваивая славяно-русские фонемы б и в, подставляло всюду вместо них свою фонему β. Затем в связи с необходимостью различать оба славяно-русских звука, каждый из которых имел фонематическую значимость, местным финно-угорским населением была, по-видимому, усвоена одна из славяно-русских фонем, скорее всего б, как на это указывает пример марийского языка [13, с. 213]. Мерянская же фонема β могла выполнять роль звука, передающего славяно-русское в. Однако в связи с тем, что фонетическая близость мерянского β к славяно-русскому б, как и марийского β к русскому б (ср. рус. буфет - мар. вуфет, рус. боввой - мар. всоввой, рус. бинт - мар. винт и т.п.), давала также возможность передачи славяно-русского б с помощью мерянского β, сближаемого с русским в, это служило поводом для смешения со стороны мерянского населения в усваиваемых им славяно-русских словах фонем б и в. Вместе с тем в словах мерянского происхождения (в частности, топонимах) при распространении славяно-русского языка и полном вытеснении им мерянского в силу того, что мерянскому β в славяно-русской речи не мог соответствовать с точностью ни один звук, субституироваться он мог наиболее близкими звуками - б и в, так что единый, в сущности, звукотип передавался двумя славяно-русскими фонемами.

Наряду со случаями замены звука в звуком б в русских диалектных словах славянского происхождения на бывших мерянских территориях встречается замена в звуком м. Переход этот отмечается, в частности, в непосредственной позиции перед н, ср.: мнук "внук" (Костр - Мант) КОСК, (Яр - Брейт, Пересл, Рост, Тут, Ареф, Борисогл, Гавр.-Ям, Дан, Мышк, Некоуз, Первом, Угл, Яр, Рост; Костр - Костр) ЯОСК, мнука "внучка" (Костр - Игод) ЯОСК, мнуке (зват. ед.ч. от мнук: "На, мнуке, пряник") (Яр - Рыб) ЯОСК, мнучата (мн.ч.) "внуки" (Яр - Рост, Пересл) ЯОСК, мнучек (уменьш.-ласк. от мнук) (Яр - Тут, Борисогл, Брейт; Костр - Буй, Чул) ЯОСК, мнучка "внучка" (Яр - Яр, Большес, Борисогл, Брейт, Бурм, Влад, Гавр.-Ям, Дан, Мол, Мышк, Нагор, Некоуз, Некр, Первом, Петр, Пречист, Рост, Рыб, Рязанц, Серед, Толбух, Тут, Угл; Костр - Антр, Буй, Игод, Костр, Красное, Ней, Солигал, Су-сан) ЯОСК, мнучок "внучек" (Яр - Некр, Некоуз, Рыб) ЯОСК.

Кроме случаев, когда м выступает непосредственно перед н, подобная замена встречается в позиции непосредственно перед т, ц, д (перед т иногда даже в том случае, когда в отделено от него гласным е), а также изредка перед р (будучи отделенным от него гласным е). Общим для всех этих случаев является то, что м появляется в том случае, когда после в в непосредственной близости от него или будучи отделенным гласным е выступает зубной звук. Примеры указанного явле-

ния встречаются в следующих словах: птаха "птица (букв. - птаха)" (Костр.губ. - Кин, Нер) КОСК [ООВС II7], (Костр - Нер) ЯОСК; пташка (Костр.губ. - Кин, Нер) МКНО, (Яр - Брейт, Дан, Некр) ЯОСК; птица (Костр.губ. - Кин, Нер) КОСК [ООВС II7], (Яр - Гавр.-Ям, Люб, Брейт, Некр; Костр - Костр) ЯОСК; птичка (Яр - Брейт, Гавр.-Ям, Некоуз, Ярославль; Костр - Чулл, Нер) ЯОСК, птишечка (Яр - Бурм, Гавр.-Ям, Тут; Костр - Костр); пчела "пчела" (Костр.губ. - Юрв) МКНО, (Яр - Рыб) ЯОСК; пчела (Костр.губ.) МКНО; пчёлка (Костр - Солигал) ЯОСК; пчельник (Костр - Костр) ЯОСК, пчельник (пчольник) (Костр - Костр) МКНО; ветвина "ветвина, гибкая ветка" (Костр.губ. - Костр) МКНО; мерлога "берлога" (Яр - Пош) ЯОСК.

Значительно реже, видимо, как результат гиперистического отталкивания от диалектного м, которому в литературном языке соответствует в, обнаруживаются в тех же говорах случаи, когда, напротив, вместо м, которое непосредственно (или опосредственно, отделенное гласным е) предшествует н, появляется звук в. Еще реже подобная замена происходит перед р, отделенным от м гласным е, ср.: вного "много" (Костр.губ. - Чулл, Ветл) МКНО; утувеник "место позади дома, заросшее травой" (Костр - Красное) ЯОСК - рус. (диал.) огуменни "место около гумен и овинов" Даль II 649; береститься "казаться" (Костр.губ. - Костр) МКНО - рус. (диал.) мереститься "казаться (букв. - мерещиться)" (Костр.губ. - Костр) МКНО. Интересно отметить, что марийскому языку также свойственна замена в, фон. β звуком м (реже н - звуком в). Основной причиной перехода в (β) > м в марийском языке является ассимиляция - влияние на в (β) последующего н, - что наблюдается и в случае перехода внук > мнук. Более сложны для истолкования случаи, где вместо н выступают другие звуки.

В области консонантизма русских говоров областей Центральной России, населенных в прошлом мерей, обращают на себя внимание также специфические явления, которые при всем их своеобразии и многообразии с наибольшей вероятностью можно объяснить связью с различными проявлениями палатальности (среднеязычности) соответствующих согласных. Это случаи взаимоперехода таких пар согласных, как к/т (т/к), г/д (д/г), и перехода этих звуков (например, д и г), а также д в -д (г). Указанные явления сочетаются с приобретением во многих случаях данных звуками максимальной степени палатальности, особенно заметной тогда, когда она касается звука исходно заднеязычного, выступающего к тому же перед гласными заднего ряда. В противовес случаям перехода д' > г изредка встречается явление, когда г заменяется д'. Ср. примеры переходов г/д, к/т и приобретения палатальности звуком к: андел (Яр.губ. - Рост) КЯОС 26 - рус. (лит.) ангел; верёнъя

"корзина" (Яр. губ. - Рост) КЯОС 40 - рус. (диал.) верёнка "плетеная корзина" СРНГ IY 130; дейца "женское пальто любого покроя" (Яр. губ. - Пош) КЯОС 58 - рус. (диал.) гейца "женское пальто, полу пальто" СРНГ IY 165-166; апетит (Яр. губ. - Рост) КЯОС 26 - рус. (лит.) апетит; девта (Яр. губ.) КЯОС 58 (видимо, по аналогии с девти < девки) - рус. (лит.) девка; зобенья "корзинка с крышкой из луба или дранок" (Яр. губ. - Рост) КЯОС 79 - рус. (диал.) зобенька "то же" СРНГ XI 323; кесьма (Яр. губ. - Рост) КЯОС 86 - рус. (лит.) тесьма; Кит (Яр. губ. - Рост) КЯОС 86 - рус. (лит.) Тит (имя); гля (Яр. губ. - Рост, Пош) КЯОС 51 - рус. (лит.) для; домской "свой, собственный; домовый, свой, собственный" (Яр. губ. - Мол) КЯОС 60 - рус. (диал.) домской "свой собственный, домашний" СРНГ УШ 123; Евденя (Яр. губ.) КЯОС 63, Евденя (Яр. губ.) КЯОС 63 - рус. (лит.) Евгений, Евгения (имена); мамоня (Яр. губ.) КЯОС 108 - рус. (лит.) маменька (букв. - мамонька).

Взаимное смещение к и т, г и д происходит в том случае, когда заднеязычные к и г и переднеязычные т и д становятся среднеязычными, вследствие чего их артикуляции сближаются, способствуя смещению этих звуков. Именно этим объясняется то, что их графическое обозначение, отражающее в основном происхождение, а также акустическое восприятие, отражающее их слуховое впечатление (и в значительной степени артикуляцию), как правило, не совпадают: причем в целом ряде случаев в графике используется буквы для обозначения звуков к, г (к, г), к которым добавляются знаки, указывающие на их среднеязычную артикуляцию, при объяснении же артикуляции исходят из их переднеязычных соответствий т, д, указывая на их чрезвычайную мягкость или - при более точном (научном) объяснении - на среднеязычный характер артикуляции. Так, среднеязычные взрывные звуки славянского македонского языка г и к (вега "бровь", врека "мешок") объясняются подобным образом: "Македонские г и к (вега, врека) мягче сильно смягченных русских д' и т' (дыак, кутья)..." [19, с. 550]. Среднеязычные взрывные звуки латышского языка также обозначаются латинскими буквами, служащими для передачи на письме заднеязычных звуков, с добавлением знака, указывающего на среднеязычное произношение соответствующего звука. Произношение соответствующих звуков, обозначаемых в латышском языке буквами ġ и ķ, объясняется следующим образом: "Согласный ġ произносится примерно так же, как в русском языке д перед и, е, например: ģimene (семья), kuģis (корабль). Согласный ķ произносится почти так же, как в русском языке т перед и, е, например: zaķis (заяц), kaķis (кошка)" [4, с. 14]. Менее последовательна в этом отношении орфография венгерского языка, где среднеязычное (палаталь-

ное) $\underline{d}'$ обозначается сочетанием букв $\underline{gy}$ а среднеязычное палатальное $\underline{t}'$ – сочетанием букв $\underline{ty}$, то есть в первом случае, как и в македонском или латинском языке, используется буква, служащая обозначением заднеязычного звука, а во втором – буква, обозначающая глухой взрывной переднеязычный звук.

По всей видимости, в приведенных примерах русских диалектных слов речь идет также о среднеязычных палатальных звуках, связанных, с одной стороны, с переходом палатализованных $\underline{g}'$ и $\underline{k}'$ в палатальные $\underline{d}'$ и $\underline{t}'$ (андел < ангел, веренья < веренька/веренька), а с другой – как результат гиперкоррекции, с заменой этимологических $\underline{d}$ и $\underline{t}$ вторичными $\underline{g}$ и $\underline{k}$ (гля < для, аежит < аппетит и т.п.). Случаи проявления замены $\underline{k}$ звуком $\underline{t}$, не связанные с палатальностью, по-видимому, следует объяснять действием аналогии, вызвавшим перенесение этого звука даже на те падежные формы, где он фонетически не оправдан, в связи с появлением $\underline{t}$ (именно $\underline{t}'$) палатального в части падежных форм и обобщения его на всю парадигму (ср. дефта вместо девке в связи с формой им.п.мн.ч. дефта < девки). Возможно и другое объяснение случаев, подобных приведенному, – "исправление" по образцу других форм. Форма дефта могла возникнуть из первоначально дефта < девка, будучи "исправленной" в сторону замены палатального звука твердым по образцу девка > девка.

Очевидно, как следствие развития палатальности, достигшей еще большей степени, надо рассматривать те случаи, где вместо $\underline{g}'$ либо $\underline{d}'$ русского литературного языка, то есть соответствующих палатализованных звуков, выступает $\underline{j}$ или – с его выпадением – нуль звука: егиль < *дегиль < дягиль (Яр – Угл) КЯОС 63 – рус. (лит.) дягиль; ерой (Яр.губ.) КЯОС 64 – рус. (лит.) герой; эпепкий (Яр.губ.) КЯОС 64 – рус. (лит.) египетский. По-видимому, следствием того же процесса развития сильной палатальности (уже в позиции перед гласными не переднего, а заднего ряда) надо объяснять появление такой формы, как замить "замитать" (Яр.губ. – Мол) ЯОСК, где фонетическое развитие следует представить следующим образом: замить > *замить > замить.

Если вышеуказанные процессы рассматривать как следствие влияния субстратного мерянского языка на наслывшиеся на него русские говоры, – а для этого есть все основания, – то можно считать, что они являются сигналами существования в мерянском языке палатального взрывного согласного $\underline{t}'$ ($\underline{D}'$) с двумя позиционными вариантами. Однако этим согласным состав палатальных звуков в мерянском языке не исчерпывался. Видимо, здесь существовало и палатальное $\underline{t}'$, которое в ряде случаев могло переходить в $\underline{j}$. На возможность существования по-

добного звука указывает такой пример, как набгомо < ^хналягомо "перед сном" (то есть перед тем как лечь спать) (Яр.губ. - Мол) ЯОСК 121, где явно виден случай перехода д в й. Поскольку подобный переход в палатальный й мог произойти только с палатальным д', по всей видимости, здесь речь идет именно о нем. О том, что случаи подобных переходов в русских говорах на бывшей мерянской территории были нередки, в связи с чем звуко сочетание -йа-, орф. -д- могло часто восприниматься как возникшее из первоначального этимологического и литературного -да-, свидетельствует случай несомненной гиперкорректной диалектной формы оделяло "одеяло" (Яр.губ.) ЯОСК 130, которая возникла именно в силу отталкивания от возможного неправильного, нелитературного -д- как следствия его возникновения из первоначального -да-.

Таким образом, есть основание полагать, что в мерянском языке могли существовать наряду с твердыми палатальными согласными. К ним должны были относиться палатальные д' и д'. У д' палатального, по-видимому, мог быть полувзвонкий, позиционно обусловленный вариант д. Поскольку для твердых мерянских сонантов г и г можно предположить существование глухих вариантов г, г (ср. формы типа бат (при барте) "брат" и стоц <*stoip), возможно, палатальный звук (фонема) д' также мог иметь свой глухой, позиционно обусловленный вариант д.

Наличие диалектного (ярославского) ебро (ёбро) (Яр.губ. - Мол, Рост) ЯОСК 63 вместо характерного для русского литературного языка и большинства русских народных говоров ребро (рёбро) в связи с тем, что замена согласного звуком й характерна именно для среднеязычных (палатальных) согласных, говорит о том, что, поскольку данного явления нет в русском и других славянских языках, мерянский язык, видимо, мог иметь наряду с палатальными д' и д' также палатальное р' и эту черту передал сменившим его русским народным говорам, где палатальное р' могло быть в дальнейшем заменено палатальным й. Кроме того, в мерянском, очевидно, существовало также палатальное н', о чем косвенно свидетельствует уже приводившийся пример: рус. (диал.) не рои его <* не (т)ронь его "не тронь его" (Костр.губ. - Кин) МКНО, где переход -нь в й (й) указывает на несомненный палатальный характер н'.

К особенностям консонантизма мерянского языка, возможно диа-

8 О том, что палатальность характерна в целом и для других русских говоров, сформировавшихся на бывшей мерянской территории, говорят следующие примеры из их среднерусской, владимиро-поволжской, группы: тислой "кислый", дубедь "гибель", рути "руки", ноди "ноги", Ваньтя "Ванька", Ольдя "Ольга" /48, с. 293/.

лектным, усвоенным от него русскими говорами-преемниками, относятся, видимо, и своеобразные черты ротацизма, заключающиеся в появлении р перед -з- или вместо первоначального д, ср.: курзовок "плетенная из прутьев корзина круглой формы с широкой ручкой" (Яр - Первом) ЯОСК - рус. (лит., диал.) кузовок "короб из лыка или бересты"; сварьба (Костр. губ. - Ветл, Нер) МЧНО - рус. (лит.) свадьба; усарьба (Яр, Костр) ЯОСК - рус. (лит.) усадьба. Нечто подобное наблюдается в части марийских говоров, а именно в северо-западных и горных, территориально особенно близких к мерянскому языку. Здесь встречаются, в частности, такие связанные с ротацизмом изменения, как появление группы -рдн- вместо -чн- (пдрнем вместо пачнем "хочу открыть"), -рдм- вместо -чм- (пдрмйм вместо пичмаш "резка, резание"), -рш- (-рс-) вместо ч(ц) (тегершн вместо тегече "вчерашний") [ЛЗ, с. 239]. Русский диалектный ротацизм в какой-то степени сопоставим с приведенными выше примерами подобного фонетического процесса в марийских говорах, в связи с чем можно предположить, что в обоих случаях речь идет о появлении звука р перед согласным или группой из двух согласных, которая затем могла претерпеть упрощение, связанное с выпадением среднего согласного. Следовательно, формы сварьба, усарьба могли возникнуть из предшествующих образований *свардьба, *усардьба < свадьба, усадьба, а форма курзовок - из предшествующей кузовок. Учитывая возможную взаимозамену звуков β/м в мерянском языке, отражаемую постмерянскими русскими говорами как б/м и позволяющую сблизить предполагаемую группу -рдьб- с марийской -рдм-, а также то, что в мерянском звук з (рус. з) - это позиционный вариант фонемы ѣ (рус. е), что позволяет сблизить группу -рз- с группой -рс-, предполагаемой для диалектного марийского, можно прийти к заключению, что ротацизм, в столь близкой форме обнаруживаемый марийскими говорами, является в русском диалектном языке Ярославской и Костромской обл. наследием местного вымершего финно-угорского мерянского языка.

Уже в связи с наличием ротацизма в русских постмерянских говорах, очевидно, отражающим одну из черт субстратного мерянского языка, территориально смежного с марийским, возникает сомнение в справедливости предположения Л.П.Грузова о чувашском происхождении ротацизма в марийском языке: "История" ротацизма в марийском языке еще не изучена. Ю.Вихман считает, что в древности это явление носило более широкий характер. При этом он исходит из того, что ротацизм встречается не только в западных диалектах, но иногда он обнаруживается и в восточном диалекте. Однако такое утверждение Ю.Вихмана, по-видимому, нельзя считать окончательным. Здесь может быть другое

объяснение. Как известно, ротацизм представляет собой характерное явление для чувашского языка. Поэтому можно предположить, что он развился в марийском языке под влиянием соседнего чувашского языка" [13, с. 240]. Предположение о чувашском влиянии как причине возникновения марийского ротацизма вызывает сомнение уже в связи с тем, что среди марийских говоров он характерен преимущественно для западных (горных), хотя болгаро-чувашское влияние испытывали не в меньшей степени и восточные говоры, то есть относящиеся к луговому и восточному марийским диалектам. В еще меньшей степени чувашское (или болгарское) влияние могло быть действенным в отношении мерянских говоров, фонетические особенности которых отразились в связанных с ними территориально русских говорах. Скорее всего, речь идет о финно-угорской фонетической изоглоссе, распространявшейся на часть мерянских и марийских говоров. Каковы бы ни были причины возникновения этой изоглоссы — то ли спонтанные локальные финно-угорские, то ли привнесенные извне каким-либо третьим языком (возможно, субстратным), то ли следствие взаимодействия обеих указанных причин, — воздействие со стороны болгаро-чувашских тюркоких говоров скорее всего исключается. В связи с этим следует, по-видимому, усомниться и в том, является ли ротацизм органично чувашской чертой. Поскольку этой особенностью чувашский язык близок к финно-угорским, марийскому и мерянскому, не исключено, что она могла быть привнесена не в марийский из чувашского, а в чувашский из марийского. Другим объяснением данной общности может быть то, что три упомянутых языка подверглись влиянию какого-то четвертого, возможно, субстратного.

Палатальность в мерянском языке — в отличие от русской палатализации — относилась только к согласным $\underline{t}(D)$, $\underline{l}$, $\underline{n}$, (?) $\underline{r}$, возможно, также к $\underline{z}(Z)$, то есть к переднеязычным (зубным), однако не могла быть связана с губными. Об этом свидетельствует, в частности, наличие такого примера, как вэзка "охапка соломы, сена; большой снопыльна, ржи" (Яр — Серед) ЯОСК, с отсутствием смягчения (палатализации) после в — рус. (диал.) вэзка "всякая веревка, шнурок; жгут из соломы для связывания снопов; шнурок для обуви; прут, соединяющий копеля полозьев саней; ручка косы" СРНГ VI 75, рус. (лит.) вэзанка. Замена общерусского палатализованного в' твердым в, очевидно, объясняется отсутствием палатализованных звуков в мерянском и отсутствием (невозможность) палатального в, что привело к необходимости передачи славяно-русского палатализованного в' постмерянским русским (диалектным) твердым в. В связи с этим в приводившемся выше

примере бѣзди, фон. бѣзди "возле" (Костр. губ. — Юрьев) МКНО имеет-ся основание звукосочетание *о (о со смягчением предшествующего согласного) рассматривать как позднейшее видоизменение первоначального (постмерянского) *бѣдзѣ, где под влиянием гласного переднего ряда ѣ следующего слога гласный заднего ряда о был заменен его переднеязычным соответствием ѣ. Последующее *о, орф. ѣ ввиду, по-видимому, первоначального отсутствия смягчения губных в постмерянских русских говорах, как и в повлиявшем на них мерянском языке, следует рассматривать как позднейшую замену ѣ наиболее близким ему русским звуком, что (вместе с вытеснением мерянского языка) было вызвано все большим сближением фонетической системы его непосредственных русских говоров-преемников с фонетикой остальных русских диалектов чисто славянского происхождения. Последствием этого было вытеснение таких чуждых славяно-русскому языку звуков, как переднеязычные ѣ и ѣ.

Наряду с уже отмеченными фонетическими особенностями русских говоров бывшей мерянской территории (в основном из области консонантизма), в которых они отклоняются от русского литературного языка и других русских говоров, обращают на себя внимание те черты, которыми эти говоры сближаются, иногда в отличие от других русских диалектов, с русским литературным языком. В какой-то степени, как и рассмотренные выше дифференциальные черты, эти особенности могут быть связаны со свойствами мерянского языка, отражать его фонетическое своеобразие.

К числу подобных особенностей русских говоров постмерянской территории следует отнести в основном вполне четкое различие свистящих с, з и шипящих ш, ж, что сближает эти говоры с литературным языком большинства других русских говоров и одновременно отличается от той части диалектов, в том числе контактировавших с финно-угорскими языками, например псковскими, где наблюдается смешение этих звуков [47, с. 72]. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторым говорам этой территории, в частности владимирским, свойственно "особое произношение мягких с' — з'", связанное с повышением степени их палатальности" [48, с. 86]. В связи с тем что говорам постмерянских территорий свойственна палатальность еще других переднеязычных (зубных) согласных (т, д, н, л, р), кроме с, з, причем палатальность согласных может быть следствием мерянского субстратного языка, есть основания считать, что палатальность (или значительная ее степень) в произношении мягких с и з во владимирских говорах вызвана той же причиной. Очевидно, по крайней мере, части его говоров

были свойственны палатальные $\underset{z}{z}'$ и $\underset{z'}{z}'$ ⁹. Вместе с тем различие в русских постмерянских говорах свистящих $\underset{c}{c}$, $\underset{z}{z}$ и шипящих $\underset{ш}{ш}$, $\underset{ж}{ж}$ свидетельствует о том, что в мерянском эти звуки должны были различаться.

Другой чертой консонантизма русских говоров постмерянской территории, сближающей их с литературным языком, является отсутствие цоканья (и чоканья). Случаи этих явлений (прежде всего цоканья) здесь чрезвычайно спорадичны (единственный пример — мцела "пчела" (Костр. губ.) МКНО) и относятся, скорее всего, к говорам пограничным с вологодскими, представляя собой иногда отдельные лексикализованные заимствования из них. На это явление (отсутствие цоканья и чоканья, то есть смешения этимологических аффрикат $\underset{ц}{ц}$ и $\underset{ч}{ч}$ или употребления одной из них) указывают и авторитетные издания по русской диалектологии: "Различение аффрикат $\underset{ч}{ч}'$ и $\underset{ц}{ц}$: ($\underset{ч}{ч}'$)ай, ($\underset{ч}{ч}'$)исто, дб($\underset{ч}{ч}'$)ка, но($\underset{ч}{ч}'$); кури($\underset{ц}{ц}$)а, кон($\underset{ц}{ц}$)а, конё($\underset{ц}{ц}$) — характерно для большинства говоров южного наречия и говоров ряда центральных областей (Московская, большая часть Калининской, Ярославской, Костромской, Горьковской), а также для литературного языка" [48, с. 82]. В связи с указанным следует полагать, что в мерянском, как и в мордовских и марийском языках, в отличие от прибалтийско-финских существовало две фонемы — $\underset{c}{c}$ и $\underset{z}{z}$, поэтому местное финно-угорское население при усвоении славяно-русского языка могло произносить как славяно-русское $\underset{ц}{ц}$, так и $\underset{ч}{ч}$ и не смешивать их. Как известно, явление цоканья объясняется влиянием на русский язык прибалтийско-финских, где возможна, хотя и изредка, аффриката $\underset{c}{c}$ ($\underset{ц}{ц}$) и полностью отсутствует аффриката $\underset{z}{z}$ ($\underset{ч}{ч}$), в связи с чем оба звука ($\underset{ц}{ц}$ и $\underset{ч}{ч}$) в случае отсутствия специальной подготовки для усвоения звука $\underset{ч}{ч}$ передаются одной аффрикатой $\underset{ц}{ц}$.

Менее ясны в совпадениях со славяно-русскими фонетическими особенностями и своей специфике, которая частично уже отмечалась, черты мерянского вокализма, насколько на них могут указывать особенности системы гласных местных русских говоров Костромской, Ярославской, Ивановской, Владимирской и других областей, совпадающих с территорией, в прошлом занимаемой мерей. В принципе, — отвлекаясь от

⁹ Возможно, этой особенностью мягких $\underset{c}{c}$, $\underset{z}{z}$ во владимирских говорах и их первоначальной близостью к мягким в прошлом $\underset{ш}{ш}$, $\underset{ж}{ж}$ следует объяснять то, что именно здесь, как частично и в костромских говорах, встречаются формы типа молосный с заменой фонетического -шн- в молочный, пшеничный, яичница звуко сочетанием -шн- [48, с. 293]. Поскольку подобная замена выступает явно в позиции перед твердым согласным, где должно было употребляться не палатальное, а твердое -с-, если в данной особенности усматривать (пост)мерянскую черту, невольно напрашивается предположение, не приближалось ли в части говоров любое мерянское $\underset{z}{z}$ по своей артикуляции и акустическому эффекту к финскому $\underset{z}{z}$, которое также воспринимается как среднее между русскими $\underset{c}{c}$ и $\underset{ш}{ш}$ [12, с. 22].

особенностей конкретной реализации соответствующих звуков, мерянских и славяно-русских, — можно говорить о значительном совпадении количества и состава гласных фонем мерянского и местного диалектного северно-(велико)русского языков. Своеобразие мерянского вокализма могло заключаться в том, что ему была чужда фонема н, о чем говорят уже приводившиеся примеры ее замены в ряде местных слов звуками у и и, ср. ручаг "рычаг", бриткий "приткий". Другой особенностью мерянского вокализма, возможно диалектной, могло быть наличие фонем (или их вариантов) в виде двух предполагаемых переднерядных лабиализованных звуков — б̆ и н̆, соответствующих лабиализованному заднерядным о и у. Не исключено, что, поскольку в костромской группе северно-русских говоров, к которой относятся говоры Костромской и Ярославской обл., как и в других северно-русских говорах, различаются два типа э — открытое э (рефлекс древнерусского ѣ) и закрытое э̆ (рефлекс древнерусского ѣ̆, иногда ему соответствует и или дифтонг иэ), это явление было поддержано существованием в мерянском, а также в прибалтийско-финском языках двух близких им фонем — ä (очень открытого звука, среднего между э и а) и ĕ (закрытого э). В связи с тем, что некоторым русским окающим говорам, расположенным на бывшей территории распространения мерянского языка, в частности владимирским, свойствен особый тип оканья, связанный с редукцией¹⁰, тогда как другим окающим говорам редукция не свойственна, можно думать, что она появилась там под влиянием мерянского языка, в котором в таком случае должны были выступать два редуцированных звука — переднего и заднего ряда э̆ и э̆̄. Очевидно, в прошлом явление редукции северно-русским окающим говорам, распространенным на бывшей мерянской территории, было свойственно еще шире, чем теперь. Об этом говорят такие примеры из ярославских говоров, как борновать < *бороновать "боронить" (Яр.губ.) КЮС 34 и борноволок < *бороноволок "лошадь двух лет (букв. — лошадь, которая уже может волочить борону)" (Яр.губ.) КЮС 34. Поскольку на бывшей территории мерянского языка в прошлом были распространены лишь окающие говоры северно-русского типа, из которых только в некоторых, например московских, позднее под влиянием южнорусского диалекта распространилось аканье,

¹⁰ Ср. характеристику этого типа оканья: "Полное оканье, т.е. различие (а) и (о) во всех безударных слогах, свойственно свр. (=северно-русским. — Q.T.) говорам, кроме владими́ро-поволжских, где распространено неполное оканье с редукцией безударных гласных, кроме первого предударного. Другими словами, владими́ро-поволжские (гъв'ор'йт), (хър'ош'о) противопоставлены произношению (гъво'р'йт), (хр'ош'о) остальных свр. говоров. Большая полновесность предударного слога во владими́ро-поволжских говорах определяется характерной интонацией, свойственной им, и объясняет редукцию остальных безударных слогов" [47, с. 99].

следует думать, что в самом мерянском языке было, возможно, оканье, то есть употребление o в безударной (как правило, предударной) позиции, однако оно было связано с редукцией в других, более отдаленных от ударного, слогах.

Таковы наиболее характерные фонетические черты русских говоров на территории бывшего распространения мерянского языка. Они дают возможность высказать более или менее обоснованные предположения о фонетике мерянского языка, которые сводятся в основном к следующему.

В мерянском языке употреблялись глухие взрывные фонемы p, s, k, сохранявшие полностью глухость только в (абсолютном) начале слова. В интервокальной позиции, которая, очевидно, могла возникать на стыке двух слов при особо тесной их связи, а также в положении между гласным и сонантом, внутри слова, глухие взрывные частично озвончались. Возникающие таким образом позиционные варианты глухих взрывных не приобретали полной звонкости, а являлись соответствующими полувзвонками (точнее, полуглухими) β, ɗ, ʒ. Принять возможность полного их озвончения нельзя ввиду того, что в мерянском выступал звук β (средний между β и ɣ), одновременное сосуществование которого с β совершенно исключалось. Ввиду полувзвонкости интервокального варианта p то есть его реализации в качестве β а не β, такими же полувзвонками, то есть ɗ и ʒ, должны были являться соответственно позиционные варианты глухих взрывных фонем t и k. Таким образом, в мерянском языке по причине невозможности противопоставления глухих и звонких (полувзвонких) в одной фонетической позиции отсутствовало фонологическое противопоставление взрывных согласных фонем по глухости-звонкости. Частичное озвончение характеризовало лишь позиционные варианты глухих взрывных фонем.

Кроме полувзвонкового β как позиционного варианта p, в мерянском языке существовало звонкое β, которое исходно могло возникнуть как следующая (после β) позиционно обусловленная степень ослабления p (вытеснив и заменив ф.-уг. *w > *ɣ, β позже могло выступать в двойной роли - в качестве связанного и с преязыковым по происхождению p, и с w(ɣ)). Возникли ли и существовали ли здесь соответственно β и ɣ как следующая после ɗ и ʒ степень ослабления t и k, на основании немерянских (в основном славянских по происхождению) лексических элементов русских говоров постмерянской территории установить невозможно. По крайней мере, промежуточную стадию развития глухих взрывных в определенной позиции (очевидно, в конце слова) для мерянского языка исключить нельзя, хотя сделать это можно с помощью немерянских данных только чисто теоретически.

В мерянском языке очевидно, существовали также глухие фрикативные — свистящий и шипящий — звуки ʃ и ʒ. Подобно глухим взрывным они имели, видимо, не фонематически противопоставленные им звонкие соответствия, а только позиционные полузвонкие варианты ʒ и ʃ.

В инвентарь мерянских фонем должны были также входить две аффрикаты — ʃ и ʒ. Чисто априорно, так как славяно-русские материалы соответствующих данных не предоставляют, следует и для них принять возможность существования позиционно обусловленных (в положении между гласными или гласным и сонантом) вариантов — соответствующих полузвонких ʒ и ʃ.

В мерянском языке отсутствовал звук (фонема) χ, однако это не исключает возможность существования в нем звука h, хотя на основании данных немерянского происхождения из русских говоров постмерянской территории установить или доказать это нельзя.

В мерянском языке могли употребляться сонанты ɹ, ʒ, m, n, r, по крайней мере для двух из которых — ɹ и r — следует принять существование глухих вариантов ɹ и r.

Для мерянской фонетики в области консонантизма, кроме того, были, очевидно, характерны палатальные (среднеязычные) звуки ʃ' (ʒ'), ɹ', n', ʃ', возможно, также r'. По крайней мере, в отношении ʃ', ʒ', n', ʃ' можно предположить фонематичность.

Из гласных для мерянского языка можно предположить существование звуков a, ɑ, ɨ, ɛ, предположительно также ɛ и ɛ̃. По-видимому, ему были также свойственны два редуцированных (переднего и заднего ряда) — ə и ə̃. Очевидно, здесь (возможно, только диалектно) употреблялись также переднерядные лабиализованные ɔ̃ и ɔ̃̃. Установить, все ли данные звуки были фонемами или часть из них являлась лишь вариантами фонем, на основании рассмотренного материала невозможно.

Как и в других финно-угорских языках, в начале слова в мерянском языке мог выступать только один согласный (или гласный).

Очевидно, мерянскому языку (возможно, только диалектно и в известный период) было также не чуждо явление своеобразного сингармонизма.

На основании рассмотренных данных нельзя ничего сказать о характере мерянского ударения.

Такой в основных чертах представляется фонетика мерянского языка на основании показаний немерянской (как правило, славяно-русской) лексики русских говоров бывшей мерянской языковой территории. Эти следы мерянского субстратного "акцента" в русских словах нуждаются, однако, в дополнении и уточнении, чтобы сделанные с их помо-

щю предположения приобрели большую степень достоверности.

Рассмотрение фонетических особенностей русской лексики и ономастики предполагаемого мерянского происхождения, чему посвящен следующий раздел, позволит уточнить, проверить и дополнить сведения о фонетике мерянского языка, полученные здесь.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МЕРЯНСКОГО ЯЗЫКА (НА ОСНОВАНИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ МЕРЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Для наиболее полного представления о фонетике мерянского языка необходимо рассмотреть также тот фонетический материал, который можно почерпнуть из включенных в местную русскую лексику и ономастику слов и названий мерянского происхождения. Поскольку в предшествующих исследованиях, касавшихся мерянского языка, изучались, как правило, только русские топонимы, реже географическая лексика предполагаемого мерянского происхождения, в сущности, преимущественно они представляют относительно готовый, не требующий предварительной этимологической аргументации материал для необходимого здесь фонетического анализа. Поэтому именно эти уже в известной степени изученные факты (прежде всего, представлявшиеся наиболее убедительными) будут рассмотрены в данном разделе. Данные этимологических разысканий автора настоящего исследования привлечены в ограниченном объеме, так как отягощенные большим числом этимологических доказательств они не могли способствовать желательной четкости изложения фонетических свойств мерянского языка в их наиболее существенных и доступных проявлениях.

Особой осторожности требует пока решение вопроса о фонемном составе мерянского языка, поскольку при настоящем ограниченном представлении о мерянской лексике о фонематичности того или иного звука можно говорить только предположительно, опираясь не столько на факты самого мерянского языка, сколько на свидетельства других финно-угорских языков, — критерий относительный и недостаточно надежный. Более уверенно можно говорить о позиционно ограниченном употреблении тех или иных звуков, а следовательно, и об их возможной функции вариантов, а не самих фонем. Опираясь на эти внутренние свидетельства мерянского языка, каким он представляется сквозь призму русской лексики и ономастики мерянского происхождения, можно косвенно установить возможный круг его фонем. Однако при настоящей степени исследованности мерянской лексики эти выводы о мерянской фонетике (точнее, фонологии) могут носить только предваритель-

ний, предположительный характер. Окончательная их аргументация будет принадлежать тому времени, когда накопленного мерянского лексического материала окажется достаточно для выяснения фонемной противоположенности (непротивоположенности, неотмеченности) всех обнаруженных мерянских звуков. В данном исследовании речь будет идти главным образом о мерянских звукотипах, под которыми будут пониматься предполагаемые мерянские звуки безотносительно к тому, фонемы это или их варианты. Предположения об их возможной фонематичности (нефонематичности) будут высказаны в дальнейшем.

Поскольку предполагаемый примерный перечень мерянских звукотипов был уже дан в конце предыдущего раздела, основное содержание данной части работы составят проверка и уточнение высказанных там предположений как в отношении конкретных намеченных звукотипов, так и фонетики в целом.

Вокализм

Звукотип *i*. К числу слов и названий предполагаемого мерянского происхождения, отражающих данный звукотип, можно отнести следующие: *i1'Doma (-Dōmā) "безжизненный, лишенный жизни" - р. Ильдомка (Костр.губ.) Семенов 233 (ср. мар. ильциме "нежилой, необитаемый"); *i1 "этот (эта, это)" - рус. (арг.) си(онь) "есть (букв. - это есть)" (Яр.губ. - Угл) КЯОС 184 (ср. фин. se(on) "это (есть)", хант. w1 "это" < урал. *d1/*dē "это") ОФУЯ I 399; *111 "душа" - рус. (диал.) лили "женские груди" (Твер.губ. - Каш) Смирнов 86 (ср. фин. lōylū "пар", эст. leil "то же", хант., манс. lil "душа", венг. lélek < (ф.-уг. *lewle "дыхание, дух, душа") ОФУЯ I 424; *ika(*ikā) "один" - рус. (арг.) иваня "копейка" (Яр.губ. - Угл) КЯОС 81 (ср. фин. ukwi "один", эст. üks (i)he), саам. ok'tā, морд. Э вейке, мар. ук, манс. ёк (ёке) < ф.-уг. *ikte/*ükte) ОФУЯ I 423. Фонетический характер данного звукотипа, одинаковый или несущественно различающийся на определенном, отраженном данными лексемами, синхронном срезе еще не предопределяет, что всегда в истории этих слов на месте звукотипа *i* выступал тот же звук. Напротив, есть основания предполагать, что только местоимение *i*1 "этот (эта, это)" отражает первоначальное финно-угорское *i*. В слове *i1'Doma, судя по лексеме того же корня *elā "живой" (ср. Элино - Костр.губ. - Кол), *i* - появилось вторично в условиях нового закрытого слога. Не исключено также, что мер. *ika (*ikā), реконструируемое на основе рус. (арг.) иваня "одна копейка", хотя бы вначале могло иметь звук *i*- вместо *i*- . Во всяком случае, независимо от его происхождения бесспорным является факт существования звукотипа *i* в мерянской фонетической системе.

Звукотип и. Данный звукотип отражен в целом ряде предполагаемых слов и названий мерянского происхождения, в частности таких, как *kutka (kutkə) "орел" - д. Кутко (бал) (*-Kutkobal) "Орлиная (букв. - Орел) деревня" (Яр.губ. - Угл) Vasmer 417 (ср. фин. kotka "орел", мар. куткы "беркут", коми кути "орел" (ф.-уг.*кобка "то же") КЭСЯ 148; *juk (род.п. juGen/-Šn "река" - р. Юг (Jug) (Вл. губ. - Горох) Vasmer 394 (ср. фин. joki "река", эст. jõgi, коми ю, хант. юхан, венг. ст. jó < ф.-уг. joke- "то же") КЭСЯ 334; *urta "белка" - рус. (диал.) урма "то же" (ср. фин. orava "белка", эст. orav, саам. N orge, морд., мар., коми ур < ф.-уг.*ora(*8ra) "то же", фин. -va и мер. *-ша < *-ва под влиянием *-и в *urva-п, род.п. ед.ч. - суффикс (ф.-уг.*-ра) КЭСЯ 297-298, Хакулинен I 125-126; *tudora(*-dǝβǝ) "знающий, осознающий, чувствующий" - рус. (диал.) при-о-тудос-еть "окрепнуть" (Костр.губ. - Кол) МКО, о-тудовать "стойти (прийти в обычное состояние)" (Костр - Антр) КОСК (ср. фин. tunteva "знающий; чувствующий" от tuntea "знать; чувствовать", связанного с саам. N dow'dat "то же", коми тудны "знать", удм. тодны "то же", венг. tudni "знать, уметь, мочь", нен. тумд(сь) "узнать; заметить" < урал. *tuntǝ- "знать (*-видеть)") КЭСЯ 283, ОВУ I 405; *kuta "собака, щенок" - рус. (диал.) кутя (м.р.) "кутенок, щенок" (Яр - Борисогл, Рост, Пересл; Костр - Нер) ЯОСК, кутя-кутя "слова подзыва для собаки или щенка" (Яр - Яр; Ив - Ильин) ЯОСК (ср. коми кути, кутян, куте "щенок", удм. куча(пи), хант. кэтив "то же", манс. кутив "собака", венг. kutyа, возможно, также эст. kutsikas "щенок", нен. куте "молодая собака; (детск.) собака" (?урал. *kuč(-й)а) "(молодая) собака") КЭСЯ 147.

Примеры свидетельствуют о полной реальности в мерянском языке звукотипа и, который может быть как продолжением финно-угорской (и даже уральской) фонемы и, так и следствием трансформации какого-либо другого звукотипа, существовавшего на его месте в предшествующий период развития (прото)мерянского языка. С несомненностью это относится к тем случаям, где мерянскому и в новом закрытом слове соответствует о (в первоначально открытом слове) других финно-угорских языков: мер. *urta < *urva - с переходом -β->-ш- под влиянием -i в *urva-п, род.п. ед.ч. <orava < *orara - ср. фин. orava < *orava < *orara. Здесь и возникло, видимо, в результате выпадения (через стадию редукции) гласного предшествующего слога, что вызвало компенсирующее удлинение и сужение гласного (в данном случае о-) в новом закрытом слове с последующим переходом в гласный следующей, более высокой степени подъема (и-) при утрате его долготы (*urva < *urva <

< *orǝra < *oraǝa). Подобный переход отражен в мерянском *ulǝa (-ǝ) "бывший (перен. - умерший, покойник)" - рус. (арг.) ульшага "умерший, покойник" (Углич) Свеш 92 (ср. мар. улно "присутствующий" от улан "быть", родственного фин. olla, эст. olema, морд. улемс "то же", коми во-ли "был", хант. валты "быть", манс. блункве "то же", венг. velt "был" (ф.-уг. *wole- "быть") ОФУЯ 417, что дает основания предположить возникновение указанной мерянской формы из предшествующего *oleǝa (-ǝ) > *oleǝa > *ǝlǝa "бывший".

Звукотип о. Отражен в ряде русских диалектных названий, явные финно-угорские этимологические связи которых, а также известное их своеобразие и фиксация на бывшей территории распространения мерянского языка позволяют усматривать в них мерянские субстратные включения, реконструируя на основании этого соответствующие исходные мерянские лексемы, напр.: *tolǝa (*tolǝa) "перо" - д. Толго(бол) (tolǝobol) (Яр. губ. - Яр) Vasmer 416 (ср. саам. N dol'ge "перо (птицы)", морд. толга, мар. (пнс) тыл, удм. тыли, коми тыв, хант. (вах.) tǝǝl, манс. (тавд.) tool, венг. toll, ст. toul "то же", нен. tǝ "крыло" < *tuǝ < *tuǝj < урал. *tulka "перо, крыло") ОФУЯ 400; SW 166; *joǝ < *on "есть (является)" - рус. (арг.) (си)е^{нь} "есть (букв. - (это) есть)" (Яр. губ. - Углич) КЯОС 184 (ср. фин., кар., вод., эст. on "есть (является)", иж. ono, вепс. om, лив. um "то же" < *omi < *oma "овой") СКЭС II 430-431; *nǝro "болото" - рус. (арг.) Нерон "Галичское озеро (характерное болотистыми берегами)" (Костр. губ. - Галич) Вин 48 < *nǝro-п, род.п. ед. ч. от *nǝro в *Neron (jǝhǝre) "Болотное (букв. - болота) (озеро)" (ср. фин. poro "ложбинка, болотистая лощина", мар. нǝрǝ "снрой", удм. нǝр "болото; влага; сырость", коми нǝр "болото", хант. (казым.) нǝрум "то же", (сургут.) нǝрǝм "болотистая местность", (вост.) нǝр "муть (в воде); пыль", манс. (сев.) нǝр "болото", (конд.) п'ǝр, (тавд.) нǝр "то же", венг. purok "сырость", сельк. пǝrǝ (пǝrǝ) "болото, тундра" < урал. *nǝra (*nǝra) "влага, влажный; мокрое место (болото)" MSzFUE III 486-487, КЭСЯ 201, СКЭС II 393, ОСНЯ I, ХХУП; II 89; *kǝlema "смерть; (тяжелая) болезнь" - рус. (диал.) колёма "болезнь" < *kǝlema под влиянием колеть (яросл.) "(о скотине) умирать" КЯОС 90, колётый (моск.) "худой, тощий, изможденный" СРНГ XIV 132 и под. (Костр - Велг) СРНГК, колёмать "болеть, хворать" (там же) (ср. фин. kuolema "смерть", эст. koolma "умирать < умирание, смерть", иж. kǝlema "смерть", лив. kǝlǝmi < *kǝlǝmine/*kǝlema "умирание", морд. кулома "смерть", мар. колымá-ш, коми кулǝм "то же", хант. (казым.) хал'-ты, удм. кулин "умирать", манс. (ср.-лосъв.) khǝli "умирает", венг. halni "умирать", нен. хась < урал. *kǝle- (/ *kǝle) "то же") ОФУЯ I

407, MSzPUE II 250-251; *toma (*tomš) "дуб" - р. Тома (Тома) (Костр. губ. - Солигал) Vasmer 380 < *Toma (juk) "Дубовая (букв. - дуб) (река)" (ср. фин. tammi "дуб", эст. tamm морд. Э тумо, морд. М тума, мар. тумо, мар. Г тум, удм. тыны "то же", дперм. туну "дуб(?)" (Тули(-шор) ("дубовый (ручей)"), где фин., морд., мар. слова происходят из *tomma "дуб" (Collinder 155), раннепермское (с протофинским?) - из *tum-ри "то же" (КЭСЯ 286)); *-Vol, ст. *-valo < *palo- второй компонент двучленных композитов-топонимов - "деревня, село": д. (Ки)бол/Кivol < (Ки)вало, Kivalo (1578 г.) "Каменная (букв. - камень) (деревня)" (Вл. губ. - Сузд) Vasmer 417 (ср. хант. (вост.) рур1 "деревня, населенный пункт" СВХД 381, манс. павыл, (конд.) павел', пагел', пав^оял Баландин - Вахрушева 75, венг. falu, мн.ч. faluk/falvak "то же", (?) саам. (вост.) ролказ "район выпаса (Weidegebiet) Lagercrantz II 621, (?) кар. < ? саам. palvi "место жительства", угор. (саам.?) ралуз "деревня; селение < ? *сто-янка кочевников у места выпаса скота").

В рассмотренных примерах всюду на синхронном срезе прослеживается звукотип о. Однако если в ряде случаев его можно считать унаследованным из предшествующих, более или менее отдаленных периодов в качестве исходного звука: *jon' "есть (являться)" - из финского, общего для прибалтийско-финского и мерянского, SKES II 428-429; *kolema "смерть; (тяжелая) болезнь" - из уральского; *nero "болото" - из протомерянского, ср. мар. нөрө "сырой"; *toma "дуб" - из прафинского, общего для мерянского с прибалтийско- и волжско-финским (Collinder 155), то в некоторых случаях - как результат развития других звуков. В компоненте сложных слов *-Vol "деревня, селение", развившем свою форму в интервокальной позиции (между гласным и сонантом) из исходного pol, обнаруживается характерная для мерянского языка закономерность - переход гласного менее высокого подъема в гласный более высокой степени образования в случае, если он оказывался в новом закрытом слого. Об этом свидетельствует более древняя форма слова (компонента), засвидетельствованная в XVI в. Поскольку слог в это время еще был открытым, вместо -о- выступал гласный -а-, ср. (Ки)вало, дающее возможность реконструировать более раннюю форму мерянского слова как *palo. Почти полное формальное совпадение мер. *palo "деревня, селение" с венг. falu "то же" < *palu свидетельствует либо об общем происхождении с венгерским (и другими угорскими), либо о заимствовании (прото)мерянским в период контактов этого языка с угорскими языками. Явно вторичным является -о- также в реконструируемом мер. *tolga, где исходным было прауральское -у- (tulka). Интересно сходство в развитии вокализма мерянского и мордовских язы-

ков с уральскими языками восточной ориентации: развитие исходного -и- в -о-, помимо мерянского и мордовских, произошло во всех угорских и ненецком языках.

Звукотип а. Данный звукотип содержит целый ряд слов и названий предполагаемого мерянского происхождения. С наибольшей уверенностью о нем можно говорить применительно к первому слогу слова, так как именно он, вероятнее всего, нес на себе ударение. О других слогах слова — в какой степени там графическое отображение а и его произношение в современных, преимущественно окающих, русских говорах на постмерянской территории соответствует истинному положению в самом мерянском языке (даже в наиболее близкий нам позднемерянский период), — сказать значительно труднее. Судя по ряду примеров, в частности связанных с появлением новых закрытых слогов, о чем уже говорилось, в мерянском языке гласные, находившиеся в безударной позиции, могли выпадать. Этому мог предшествовать их переход из гласных полного образования в гласные неполного образования, то есть редуцированные. Уже в связи с этим можно предположить, что и ряд гласных, сохранившихся в безударной позиции, произносился относительно ослабленно, нечетко, частично переходя в соответствующие редуцированные переднего или заднего ряда. Исходя из сказанного, а также того, что, хотя старославянский и древнерусский имели редуцированные (как и знаки для их передачи графически), эта традиция не получила развития в (велико)русской орфографии, современное графическое (и фонетическое) а непервых слогов, в особенности многосложных слов мерянского происхождения, нельзя во всех случаях принять с полной уверенностью за отражение звукотипа а. В части случаев — установить их с полной определенностью пока невозможно — а непервых слогов может, видимо, отражать мерянский редуцированный ряда ä/ə (иногда в непервых слогах слова его может, очевидно, передавать буква о). Ввиду этого здесь будут приведены только те случаи, где звукотип а выступает в первом слоге слова, то есть является наиболее вероятным. К их числу можно отнести, в частности, следующие примеры из диалектных апеллятивов и ономастики: *an¹o²sa "кормящий (-ая), дающий (-ая)" — р. Андоба (приток р. Костромь — План р. Костромь 8) (ор. фин. antava "дающий" от antaa "давать", эст. andev, фон. ahDev "дающий" от andma "давать", саам. N. vuow'det "продавать", морд. андомс "кормить", удм. удны "пить", коми удны (в парном слове вердны-удны "кормить, пить (=угощать)"), (диал.) удны "пить", венг. adni "давать; продавать" < ф.-уг. *amta "давать") КЭСЯ 295-296, MSZFUE I 69, ОФУЯ 418; *atä (atə)/*aža "отец" — д. Аге(бал) (Ateba.l) "Отцовская (букв. — отец) (деревня)" (Моск. губ. — Дмитр)

Vasmer 418, р. Ача (Костр. губ. - Гал) КТЗ, 83 (ср. фин. ati "тесть; свекор", ätti "отец", ättä, ätä, кар. ätti, вод. ätä "то же", эст. ätt "отец, дед; старик", (диал.) att "то же", морд. Э атя "старик; муж", морд. М атя "старик; дед", мар. ача "отец; свекор", мар. Г ата "отец", удм. атай "то же", венг. ауа "отец; монах", где нет уверенности в праязыковом происхождении всех слов, некоторые, например удм. атай (тат. ата "отец", зват. атай), можно считать заимствованиями, в связи с чем их праформа не ясна) SKES I 28, MSZFUE I 100-101; *palo (*-Valo) "деревня, село" - д. (Ки) бало (Kibalo) "Каменная (букв. - камень) (деревня)" (Вл. губ. - Сузд) Vasmer 417, ср. также (Нур) поло (Nurpolo), - очевидно, ошибочно вместо (Нур) цало (Вл. губ. - Александр) (ср. хант. (вост.) пуэл "деревня, населенный пункт", манс. цавил, (конд.) цагэл Баландин - Вахрушева 75, венг. falu "то же" < угор. *paluz-; более подробно см. по поводу звуко типа o); *matkoma (*matkəma) "езда, путешествие" - р. Маткома < *Matkoma (juk) "Ездовая (букв. - езда) (река)", то есть удобная для езды, плавания (Яр. губ. - Пош) Литмар 62 (ср. фин. matka "путь, дорога", matkata "путешествовать, ездить", кар. matka "путь, дорога", matata "идти по дороге; ездить; бегать", вепс. matk "путь, расстояние", вод. matka "путь, дорога", эст. matk "путешествие; поход; странствие; прогулка; поездка, экскурсия", matkama "совершать поход; путешествовать; странствовать" < прибалт.-фин. *matka "путь, дорога" с дериватами); *paŋga "гриб" (в том числе растущий на дереве) - рус. панга "губа, губка на древесных породах" (Костр. губ. - Ветл) МКНО (ср. морд. М панга "гриб", морд. Э панго, мар. понго, мар. Г понги "то же" Саваткова 122, нган. панка "быть пьяным (после опьяняющего напитка с грибом)" < (урал. *paŋka "гриб") Востриков ФУЛЭ 32-33, Alvre II 57, Collinder 408, однако с другим вокализмом мер. *roŋga "гриб", реконструируемое на основе названия р. Понга (Ponga) (*Roŋga (juk) "Грибная (букв. - гриб) (река)") (Костр. губ. - Кол) Vasmer 377; *kanDo-(ma) "носить" - рус. (диал. груб.) кандѣхать "работать" (из рус. (арг. постмер.) *кандать "носить, таскать", осложненного суффиксом -ѣх-, под влиянием форм типа несладѣха, растерѣха и т.п.) (Яр - Ярославль) ЯОСК (ср. фин. kantaa "носить", эст. kandma, саам. Н quod'det, морд. кандомс, мар. кандаш, хант. (вас.) кадѣтм "поднимать на спине", манс. khanti "то же", нен. hállā "носить", эн. kad-dabo (haddabo) "нести, уводить", нган. kuanda'ama "уносить", сельк. kuandau "носить" < урал. *kanta- "то же") SKES I 157-158, Collinder 408, однако копдо-ва "несущий(-ая)" в названии р. Копдоба (приток р. Нельши - Костр - Ней), где в первом слого отражен другой вокализм. Как показывают рассмотренные примеры, в основном мерянскому

языку свойственно сохранять унаследованный из предшествующих периодов звукотип а в случае, если слоговая структура слова не претерпевала изменений. Когда в результате выпадения гласного последующего слога слог с а вторично становился закрытым, этот звук переходил в о (ср. *-Vol "(-)деревня" *-Volo < "то же"). Однако, как свидетельствуют два последних примера, иногда в мерянском а переходило в о при сохранении всех его гласных. Очевидно, это связано с расхождением, существовавшим между отдельными мерянскими диалектами, одни из которых (сохранявшие а) сближались этой особенностью с прибалтийско-финскими и мордовскими языками, а другие (где а переходило в о) — с марийским языком. Как и рядом других отношений, этой чертой мерянский, расположенный между прибалтийско-финскими, мордорскими и марийским языками, с лингвистической точки зрения представлял собой связующее звено, переходную зону между ними.

В отличие от рассмотренных звукотипов более сложны для установления остальные мерянские гласные, конкретные фонетические особенности которых можно только предположить сквозь две основные преграды, мешающие их реконструкции, — неизбежное сближение со славяно-русской фонетической системой (и соответственно отдаление от исходной финно-угорской, мерянской), а также несовершенство отражения звуковой фонетической системы средствами ее графической передачи.

Есть основания думать, что в мерянской фонетике не было единого звуко типа е. Скорее всего, в мерянском существовало два звуко типа — гласный е переднего ряда среднего подъема и гласный а переднего ряда низкого подъема. Оба звуко типа в роли фонем предполагаются для финно-угорского праязыка [34, с. 159]. Оба звука преимущественно как фонемы сохраняет до сих пор большинство финно-угорских языков — финский, эстонский, карельский, вепсский, ижорский, водский, ливский, мордовский-мокша, мордовский-эрзя (диалектно), марийский (луговой и восточный, диалектно), марийский (горный), саамский. Отсутствует звуко тип ä только в мордовском-эрзя литературном, марийском литературном, а также во всех пермских (коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском) и угорских (хантыйском, мансийском, венгерском) языках.

Наиболее убедительное отражение существования звуко типов е и ä обнаруживается в формах единственного и множественного числа реконструируемых мер. *ven' "дваурогие грабли" (ед.ч.) и venäk "то же" (мн.ч.), восстанавливаемых на основе русских диалектных форм с -е-/ -ä- и -я- в корне слова, причем -е-/ -ä- преобладает в вариантах слова, не осложненных -к-, а -я- — в его разновидности с -к- в основе, непосредственно следующим за корнем, ср.: бени "вилы с двумя длинны-

ми зубьями" (Яр) ЯОСК, бини "двурогие вилы для разбрасывания навоза на поле" (Яр) ЯОСК, венчики "двурогие деревянные вилы, которыми трясут солому при обмолоте" (Костр) ЯОСК — бянки "деревянные вилы с двумя зубьями" (Яр) ЯОСК, бяньки "деревянные вилы с двумя зубьями для уборки соломы при молотье" (Вл. губ.) СРНГ III 360, вянки "вилы небольшие двурогие, тупые" (Костр) СРНГ VI 79. Диалектографическая характеристика форм данного слова (его распространенность на бывшей мерянской территории или — в результате переселений — к востоку от нее), его финно-угорская и мерянская типичность (наличие одного согласного вместо предполагаемых исходных двух в начале слова; колебание б-/в-, отражающее характерный для мерянского звук β; переход в новом закрытом слове гласного более низкого подъема в гласный более высокого подъема) дают основание рассматривать его как включение из субстратного мерянского языка. В мерянском языке его можно считать заимствованием из какого-то индоевропейского языка, скорее всего — ассимилированных мерей носителей индоевропейской фатьяновской культуры, предполагаемое слово языка которых *dwāni (мн. ч.) "(вилы-)двоини" было видоизменено в мерянском согласно его фонетическим и грамматическим закономерностям в джер. βāni (ед. ч.) "вилы с двумя зубьями" (более подробную этимологию см. в гл. "Лексика"). При дальнейшей утрате конечного гласного в форме единственного числа слова возник новый закрытый слог, что привело к переходу -ā > -e (*βep' < *βāp' < *βāpā < *βāni (ед. ч.) "вилы с двумя зубьями"). Поскольку в форме множественного числа слова корневой слог оставался открытым и удлинением и сужением гласного ā с дальнейшим его переходом в e там не происходило, форма множественного числа и при редукции конечного гласного основы сохраняла первоначальный вокализм (*βāpāk < *βāpīk (мн. ч.) "грабли с двумя зубьями"). При усвоении восточными славянами форм мерянского слова, переведенного по образцу других подобных лексем в категорию существительных типа *pluralia tantum* (по модели грабли, вилы, сань — без формы единственного числа), где формы бени — бян(ь)ки воспринимались как образования, идентичные чисто славянским (типа сань — санки), мерянский звук -ā стал передаваться звуко сочетанием -'a-, орф. -я-, то есть -a- со смягчением предшествующего согласного. Что касается мерянского -e-, имевшего, очевидно, в отличие от очень открытого гласного -ā довольно закрытый характер, то оно было субституировано восточными славянами наиболее близким к мерянскому славяно-русским звуком -ĕ- (-ĕ-), который в северно-(велико)русских говорах и, очевидно, их прото(велико)русских говорах-предках древнерусского языка в качестве закономерного рефлекса имел ĕ (ĕ закрытое) или возникшее из

него и [47, с. 40]. Отсюда звук -е- или -и- как закономерное отражение северно-русского рефлекса друс. -ĕ-, отражающего, в свою очередь, мерянское е. Если бы в корне мерянского слова выступал звук -е-, при образовании нового закрытого слога его бы всюду закономерно заменил -и-, то есть существовала бы только форма бини без параллельного ей фонетического варианта с -е- как результата отражения -ĕ- (-ĕ-) (мер. е) в северно-русских (постмерянских) говорах. С другой стороны, мерянское -а- (со смягчением или без смягчения предшествующего согласного) при возникновении нового закрытого слога должно было бы закономерно дать рус. (постмер.) *бѣни < мер. բօն < *բօն < *բան или *бони < мер. *բօն < *բան < *բան с отражением соответственно формы мерянского множественного числа как бян(ь)ки (*бан(ь)ки). Таким образом, единственно возможным объяснением русских звуков -е-/-и- (в формах бен(и) / бин(и) / вен(ечки)) и -и-, фон. '-а- (в формах бян(ь)ки / вян(ь)ки) является их интерпретация в качестве передачи мерянских звукотипов е и ѣ при отсутствии смягчения предшествующего мерянского губного согласного. Следовательно, русская буква я в словах мерянского происхождения может служить не только для передачи сочетания предшествующего мягкого (палатального) согласного, в том числе ј (ѣ), с последующим -а-, но и передавать звук ѣ подобно тому, как она используется для передачи этого звука в финских и эстонских географических названиях: фин. Juväskylä - Ювяскола, Janisjärvi - Янисъярви, Järvenpää - Ярвенпя, Jääski - Я(а)ски [70, с. 794]; эст. Vändra - Вандра, Munamägi - Мунамяги, Jägala - Ягала, Järvakandi - Ярваканди [93, с. 627, 630, 635]. Сложность расшифровки случаев употребления звукотипов ѣ и е в мерянском языке на основании их графического отражения в русских словах и названиях мерянского происхождения, как показывают уже примеры передачи звука ѣ в финских и эстонских топонимах, очень велика. Вызвано это прежде всего тем, что специфический для мерянского языка и чуждый русской фонетической системе звук ѣ выступает не в мерянских текстах, где было бы закономерным стремление точно его передать, а в словах и названиях, являющихся лишь субстратными включениями в русский язык, приспособившимися к особенностям его фонетики. Ввиду отсутствия звука ѣ в русской фонетической системе, а также соответствующей ему буквы, средствами русской графики невозможно его передать, что видно, в частности, на примере современной мокша-мордовской орфографии, располагающей только русскими буквами: здесь звук ѣ передается в начале слова буквой э (эши "колодец"), в середине - буквой и (мярьги "скажет"), в конце - буквами е или я (веле "село", но валыма "скно") [69, с. 27]. В ходе истори-

ческого развития в фонетике мерянского языка могла измениться как роль звукотипов е и ä (утратив унаследованную ими из праязыка фонематичность, они могли стать вариантами одной фонемы); так и было их распределение в случае сохранения обоих звуков в качестве фонем (в отдельных случаях рефлекс ä финно-угорского e могли переходить в ä и, напротив, ä могло заменяться e). Поэтому в настоящее время невозможно определить точно, особенно для позднермерянского периода, случаи употребления в мерянских словах обоих звукотипов. Можно их только с известной степенью достоверности предположить на основании соответствий в родственных языках, сохраняющих обе фонемы, а также опираясь на их отражение в графике.

Наличие звукотипа -e, по крайней мере для раннего периода истории языка, можно предположить в следующих словах мерянского происхождения: *peza/pezä "гнездо" - н.п. Пезо(бал) на р. Пеза *Peža (juk) "Гнездовая (букв. - гнездо) (река)" (ср. фин. Pezäjärvi "Гнездовое (букв. - Гнездо) озеро"), фин. pezä "гнездо", эст. peäs, саам. N vävve, морд. Э пизэ, морд. М пиза, мар. пыжаш, мар. Г пйжаш, коми поз "то же", удм. пуз "яйцо", хант. (конц.) pit "гнездо", манс. пи-тэ, венг. fészek, ст. feze, нен. пиля, эн. fiide, нган. fatte, сельк. pəD, кам. phidä < урал. *pesä); *lejma < *lejmä < *lejmä "корова" - рус. (диал.) лейма "то же" (Костр.губ. - Гал) ООБС I02 (ср. фин., кар., иж., вод. lehmä "корова", вепс. lehm, эст. lehm, лив. pi'em, pi'emä "то же", морд. Э лишме "лошадь", (диал.) išme "то же", морд. М лишме "конь (только о красивом или игрушечном коне)" < *lejmä "(дойная) кобыла", откуда, очевидно, семантическое развитие в двух направлениях: 1) (в мордовских языках) лошадь вообще; 2) (в прибалтийско-финских и мерянском) > дойное животное (кобыла, корова) > коро- ва) I SKES II 284, Nirvi 257¹²; *kerä (*kerä) "кора, лубок" - р. Кера (Костр.губ. - Нер) Vesmer 386, KI3 237 (ср. фин. keri "новая кора березы, появляющаяся на месте содранной бересты", саам. N gärrä "кора", морд. Э керь "кора, лубок", морд. М кяр "то же", мар. күр "лубок", мар. Г кяр, удм. кур "то же", коми кор "то же; кожура, шелуха", хант. (вост.) kir "тонкий наст, тонкая корка льда", манс.

II Не исключена связь исходного *lejmä "кобыла" с тюркским ала-ша /ЭСТЯ I 136-137/, лежащим в основе чув. < *булг. лаша (laša) "лошадь" (?lašmä < laša-emä "лошадь-мать"); в таком случае слово могло бы рассматриваться как возникшее на основе древнего заимствования из булгарского языка.

12 Фонетическое своеобразие слова, как и место фиксации, исключают возможность его заимствования из прибалтийско-финских языков /SKES II 284/, заставляя как наиболее оправданное принять его исконно мерянское происхождение. Ср. также работу Калима /80, с. 151/, ставившего под сомнение заимствованный характер слова.

kér "кора; кожура, скорлупа", венг. kérég "кора; корка; скорлупа", ст. kér (в (has)kér "брюшина (букв. - живот(а) кора)" < ф.-уг. ke-re "кора"); peľma < *peľma "боязнь" - рус. (арг.) пельмать "знать" < бояться (Костр. губ. - Гал) Вин 49 (ср. фин. peľätä "бояться", pelko "страх, боязнь", эст. peľgama "бояться", морд. пелема "боязнь", удм. (диал.) pulini "бояться", коми повни "то же", подом "боязнь", хант. (казим.) палти (пэлти) "бояться", манс. пилуу кве, венг. félni "то же", félelem "боязнь", нен. пиллиць "бояться" < урал. *pele- "то же") МЭЯГУВ I 198, КЭСЯ 223.

Исходное прафинно-угорское (прауральское) -e-, как и в основном сохранение той же закрытости звука (иногда рефлексация его в виде -i-) в большинстве финно-угорских (уральских) языков, дает основание полагать, что во всех приведенных реконструированных мерянских словах, во всяком случае в ранний период их истории, на месте праязыкового -e- выступал мерянский звукотип a.

В противоположность этому с большим основанием можно предположить наличие звуко типа ä в таких предполагаемых мерянских словах: kăga(kăgə/-ə) "кукушка" - р. Кега (Keга) (Костр. губ. - БуЙ) Vasmer 332 (ср. фин. kăki "кукушка", уменьш. kăkö, кар. kăgi "кукушка", вепс. kăgi, kăgi, вод. kăko, эст. kăgu, (диал.) kăgi VMS I 352, лив. ke'G, kă'G, саам. N giekkă (?балт., ср. лит. gegė(gėgė) "то же") SKES II 259; *jăhre/-ə "озеро" < *jărre < Jărre - р. Яхрен < *jăhren (juk) "озерная (букв. озера) (река)" (Вл) Смол 208, н.п. хро(бол) (Jachrobol) < *Jăhre(Vol) "озерная (букв. озера) (деревня)" (Яр. губ. - Дан) Vasmer 416 (ср. фин., кар. järvi "озеро", вепс. järvi, järvi, järvi, вод. jarvi, эст. järvi, лив. jara, саам. N jaw're, морд. Э эрь-ке, морд. М эрьке, (диал.) jărke (морд. <-ка < *kă по происхождению - суффикс уменьшительности, присоединенный к основной форме (j)är), мар. ер, мар. Г йар "то же") SKES I 132; мер. вăha/-ə "мало" - рус. (диал.) вяха "немного (Костр - Парф); пустяк (Яр - Рост)" ЯОСК (ср. фин. vâhâ "малый", vâhân "мало", вепс. vâhâ(n) "мало", эст. vâhe "мало", морд. Э вишка "малый, маленький", вишкине "маленький", вех(гель) "(анат.) язычок (букв. - малый (язык)" < веш(е) (кель) < *vâhâ (keli).

Мерянское и саамское соответствия фин. järvi и под. особенно ясно показывают, что в основе всех этих слов лежит заимствование из незафиксированного древнего индоевропейского языка Волго-Окского междуречья - скорее всего носителей фатьяновской культуры, - отраженное данными финно-угорскими языками и реконструируемое с их помощью как *jăgere(-) < u-e. *ăghero- (форма местного падежа?) "озеро", родственное псл. *ezero (рус. озеро) и лит. ežeras(ažeras)

"то же", что дало исходное фин. *jäkete, послужившее отправным пунктом своеобразного развития в каждом из языков. В мерянском через стадию jäcete, отраженную, очевидно, в рус. (диал., арх.) ягра "выдающаяся в море и заливаемая во время прилива часть морского берега; песчаная отмель в устьях рек, покрываемая при приливе водой" Мурз 263, слово путем фрикатизации -g- (*jäy(ə)re) приобрело позднейшую форму jähre, отраженную рус. (постмер.) Яхре-. В прибалтийско-финских языках -k-, находившееся в середине слова, закономерно перешло в -v- /34, с. 135/, что дало *jäv(ə)re-i, очевидно, отраженное в саам. N jawre, которое могло быть заимствовано из прибалтийско-финского, а также в лив. jāra <*jäv(ə)re с секундарным удлинением корневого гласного, вызванным выпадением -v(ə)-. В остальных прибалтийско-финских языках вследствие метатезы возникла форма типа фин. järvi, эст. järv. Что касается мордовских и марийского языков, то в них вследствие закономерного выпадения -k- и его рефлексов в середине слова [там же] должна была возникнуть форма *järə, получившая затем своеобразное развитие в каждом из языков. Мягкость r' в мордовском, как и в венесском, указывает на то, что конечный гласный в финно-угорских языках, а также в индоевропейском языке-источнике был гласным переднего ряда. Об этом, а также о первоначальном своеобразном сингармонизме всех данных финно-угорских языков говорит отражение и -e. начального ja- с гласным заднего ряда в виде jä-, то есть перевод его в передний ряд.

Не менее сложен вопрос о возможности существования в мерянском языке лабиализованных гласных переднего ряда ö и ü, из которых ü принимается для вокализма финно-угорского праязыка /34, с. 159/, оба же звука характерны для почти всех прибалтийско-финских, марийского и венгерского языков. Ввиду полной чуждости этих звуков фонетической системе русского языка их существование в мерянском можно предположить лишь на основании косвенных данных, да и то в единичных случаях. Чтобы судить о том, насколько широко употреблялись рассматриваемые звуки в мерянском языке, насколько они были типичны для его фонетической системы, данных у науки пока нет. Исходя из того, что их употребление было связано с явлением своеобразного "обратного сингармонизма"¹³ (влияния гласных конца слова на начальные),

¹³ Связывать прямо эту своеобразную межслоговую гармонию гласных, больше напоминающую германский умлаут, чем сингармонизм, с этим последним не представляется возможным. Скорее это явление напоминает один из тех процессов выравнивания вокализма основы, который, по мнению В.М.Ильича-Свитыча, мог быть связан в алтайских и уральских языках с переходом от диссингармонического состояния к сингармонизму: "Наличие в алтайских языках в ряде случаев переднеряд-

можно считать эти звуки достаточно для него характерными, хотя этого не достаточно, чтобы говорить одновременно об их фонематичности.

Помимо славяно-русского по происхождению примера бёзли, свидетельствующего о возможности существования формы *ʌʒli "возле" с этим мерянским звукотипом, о его употреблении в мерянском говорит и слово, по всей видимости, чисто мерянского происхождения, сохранившееся в названии р. Вёкса на бывшей мерянской территории (Костр.-Гал) (КГЗ, 78)¹⁴. Поскольку мерянскому языку не были свойственны мягкие (палатализованные) губные, характерные для русского языка, о чем косвенно свидетельствует форма вазка вместо визка в одном из русских постмерянских говоров, русское -ё-, фон. -o- со смягчением предыдущего согласного следует рассматривать в качестве передачи средствами русской фонетики мерянского звукотипа ǔ, ср. аналогичную субституцию того же звука в немецком и французском языках: нем. Goethe - рус. Гёте, нем. Köln - рус. Кёльн, фр. chauffeur - рус. шофёр, фр. coiffeur - рус. кудёр.

Название Вёкса дано реке, которая, в отличие от остальных рек, связанных с Галичским озером, не впадает в него, а вытекает из него, впадая в р. Кострому и являясь как бы каналом, протоком между рекой и озером. Есть основания сопоставить русское (постмерянское) Вёкса со связанными с ним семантически и формально фин. vuoksi (ст. vooki, то есть vooksi "(большое) течение, поток; струя, река; прилив" SKES VI 1813), а также с коми вис "проток, канал (соединяющий озеро с рекой)" (виск, ср. виска ты "озеро с протокой (проточное озеро)". Здесь фин. -uo- соответствует коми -и- (ср. фин. vuotso "длинное, узкое болото; мокрое место" - коми видз "дуг, пожня"), а фин. -ka- - коми -с(к)- (-в(к)-) (ср. фин. maksa "печень" - коми мус (муск-) "то же") (Латыкин Ист.вок. 178; КЭСЯ 21), следовательно, оба слова одного происхождения. Эти явно генетически связанные, хотя, насколько известно, еще не сравнивавшиеся слова (SKES VI 1813-1814, КЭСЯ 58), очевидно, этимологически тождественны реконструированных и заднерядных вариантов основы свидетельствует, по мысли автора (В.М.Иллича-Святыха. - О.Т.), о том, что в период, предшествующий сингармоническому, первый и второй гласный основы относились к разным рядам. Это в дальнейшем устранялось обобщением в одном случае ряда первого слога, а в другом - второго... Подобными соображениями руководствовался, по-видимому, автор и в реконструкции досингармонического состояния уральских языков" /15, с. IX/.

¹⁴ О произношении Вёкса и его старой традиции помимо современного произношения названия у местных жителей, хотя в написании это часто не отражено, свидетельствует передача названия как Вюкса на одной из старинных карт Галичского озера, хранящихся в Галичском краеведческом музее.

руемому с их помощью и на основе его русского (постмерянского) отражения Вёкса исходному мер. *вёквэ (? > -в) "проток; река, соединяющая озеро с другой рекой"¹⁵. Появление в мерянском в, соответствующего старофинскому -oo-, наиболее вероятно объяснить в данном случае тем, что этот переднерядный звук появился под влиянием гласного переднего ряда в следующем за ним слоге, скорее всего -а. Сохранение в финском -oo- перед -i- объясняется, очевидно, тем, что -i- - рефлекс более древнего прибалтийско-финского звука среднего ряда -i- /2, с. 293/, перед которым могли выступать, не переходя в свои переднерядные соответствия, гласные заднего ряда. Появление конечного -а в рус. постмер. Вёкса вместо Вёксе может быть вызвано естественным для славянской системы речных названий воздействием женского рода: река Десна, Москва, Волга...Вёкс-а. Другим, менее вероятным, было бы объяснение изменения окончания чисто внутренним мерянским процессом вторичной утраты вокальной гармонии и в связи с этим замены переднерядных редуцированных в конце слов их заднерядным соответствием (*вёксэ > *вёквэ) с дальнейшим включением топонима в ряд существительных женского рода на -а уже под влиянием русской грамматической системы.

Так же единичны и, пожалуй, еще менее надежны предполагаемые случаи отражения возможного в мерянском языке звукотипа й. Учитывая, что он совершенно чужд русской фонетике, его можно усматривать в мерянских словах, где постмер. й (i) в прибалтийско-финских языках соответствует й (фин. y). Чаще всего звук й в русском, особенно в словах, проникших книжным путем, субституируется н (у с преюгацией или после смягченного согласного): нем. Günter - рус. Гунтер, нем. über - рус. юбер, фр. Humanité - рус. Юманите, фр. surréalisme - рус. сюрреализм. Однако при устном заимствовании он в силу своей артикуляционной связи в русском как с -у- (по лабиализованности), так и с -н- (по принадлежности к звукам переднего ряда высокого подъема) мог передаваться также звуком н, например, в проникшем устным путем из немецкого Фриштык (разг.) "завтрак" < нем. Frühstück, ср. также рус. (шутл.) "Морген фри нос утра" < нем. morgen früh "завтра утром" по поводу легкости немецкого завтрака. Поэтому нельзя исключить, что постмерянское рус. (арг.) иканя(-не) "одна копейка" (Яр. губ. - Углич) Свеш 82, (Костр. губ. - Кин) ТОЛРС ХХ 138, где корню ик(а) соответствуют мар. ик (ik) "один", эст. üks, фин. üksi, может отражать не мер. иканя (ikane) "(уменьш.) один (единич-

¹⁵ Следовало бы проверить, не связан ли также с ними этимологически вероятнее всего финно-угорский субстратный (муромский?) топоним Вёкса (отражение исходного *вёксэ?) в юго-западной части Горьковской обл.

ка)", а икала. Не исключено, что первоначально существовавший в мерянском языке звукотип й постепенно, с развитием меряно-русского двуязычия и все большим влиянием русской фонетики на мерянскую, был заменен звуком и. В таком измененном виде соответствующие мерянские слова вошли в русский в качестве мерянских субстратных включений. С этой точки зрения показателен пример ливского языка, в котором под влиянием латышского, фонетической системе которого также чужды звуки ö и ü, эти звуки постепенно исчезли, заменившись соответствующими нелабиализованными, ср.: "Гласные ö, ü были утрачены ливским языком в результате делябиализации (ü > i, ö > e), которая распространилась под влиянием латышского языка..." /8, с. 139/. О том, что этот процесс протекает в ливском буквально на глазах истории, свидетельствует следующее замечание исследователя ливского языка Э.Э.Вяри: "В восточноливском говоре гласными фонемами являются ä, ё, o, u, e, e, o, i, в западном говоре - ä, ё, o, u, ä, e, i (у более пожилых ливов также ü)" /Там же/. Более показательны, однако, не подобные случаи, где, опираясь на факты и аналогичные процессы родственных языков, можно ограничиться только предположениями, а те примеры постмерянских включений, где отражен, - видимо, диалектный - факт перехода мер. и в й (или i), причем иногда отражено даже колебание между -'у-(-й) и -и-, что, скорее всего, является свидетельством наличия в данном случае звука й, передаваемого то с помощью русского й, то русским и, ср. названия рек: Шордик (Šordik) (Костр.губ. - Кол) Vasmer 377; Шарниха (Šarniča) (Костр. губ. - Юрьев) Vasmer 383; Пенюх /Пених (Penjuch, Peñuch/Peñich) (Вл.губ. - Горох) Vasmer 934; Ландих (Landich) (Вл.губ. - Горох) Vasmer 394-395; Тюних /Тюниха (Tjunich/Tjuniča) (Вл.губ. - Шуй) Vasmer 395; Вондиха (Vondjucha) (Вл.губ. - Александр) Vasmer 400¹⁶. Увязывая первый компонент этих названий преимущественно с марийскими словами, М.Фасмер по-разному трактует второй компонент. Так, в гидрониме Шордик, говоря о его связи с мар. šarðe "лось", он совершенно не касается компонента -ик, который, поскольку наименование не является славяно-русским по происхождению, вряд ли может рассматриваться как русская морфема. Гидроним Шарниха рассматривается им как состоящий из мар. šarne "ракита" (Salweide) + рус. суффикс -иха. Что касается названия р. Пенюх (Пених), где едва ли засвидетельствован другой компонент (скорее всего, лишь его вариант), то его он находит возможным рассматривать в качестве составной части соответ-

¹⁶ Возможно, как первоначально связанное с этими названиями следует рассматривать и название р. Микшица (Mikšica) < *Микшиха? (Костр.губ. - Кий) Vasmer 384.

ствукшего мерянского, в его понимании диалектного марийского, слова, сопоставляя с мар. *ре́еҥе*, *ри́еҥе*, (*ри́еҥе*) "щенок", отличающимся от данного гидронима как корневой, так и суффиксальной частью, ср. мар. *пине́ге* "щенок", мар. Г *пине́гы* "то же". Гидроним *Ландих* (*Landich*) рассматривается М.Фасмером как сложившийся из трех частей, сопоставимых с мар. *ландака* "небольшая низина, низкое место (особенно в лесу)" + мар. *жоҥе* "река" + мар. суффикс *-ика*. Название *Тюних* анализируется в качестве связанного с мар. *теҥ/түн* "устье реки" + преобразованное мар. *жоҥе* "река". Точно так же, то есть на соответствующее связанное с марийским слово *лондо* "стебель, камыш" + мар. *жоҥе* "река", членит он и гидроним *Вондиха*. Очевидно, более логично видеть во всех указанных вторых компонентах результат диалектного развития исходного мер. *joGə (< -e), возможно, подвергнувшегося влиянию со стороны близкого по форме русского суффикса *-ика*. Однако для того, чтобы подобное сближение стало допустимым, фонетическое развитие мерянского слова должно было идти вначале в сторону сужения гласного -o- в -u-, а затем, очевидно, под влиянием еще сохранившегося гласного переднего ряда -a- - в сторону его перехода в гласный переднего ряда -i-. Это преобразование вокализма сопровождалось, видимо, трансформацией интервокального -q- во фрикативный -ɣ-, поэтому слово через стадии *joGə > *joɣə* > *juɣə > *jüɣ (ə) должно было приобрести форму *jüɣ > *jüh "река", что в северо-русской речи при отсутствии звуков, адекватных мер. *ü* и *ɣ/h*, неизбежно давало *-их* или *-ух*. Поскольку в славянском языковом сознании слово "река" связано с представлением о женском роде, постмерянское *-их* могло быть вторично сближено с русским суффиксом *-ика*, что вызвало появление соответствующей формы в гидронимах постмерянской языковой территории. Следовательно, есть основания считать возможным существование в мерянском звукотипов *ö* и *ü*.

Данные сохранившихся мерянских по происхождению апеллятивов и ономастики позволяют предположить наличие в этом языке также редуцированных звуков. На это указывают случаи выпадения гласных, ср.: **ul' ъа* "бывший" - рус. (арг.) *ульмага* "покойник < бывший" (Яр. губ. - Углич) Свеш 92); **ul' ъма* "гибель, смерть < бывшее", переход в бывшее" - рус. р. *Ульма* (Костр.); *juk "река" - р. *Юг* (Вл) < *joGə (< -e); *uɣma "белка" - рус. (диал.) *урма* (Костр. губ. - Кол ООБС 240) < **ora-
ra*, фин. *orava* "то же". Указанные изменения не могли происходить, минуя стадию перехода гласных полного образования в редуцированные, которые затем выпадали, давая нуль звука (с палатальностью в случае редукации гласного переднего ряда). Поскольку вызвавшая эти переходы причина, - очевидно, сильное инициальное ударение - продолжала суще-

ствовать, наряду с выпадением гласных должна была происходить редукция вокализма послегударных слогов, приводившая не к исчезновению их, во всяком случае сразу, а к появлению редуцированных. Отсутствие в русском языке редуцированных в качестве отдельных фонем и существование их только как позиционных вариантов гласных полного образования, связанное с отсутствием необходимости передачи их на письме особыми знаками, а также то, что все постмерянские лексические единицы в качестве неотъемлемой части русской лексики подвергались в ее системе неизбежной адаптации, крайне затрудняют обнаружение мерянских редуцированных и точное установление их характера. Наиболее вероятно их употребление в конце слова, хотя подобный вывод можно делать, скорее исходя из косвенных данных.

О существовании редуцированного (скорее всего э, то есть заднерядного) свидетельствует монотонность конца слов у мерянских существительных по сравнению с их соответствиями в родственных языках. Ряду гласных высокого и среднего подъема в постмерянских словах противостоит один звук а, ср.: р. Кера (Костр. губ. - Кин) Vasmer 382 - фин. käki "кукушка"; р. Кера (Костр. губ. - Нер) Vasmer 386 - фин. keri "кора, выросшая на березе на месте содранной бересты"; р. Тома (Костр. губ. - Солигал) Vasmer 380 - фин. tammi "дуб"; рус. (диал.) вяха "немного, пустяк" (Яр, Костр) КЯОС - эст. vähne "мало"; рус. (диал.) ведьма "перемет (бечевка или леска, на которой укреплен ряд крючков для ловли рыбы)" (Костр - Галич) Востр II 28 - морд. Э ведьме "повод, ремень; завязка, бечевка; конец, обрывок нити"; р. Ширтья (Костр. губ. - Ветл) Vasmer 374 - фин. saarni "ясень"; р. Докша (Костр. губ. - Кин) Vasmer 383 - фин. laakso "долина"; р. Курга (Яр. губ. - Мышк) Vasmer 392-393 - фин. kurki "журавль"; р. Нула (Вл. губ. - Горох) Vasmer 394 - фин. nuoli "стрела". Подобное сведение нескольких гласных к одному может быть только результатом их недостаточно четкой артикуляции, то есть редукции, которой в первую очередь подвергались гласные высокого подъема (как типологическую параллель ср. праславянские (старославянские, древнерусские) редуцированные, которым в других индоевропейских языках, как правило, соответствуют краткие е, і: стсл. снѣ - лит. šnius, псл. *mьgla - лит. migla). Очевидно, возникавший редуцированный в зависимости от предшествующего ему гласного переднего или заднего ряда мог соответственно также относиться к переднему или заднему ряду, то есть представлять собой звукотип э или Э. Реальное существование обоих звукотипов в мерянском, как правило, не дает возможности предположить непосредственные данные, поскольку в конце слова, несмотря на то, что чаще всего здесь можно допустить переднерядный гласный

полного образования, всюду выступает ä, который скорее представляет собой отражение заднерядного редуцированного ä. По-видимому, наличие -ä следует рассматривать не столько как отражение действительного тембра редуцированного, сколько как результат адаптации переднерядного редуцированного, передаваемого в русском языке субституцией -ä, системе славяно-русских родовых окончаний, где в названиях рек было естественным тяготение к формам женского рода. Таким образом, оправданным представляется предположение о том, что рус. (постмер.) ä возникло в конце мерянских слов как отражение двух мерянских редуцированных — ǟ и ä̇.

Рассмотрение лексического материала мерянского происхождения позволяет говорить о том, что для мерянского вокализма в целом были свойственны следующие звукотипы: a, o, u, i, e, ä, ö, ü, ǟ, ä̇. Среди них с наибольшим основанием в качестве фонем можно рассматривать a, o, u, i, e, ǟ (возможно, две последние являлись позиционными вариантами одной фонемы). Что касается переднерядных лабиализованных ö, ü и редуцированных ǟ, ä̇, то из-за недостаточной определенности их употребления нельзя абсолютно точно говорить об их роли в фонетической системе. Не исключено, что все эти звуки были в мерянском языке только вариантами фонем. На основании имеющихся данных трудно говорить также о явлении сингармонизма в мерянском. Непосредственных данных, подтверждающих его существование, в настоящее время нет.

Точно так же ничего не свидетельствует прямо о возможности существования в мерянском различения долгих и кратких гласных, хотя русский язык, как не имеющий количества, вряд ли мог бы его отразить. Косвенные данные — отсутствие количества в языках, окружающих мерянский, в том числе прибалтийско-финском вепсском, — заставляют предположить, что оно отсутствовало также в мерянском, хотя отдельные случаи появления в нем долгих гласных (в новых закрытых слогах) можно допустить.

Как указывает ударение в русских топонимах мерянского происхождения (Костома, Кинешма, Неро, Яхрома, Чухлома, диал. Кострома КЯОС 94), в мерянском, как во многих финно-угорских языках, оно было скорее всего инициальным, начальным. Явление редукции конечных и выпадения срединных слогов свидетельствует о том, что оно было сильным и имело центрированный характер, то есть побочное ударение не возникало или было очень слабым.

Консонантизм

В отличие от вокализма, характеризующегося в противоположность прибалтийско-финскому относительной бедностью состава (отсутствие дигтонгов, а также, видимо, долгих гласных), мерянский консонантизм имел значительно большее количество звукотипов.

В состав мерянского консонантизма, в частности, входили глухие взрывные p, t, k.

Звукотип p, засвидетельствованный в ряде топонимов, распространенных на мерянской территории, в том числе особенно типичных для нее названиях населенных пунктов со вторым компонентом -бал(о), -бол "деревня", и в ряде апеллятивов мерянского происхождения отличался в мерянском языке позиционной ограниченностью. Во всех примерах он расположен или в начале слова, или рядом с другим глухим согласным: *peza(-ə) "гнездо" - н.п. Пе́за(бал) (Pezobal) (Костр. губ. - Кол) Vasmer 417, р. Пе́за КТЗ 158 (ср. фин. peää "гнездо", эст. pe-sa, саам. Н vässe, морд. Э пизэ, морд. М пиза, мар. пйащ, мар. Г пйащ "то же", удм. пуз "яйцо", коми поз "гнездо", хант. (конд.) p'it, манс. пйи, венг. fészek, нен. пйя < *урал. pesä MSzFUE I 205, ОБУЯ 404, КЭСЯ 228, СКВС Ш 531; *peŋ(ə) "собака" - р. Пенюх/Пенюх (Penjuch, Peñuch/Penich) (Вл. губ. - Горох) Vasmer 394 < Рен-пйю/Һ "Собачья (букв. - собака) (река)"¹⁷ (ср. фин. (народно-поэт.) peni "собака", (лит.) penikka "щенок", эст. (диал.) peni "собака", pinі, саам. Л räna, морд. пине, мар. пий, удм. пунн, коми пон "то же", венг. fene < *peŋe "?" (в проклятии: egye meg a fene "пусть съест его fene (собака?)", как семантическая параллель - рус. пес его заешь!) < ф.-уг. *peŋe-) MSzFUE I 200, КЭСЯ 224-225; *palo "деревня, село" - н.п. "Нүш поло ((Nuš)polo) < *"Нүш пало, возможно, вследствие сближения с поле, (Nuš) palo" (Крапивная) (букв. - крапива) деревня", *nuš "крапива" - мар. нүш "то же" (Вл. губ. - Александр) Vasmer 418; н.п. (Мүш пол/(Muš)pol, где первый компонент, по мнению М. Фасмера, этимологически сопоставим с мар. мүш "пчела" (Яр. губ. - Пош) Vasmer 417; н.п. (Ки бал/(Ki)balо(1578 г.) < *(Ki)balо "Каменная) (букв. - камень) деревня" (Вл. губ. - Сузд) Vasmer 417. Ввиду в качестве второго компонента выступает слово *palo, иногда видоизмененное в результате утраты конечного гласного или в интервокальной позиции (мер. *palo этимологически связано с хант. (вост.) puŋel "деревня", манс. павыл, венг. falu, мн.ч. faluk/falvak "то же" < угор. (-мер.?) palуз "деревня, селение" MSzFUE I 180-181).

Единичен случай употребления p в середине слова, причем в ин-

¹⁷ Менее убедительным представляется сопоставление М. Фасмера [там же] с мар. pepeŋe, pineŋe/pineiŋe (мар. (лит.) пинене "щенок").

тервокальной позиции: мер. *boro(-ma) "рубить, колоть", *boramo "рубка, колка (дерева, дров)" - рус. шопать "колоть лучину специальным ножом" (Костр - Краснос) (ср. морд. М шапомс "рубить (только о срубе)", морд. Э чапомс "рубить (сруб); делать зарубку; отбивать (жернов)", коми тшапны "зарубить, засечь, сделать зарубку" <ф.-уг. *šaraz->¹⁸. Очевидно, сохранение р в интервокальной позиции здесь следует объяснять тем, что он является рефлексом ф.-уг. -pp-.

В интервокальной позиции и положении между сонорным и гласным вместо ц в постмерянских включениях русской ономастики выступает регулярно џ, напр.: Атебал (Atebal) (Моск.губ. - Дмитр) Vasmer 418; Куткобал (Kutkobal) (Яр.губ. - Угл) Vasmer 417; Пезобал (Pezobal) (Костр.губ. - Кол) Vasmer 417; Толгобол (tolgobol) (Яр.губ. - Яр) Vasmer 416; Шенбалка (Šenbalka) (Вл.губ. - Пересл) Vasmer 417. Очевидно, в приведенных и аналогичных примерах рус. џ нельзя воспринимать как отражение мер. ь, то есть звонкого взрывного. Этому противоречит то обстоятельство, что параллельно в мерянском должен был существовать звук ʒ, по своему характеру средний между џ и д, - об этом говорят нередкие случаи замены џ на д и д на џ, встречающиеся до сих пор в русских говорах на постмерянской территории (типа варахло вместо барахло или бёзди вместо возде), о которых говорилось выше. Одновременное существование џ и ʒ в одинаковых позиционных условиях, что можно было бы предположить на основе их написаний, в рамках одной и той же фонетической системы совершенно исключается. Между тем в русских (постмерянских) отражениях мерянских слов находим графему џ и в тех случаях, где на основании сравнительных данных можно предположить звук ʒ, и там, где подобное џ является позиционным вариантом мер. р (рус. п). Разница между ними заключается в том, что если первому џ в родственных языках может соответствовать v (ср. рус. гидроним Андоба при фин. antava "дающий", эст. andev "то же"), то второму џ в других позициях самого мерянского языка должно было соответствовать только ц (р). Тот же звук выступает (или выступал) в соответствиях родственных языков (ср. рус. (постмер.) (Толто)бол при (Муш)бол и их инофинно-угорские соответствия: манс. цавни "село", венг. falu <*ralu "то же"). Следовательно, можно говорить о двух постмерянских џ, отражающих, по-видимому,

¹⁸ В.И.Лыткин и Е.С.Гуляев [КЭСЯ 291] в качестве праформы дают *šaraz-, которая противоречит ее рефлексам в мордовских и коми языках: -р как у рефлексов праязыкового -pp-, а не как отражения -р звуком -у (-в) в мордовских языках и р звука в коми языке [КЭСЯ 14, 15].

два разных мерянских звука: один — смешивавшийся с в в словах немерянского происхождения русских (постмерянских) говоров и соответствующий у других финно-угорских языков в словах мерянского происхождения, второй — никогда не смешивавшийся с в, являясь постоянно позиционным вариантом ц в мерянском языке, которому в других финно-угорских языках также соответствует р (рус. ц). Эта разница, существующая между указанными двумя постмерянскими ц, заставляет видеть в них внешне (графически) одинаковое отражение двух разных по акустическим и артикуляционным характеристикам звуков. Очевидно, подобное единообразие графического отражения вызвано не столько действительным их сходством, тем более тождеством, сколько тем, что особенность русской фонетической системы не давала возможности уловить специфику каждого из них, а несовершенство русской графики, не приспособленной для их передачи, не предоставляло средств для адекватного отражения на письме. Подобная неточность тем более понятна и оправдана, что речь шла не о точном воспроизведении мерянского текста или мерянских слов как таковых, а об органическом включении лексем мерянского происхождения в ткань русского языка, его фонетической системы, что предусматривало не сохранение фонетического своеобразия мерянских слов, а их приспособление к особенностям русских звуков. Все это дает основание предположить, что в ц, чередующемся (смешивающемся) с в, следует усматривать звук з, который носители языка с фонетикой, не имеющей его, но располагающей звуками б и в, близкими к нему, смешивают с двумя этими звуками (с другой стороны, смешивание звуков б и з характерно для носителей языка, где нет этих звуков, но имеется согласный з). Что касается ц, являющегося позиционным вариантом ц (мер. *р), то его следует понимать как несовершенное графическое отражение полувзвонного В. Поскольку все звуки, входящие в фонетику определенного языка, связаны между собой системными отношениями, принимая мысль о существовании в фонетической системе мерянского языка не звонкого з, а полувзвонного В в качестве позиционного варианта глухого р (возможность звонкого з исключалась фактом одновременного наличия в мерянском звука з), необходимо принять положение, что под всеми русскими (постмерянскими) графическими отражениями типа д и г кроется также передача не соответствующих мерянских звонких д, г, а полувзвонных Д и Г. Конечно, нельзя исключить полностью то обстоятельство, что по мере усвоения мерянами славяно-русского языка в их язык могли проникать русские звуки, в том числе б, д, г. Однако смешивание глухих со звонкими, тяготение их к определенным позициям, смешивание б и в, отмечаемое в русских говорах постмерянских территорий даже спустя длительное

время после окончательного исчезновения мерянского языка, заставляют считать, что полное проникновение звонких и вытеснение ими полувзвонких вряд ли могло произойти в самом мерянском языке. Это, скорее всего, произошло только при окончательном усвоении русской речи мерянским населением, что часто было связано с полной заменой языка и, таким образом, на мерянский язык повлиять не могло.

Все слова, в которых отмечается отражение полувзвонного В, позиционного варианта глухого взрывного мерянского р, — несомненные лексемы мерянского происхождения, это подтверждается как их связью с бывшей мерянской территорией, так и тем, что в значительной своей части это наиболее типичные мерянские названия поселений, включающие компонент -бол (-бал(о)).

Звукотип т характерен, как и звукотип р, для позиции в начале слова, перед или после глухого согласного и, очевидно, также в абсолютном конце слова, хотя примеры подобного употребления отсутствуют: *tolga (-э)"перо" — н.п. Толгобол (Tolgobol) (Яр.губ. — Яр) vasmer 416 (ср. саам. Н adl'ge "перо (птицы)", морд. тодга, мар. (пис) тыл, удм. тылы, коми тыв "то же", хант. (вах.) tõjæl "крупное перо с крыла или хвоста птицы", манс. toul "крыло" КМРС 104, венг. toll "перо; перо (писчее)", нен. то "крыло (птицы)", сельк. (таз.) туи "перо; крыло", матор. ту "перо", ту-да "крыло" < урал. *tulka "перо, крыло") КЭСКИ 292, ОДУЯ 400, MSZPUE III 637; *matkoma (-эма) "путешествие, езда" — р. Маткома (Яр.губ. — Пом)¹⁹ Дитмар 66 (ср. фин. matka "путь, дорога", эст. matkama "путешествовать", саам. Н muot'ke "расстояние, отрезок пути" < ф.-уг. (диал.) *matka "путь, дорога") SKES II 337; *tohta "гнилое дерево, гнилая сердцевина дерева" — рус. (диал.) тохта "то же" (Костр — Костр, Кол, Меж, Чулх) (ср. фин. (диал.) tohko "гнилое дерево; старая вещь", эст. tõheta, tõhkeda "становиться больным; крошиться, гнить" < ф.-уг. (диал.) *toht/k- "становиться гнилым, трухлявым") Востр I 50–51; SKES V 1321.

В середине слова между гласными или гласным и сонантом, как показывают примеры, в мерянском языке вместо т выступает его позиционный вариант д. Эта закономерность, напоминающая соотношение между р и В, также выступающими в разных позициях и, следовательно, не способными противостоять друг другу в качестве смыслоразличительных звукотипов, показывает, что в мерянском среди взрывных не было фонематического противопоставления по глухости-звонкости: глухой и

¹⁹ О реальности данного слова как мерянского свидетельствует также явно с ним связанное рус. (диал.) с-мат-ил "с пути свел" (Вл. губ. — Судог) ТОЛРС XX 211, зафиксированное в другой части бывшей мерянской территории.

полузвонкий взрывной звукотипы представляли собой лишь варианты одной фонемы. Примеры употребления полузвонкого D: *andoga "кормящий" < "дающий" - р. андоба (Костр. губ. - Костр) КТЗ 160 (ср. фин. antava "дающий", antaa "давать", эст. andev "дающий", andma "давать", саам. N vuow'det "распределять пищу", морд. андомс "кормить", удм. удны "подать питье", коми удны (в парном словосочетании вердны-удны "кормить-пить"), венг. adni "давать" < ф.-уг. anta- "давать") МЗГФУБ I 69; *dārgā "сильный, здоровый" - рус. (диал.) неведры "человек слабый, болезненный" (Яр. губ. - Пом) КЯОС 122 (ср. морд. Э вадра "хороший, красивый; добрый; качественный", морд. М вадра "гладкий, приглаженный (о ворсе, шерсти, волосах)"²⁰; *tudoga "знающий, осознающий" - рус. (диал.) при-о-тудоб-еть "окрепнуть" (Костр. губ. - Кол) МКОУ (ср. фин. tunteva "чувствующий; знающий", tuntea "чувствовать; знать", эст. tundev, фон. tuiDev "чувствующий; знающий", tundma "чувствовать; знать", саам. N dow'dat "то же", удм. тōдны "знать; узнать; помнить", коми тōдны "то же; (уст.) обладать прозорливостью, даром предвидения", тыдвны "виднеться; просвечивать", нен. тундā(сь) "узнать; отметить", эн. tuddabo "узнавать, угадывать", нган. tūmtū'ama "угадывать", кам. t'e mnem "знать, понимать", койб. тумше-шум "(я) знаю" < урал. *tunte- "знать" < "видеть") ОФЯ 405, КЭСЯ 283, 292, МЗГФУБ III 646-648. Единственный случай, когда д (рус. д) отмечается в начале слова, - рус. (арг.) дудьяо "огонь" (Костр. губ. - Гал) Вин 45, на основании которого реконструируется мер. *dule (*tule) "то же", - очевидно, объясняется тем, что его основой послужила форма не в абсолютном начале, а в середине предложения, где в составе синтагмы в позиции после гласного или сонанта мог происходить переход глухого в начале слова в полузвонкий. Следовательно, и этот случай не является исключением из общего правила, допускавшего переход мерянских глухих в полузвонкие только в позиции между гласными или гласным и сонантом (или сонантом и гласным), что в абсолютном начале слова не было возможно.

То же правило относилось, судя по имеющимся данным, к паре позиционных вариантов к-г, где к обнаруживается в (абсолютном) начале слова, перед глухими или после них и, по-видимому, в абсолютном конце (слова и предложения). Что же касается варианта г, то он выступает в интервокальной позиции и положении между гласным и сонантом (или наоборот), напр.:

1) (употребление звукотипа к) *kutka(-ə) "орел" - н.п. Кутко-(бал) (Kutkobal) (Яр. губ. - Угл) Васмер 417 (ср. фин. kotka "орел",

²⁰ Подробнее см. в разделе "Прилагательное".

эст. kotkas, саам. N goas'ken, морд. kut's'kan "то же", мар. кутккж "беркут", кучкж "орел", удм. kutá "птица, похожая на орла, но меньше размером", коми кутж "орел" < ф.-перм. ко́шка "то же") SKES II 224-225, КЭСЯ I 48; *kákka "сор, мусор; грязь" - рус. (диал.) шакта "снег и лед, плывущие по реке" (Костр - Меж, Пыщ, Шар; Волог - Никол); "грязный сырой снег" (Костр - Меж, Пыщ; Волог - Никол); "отходы при обжолоте клевера или конопли" (Волог - Никол) Востр II 41 (ср. морд. сакж "грязь", удм. шакж "неразливный, грязный", шакта "сор, мусор, грязь", коми шактар "древесный хлам, сор (нанесенный весенним половодьем)", а также кар. tákka "шкварки от топленого масла" и, возможно, - с другим вокализмом - морд. Э шукш "сор, мусор", связанные, несомненно, с предполагаемым мерянским словом) Востр II 41-43; *juk (< *joge) - р. Юг (Костр. губ. - Макар) КГЗ 208 < мер. *juk, отраженного в русском языке как Юг согласно русской орфографической традиции и восприятию слова как русского со звонким г, переходящим в конечной позиции в к (ср. фин. joki "река", эст. jõgi, лив. jo'ug, саам. N jokká "то же", морд. Э Юв "река Мокша", мар. Г Ювн "течение, поток", удм. в (в парном слове в-шур, где шур - также "река"), коми в "река", хант. (казым.) кхан "речка", манс. я "река", венг. (ст.) jó, нен. яка, эн. joha, jaha, сельк. kí, ke "тоже", кам. tá-ja "река, поток; речка; ручей" < урал. *joke "река") ОБУЯ 403, КЭСЯ 334, SKES I 118, MSZFUB II 339-340;

2) (употребление звукогипа g) *kägē(-a) "кукушка" - р. Кегэ (Kega) (Костр. губ. - Буя) Vasmer 382 (ср. фин. käksi "кукушка", эст. käge, венс. kági, вод. čako, лив. kā'g, саам. N giekká - вызвавшая сомнения гипотеза о заимствовании этих слов из балтийского (ср. лит. gėgė "то же") SKES II 259 приобретает еще большую проблематичность в связи с мерянским соответствием); *tolgē(-a) "перо" - н.п. Толго (бол) (Tolgovol) (Яр. губ. - Яр) Vasmer 416 (ср. морд. толга "перо", коми тыв, хант. (вост.) tōgəl, венг. toll "то же", нен. to "крыло (птицы)" < урал. *tulka "перо, крыло") КЭСЯ 292, ОБУЯ 400.

Среди собранных примеров, правда, отсутствует случай, когда полувзвонкий g выступает в позиции после гласного перед сонантом, однако, исходя из того, что подобная позиция отмечается для полувзвонкого д как позиционного варианта глухого t, следует думать, что это объясняется просто ограниченностью примеров, а не принципиальной ее невозможностью. Следовательно, глухой и полувзвонкий звукогипы взрывных согласных, соответственно p-b, t-d, k-g, образовывали в мерянском языке позиционно ограниченные варианты, не дававшие возможности их фонематического противопоставления, что исключало их существование в качестве фонем. Отдельные отклонения от этого правила,

обусловленные позицией слова в синтагме или происхождением определенных звуков, в силу своей спорадичности не могли существенно изменить положение. Так, в некоторых, очень редких, примерах как будто нарушается это фонетическое правило — иногда глухой находится в интервокальной позиции. Однако при внимательном рассмотрении истории слова обычно обнаруживается, что соответствующий глухой является рефлексом предшествующей геминаты, имевшей еще в праязыке, или сочетания согласных звуков, которое затем, по-видимому, развилось в геминату, но не образовало долгого согласного из-за их отсутствия в мерянском (как и в мордовских языках). Таким образом, соответствующий глухой в интервокальной позиции сменил предшествующую геминату (сочетание согласных) и, возникнув в период, когда уже перестал действовать закон частичного озвончения согласных в этом положении, не мог подвергнуться его влиянию. Подобный пример, очевидно, представляет собой мер. *ikanä (-ə)/*ikanä(-ə) (уменьш.) "один" — рус. (арг.) иканя(-не) "одна копейка" (Яр. губ. — Углич) Свеш 82, ТОМРС XX 167, где, казалось бы, следовало ожидать форму *iḡanä/*iḡanä (-ə), то есть в русском отражении *иганя (*игане). Однако, поскольку форма числительного восходит здесь к праязыковому ikte /*iḡkte, а не *ike/*iḡke, что, в частности, подтверждается фин. yksi (iḡkte) "один", эст. üks, саам. ok'tá (ОБУЯ 423), естественно, что в мерянском, где -k- относительно поздно сменило предшествующее -kt- (возможно, через стадию -kk-), оно и должно было остаться в этой позиции неравнозначным обычному -k-, развивавшемуся совершенно иначе²¹.

Если не по артикуляции, то по месту образования со звуко-типами *p* и *ʃ* непосредственно связан звуко-тип *ʃ*, представляющий собой губной фрикативный. Исходя из того, что в рассмотренных русских

²¹ Не исключена возможность подобного объяснения для мер. кока "тетя; крестная (ор. рус. (диал.) кока "тетя по родству; название старшей дочери для младших детей; крестная мать" (Яр — Рост, Первом) ЯОСК — мар. кока "тетя"). Марийское и мерянское слова, очевидно, этимологически связаны с морд.э кака "дитя, дитятко" (возможно, первоначально ласковое название первенца, первой дочери), о чем говорит и фонетическая закономерность: марийское (вторичное) (-)с- в начале слова часто соответствует в других финно-угорских языках, в частности мордовских /ʃ/, с. 103-106/. Имея в виду аффиктивно-ласкательный характер слова, вполне возможно допустить здесь существование в древний период геминаты, наблюдаемой и в некоторых других аналогичных случаях, ср. фин. ati "тесть, свекор" как соответствие венг. atya "отец" и варианты с долгими согласными (геминатами): фин. ätti, "отец", эст. ätt "отец; дедушка; старик". Следовательно, мар. кока, мер. *kóka, морд.э кака могут восходить к незафиксированному *kakka "ребенок (особенно первый)", что еще требует проверки с привлечением дополнительных данных.

диалектных словах немерянского происхождения, зафиксированных на постмерянской территории, наблюдается смешение *џ* и *в*, что характерно для языков, имеющих вместо них звук *џ*, — например для марийского, в прошлом смежного с мерянским, — логично предположить, что тот же звук был характерен для мерянского языка²². Поскольку звук *џ* обычно не сосуществует со звуком *у* или *н*, следует думать, что это относится и к мерянскому языку. Следовательно, во всех тех случаях, где рус. (постмер.) *џ* или *в* соответствует *у* прибалтийско-финских или мордовских языков, — часть из них (в начале слова) может продолжать праязыковое *н*, часть (в середине слова) — праязыковое *џ*, — исследователь вправе предположить употребление мер. *џ*. Только в единичных случаях (подробнее см. в гл. "Грамматика", разделы "Частица" и "Междометие") можно допустить употребление вместо *џ* неслогового *ц*, что относилось к словам междометного и близкого к ним значения: *ца; — рус. (диал.) *вай* "возглас удивления" (Яр — Пош; Костр — Сусан) ЯОСК; *жоц "вот" — рус. (диал.) *ёв* "вот" (Яр — Шерб). Здесь деформация *џ* и его замена *ц* могли вызываться междометным или близким к нему характером слов, с чем были связаны меньшая четкость артикуляции и возможность употребления звуков, в целом нетипичных для фонетики. В остальном мерянское *џ* должно было употребляться и в случаях исконного праязыкового *н*, и там, где оно возникло закономерно как результат ослабления артикуляции праязыкового *џ* в середине слова и перехода его в соответствующий фриктивный ср.: *анДога "кормящий" (р. Андога — Костр) — фин. antava <*antara "дающий" (о переходе финского суффиксального -ra > -va см. у Л. Хакулинена /71, ч. I, с. 125-126/); *конДога "несущий" (р. Кондога — Костр) — фин. kantava <*kantara "то же"; *тудога "знающий, осознающий" (рус. (диал.) *при-о-тудоб-еть* "окрепнуть" — Костр. губ. — Кол, МКНО) — фин. tunteva "чувствующий, знающий"; *зэдгэ "сильный, здоровый" (рус. (диал.) *неведри* "хилый, больной" — Яр — Пош КЮС 122) — морд. Э *вад-ря* "хороший, красивый; добрый; качественный", морд. М *вадри* "гладкий" (о ворсе, шерсти, волосах); *зэһэ(-а) "мало" (рус. (диал.) *вяха* "немного" (Костр — Парф); пустяк — Яр — Рост, ЯОСК) — фин. vähä(n) "мало", эст. vähe "то же"; *вед'мэ "перемет" (рус. (диал.) *ведьма* "то же" (Костр — Гал) Востр II 28) — морд. Э *ведьме* "повод, ремень; завязка, бечевка; конец, обрывок нити"; *кирвэв "топор" (рус. (арг.) *кирвэс* (Яр. губ. — Углич) Свеш 89) — фин. kirves "то же"

²² Об этом также, как уже отмечалось, свидетельствует колебание *џ/в* в формах постмерянского диалектного русского слова мерянского происхождения (ср. *џанки* — *вянки*, *џени* — *венеки* "двурукие вилы"), хотя в самом мерянском это слово представляет собой субстратное включение из индоевропейского языка Волго-Окского междуречья.

<балт., ср. лит. *kiūvis* "топор", SKES I 200²³; *ur̥ma <*ur̥ga <*ogara "белка" (рус. (диал.) *урма* "то же" - Костр. губ. - Кол, ООБС 240) - фин. *ogava* <*ogara.

Следовательно, мер. *ʃ выступает и в тех случаях, где в праязыке употреблялся *u*, и там, где (в середине слова) первоначально выступал звук *ʃ*, который затем в результате ослабления был заменен в ряде финно-угорских языков другими звуками или - как в прибалтийско-финских - чередовался с ними в слабых ступенях.

Важно отметить, что звук *ʃ как рефлекс праязыкового *ʃ в середине слова и как предшественник современного *v* (в слабой ступени) предполагается также для прибалтийско-финских языков, в частности финского, ср.: *v* < *ʃ - *lavan*, род.п. от *lapa* "лопатка, лопасть", *kiivoton* "безболезненный" (~*kipu* "боль"), *levätä* "отдыхать" (~*leppä* "(он) отдыхает)" [71, ч. I, с. 58]. В то же время для марийского, где в настоящее время отсутствуют звуки *v* и *w* [25, с. 38] и употребляется только *ʃ*, выступающее на месте и праязыкового *ʃ в середине слова [34, с. 137], и праязыкового *u* (ср. мар. *ʃerʃeʃ ärgə* "(анат.) почки" - коми *ššrk* (všrk) "то же") [25, с. 38; 35, с. 68], в прошлом был характерен звук *w* (как и для всех финно-угорских языков, унаследовавших праязыковые звуки) [34, с. 118]. Очевидно, это различие в прибалтийско-финской и марийской фонетике следует объяснять тем, что марийский длительное время сохранял *w*, выступавшее еще при ослаблении праязыкового *ʃ* в середине слова и переходе его в *ʃ, а в прибалтийско-финских языках праязыковые *u* было заменено согласным *v*. Поскольку согласные *ʃ* и *w* чрезвычайно близки по своей артикуляции (звука *ʃ* в марийском в это время не имелось, даже теперь он входит в него только с заимствованиями), один из этих звуков неизбежно вытеснялся другим. В марийском, очевидно, после периода параллельного употребления обоих звуков и их смешивания, перевес оказался на стороне *ʃ*, он вытеснил полностью даже этимологически исконный *w*. В прибалтийско-финских языках, где употреблялся звук *v*, фонетически более далекий от *ʃ*, и также отсутствовал *ʃ* (как возможная частичная замена звука *ʃ*, ср. субституции мерянских слов

²³ Не исключено, что предполагаемое мерянское слово, в свою очередь, является заимствованием из прибалтийско-финского (ср. вепс. *kirvez* "топор"), однако прибалт.-фин. *-v-* соответствует рус. *-d-*, а это явный довод в пользу *-ʃ-* в мерянском. Предположение о непосредственном заимствовании слова из вепсского (тем более балтийского) в русский маловероятно из-за удаленности этих языков, наиболее обоснованно считать его субстратным включением в русский непосредственно из мерянского, в пользу чего говорит и *-d-* как отражение мер. *-ʃ-*: русский язык передал бы прибалт.-фин. и балт. *-v-* своим *-d-*.

с ʃ в русских говорах), звук ʏ как более традиционный, сохранив все свои унаследованные от праязыкового ɥ позиции, вытеснил *ʃ даже в тех местах, где тот закономерно заменял праязыковое внутри-словное *ʀ и где ʏ никогда прежде не употреблялся, то есть произошла субституция ʃ звуком ʏ. Указанный процесс привел к тому, что в настоящее время меряньскому абсолютно не свойствен ɥ, прежде в нем употреблявшийся, а в прибалтийско-финских языках не получил развития закономерно появившийся в нем как позиционный вариант *ʀ, согласный ʃ. Меряньский язык, в котором, судя по имеющимся данным, был широко распространен звук ʃ, вытеснивший более древний ɥ, в этом отношении отличается от прибалтийско-финских и мордовских языков и стоит ближе к меряньскому.

Вместе с тем меряньский, мордовские и меряньский языки от прибалтийско-финских отличает еще одна особенность. В нем отсутствует чередование ступеней согласных, характерное для большинства прибалтийско-финских языков, благоприятной почвой для развития которого в них могло послужить сохранение геминат, утраченных меряньским, мордовскими и меряньским языками. В связи с этим следует заметить, что потенциально возможная оппозиция трех ступеней, связанных со взрывным p (p-v-ʃ), в меряньском едва ли представлена, поскольку вариант с v в середине слова в обнаруженных примерах характерен только для композит, в частности для начала второго компонента. Других случаев сохранения p в виде его полувзвонного варианта v в середине слов не обнаружено. Единственный несомненный случай праязыкового -p- в середине слова (суффикс -pa/-pa < *-pa в слове *tudopa и под.) свидетельствует о том, что он в этой позиции переходил в -ʃ-. Следовательно, скорее всего, мер. -p- в отличие от прибалтийско-финских и саамских языков в середине (простого) слова никогда не сохранилось, переходя в ʃ, как и в меряньском языке. Происходил ли также здесь переход -p- > -j-, как это наблюдается в меряньском языке (ср. мер. шуй "шея" при фин. аяр "передняя часть саней"), или меряньскому языку в этой позиции свойствен был только переход -p- > -ʃ- подобно тому, как в мордовском здесь возможен только переход -p- > -v- [34, с. 135, 137], на основании имеющихся данных сказать невозможно.

Мы можем предположить, что, находясь в середине слова (в интервокальной позиции и положении между гласным и сонантом), мер. ʃ регулярно переходило в полувзвонное ʃ. Так как, судя по всему, ʃ в середине слова могло сохраняться только рядом с глухим согласным, в сущности, в группе (паре) согласных, и этой чертой меряньский язык больше напоминает волжско-финские, а не прибалтийско-финские и саам-

ские языки, где t в интервокальной позиции вполне возможно и где оно образует основу для чередования ступеней согласных. Чередованием вариантов t (в начале слова) и ɖ (в середине слова) мерянский похож на мордовские языки, где соответственно выступают варианты t-d (ср. морд. Э тумо "дуб" - сядо "сто"). Однако не исключено, что, по крайней мере диалектно, мерянскому языку в данной позиции так же, как и марийскому, мог быть свойствен и междуобный фрикативный ɖ как соответствие начальному t. На такую возможность указывает название р. Илезома (Костр. губ. - Кол) КТЗ 144, образующее явную параллель с названием р. Ильдомка (Костр. губ.) Семенов 233 (ср. также н.п. Ильдомское, Ильдом - Яр. губ. - там же). Как известно, звук ɖ носителями языков, где он отсутствует, обычно смешивается с д или з²⁴. Поэтому пример передачи одного и того же названия, где в одном случае употреблено -д-, а в другом - -з-, может быть сигналом того, что идет речь о междуобном мер. -ɖ- и попытках передать его с помощью средств русской фонетики. Очевидно, переход праязыкового t в ɖ в середине слова (в интервокальной позиции) типа il(ə)ɖoma вместо обычного il'doma "безжизненный" (ср. мар. Илди́ме, фон. iləɖeme "нежилой; необитаемый") не был для мерянского языка повсеместным явлением, иначе он бы нашел отражение в значительно большем количестве примеров. Судя по месту фиксации примера (быв. Кологривский уезд Костромской губ.), данное явление скорее всего было характерно для крайней восточной части мерянской языковой территории, там, где она соприкасалась с территорией марийского языка. Не исключено, что своим возникновением эта, по-видимому диалектная, черта мерянского языка была обязана марийскому языковому влиянию.

Исходя из того, что в интервокальной позиции h в мерянском языке, как правило, только частично озвончалось, переходя в полувзвонкое ʃ (ср. уже упоминавшиеся примеры типа р. Кега), а отражения мерянских слов с h соответствуют прибалтийско-финским (реже венгерским) словам с h (ср.: р. (диал.) вяха "немного" (Яр, Костр.) ЯОСК, тохта "гнилое дерево" (Костр.) Востр I 50, халеть (Костр. губ. - Кин) "умирать" МКНО - фин. (диал.) tohko "гнилое дерево, ста-

²⁴ Оба способа этой несовершенной передачи междуобного (например, в английском языке) носителями русского языка широко известны и получили отражение в русской литературе, ср.: 1) (как ɖ) Тебя ослепило, ты осовел. Но как барабанная дробь, из тьмы по темени: "Кофе Максвел гуд ту ди ласт дроб" (=good to the last drop "хорошо до последней капли") (В.В.Маяковский, Бродвей); 2) (как з) "Ze vorke of Shakespeare" (=The works of Shakespeare) ...Шекспир! Гулять идете и то книжку с собой берете, да еще на английском языке! (В.В.Вересаев, Супруги).

рая вещь", эст. vähe "мало", венг. (meg) halni "умирать"), можно считать, что и для мерянского языка было характерно положение, сложившееся в прибалтийско-финских языках, сохраняющих, правда, в чередовании с -r- (<⁴ l), с частичным озвончением l в интервокальной позиции и развивших звук h, который в северо-русских (постмерянских) говорах передается в словах мерянского происхождения как ж. Особенно показательны в этом отношении названия рек, сохраняющие второй компонент *joġe "река", ср.:

1) (примеры, отражающие исходную форму *joġe) р. Шордога (Šordoga) (Вл.губ. - Юр.-Пол), первая часть сопоставляется с мар. šorġe "лось" - Vasmer 399; р. Шорнога (Šornoga) (Вл.губ. - Александр), первый компонент сопоставляется с мар. šardġe "ветла, ракета", фин. saarni "ясень" - Vasmer 400; р. Вандога (Vandoga) (Вл.губ. - Переясл), первый компонент сопоставляется с мар. pondo "стебель; камыш" - Vasmer 401;

2) (примеры более поздней формы *juġe) р. Колюга (Koljuġa) (Костр.губ. - Варнав), первая часть сопоставляется с мар. kol "рыба" - Vasmer 374; р., н.п. Вичуга (Vičuga) (Костр.губ. - Кин), первая часть сопоставляется с мар. viġe "название р. Белой (в Башкирии)" - Vasmer 383; р. Ванчуга (Vančuga) (Вл.губ. - Судог), первая часть сопоставляется с мар. vanġem "перехою, переезжаю" - Vasmer 396-397.

О том, что полувзвонкий взрывной согласный ġ, позже перешедший в конце слова в соответствующий глухой (ġ > x), сохранялся здесь до полного исчезновения конечного гласного, свидетельствуют формы с глухим -h в конце наиболее поздней формы *juġ, передаваемой согласно русской орфографической традиции как жг (Жг)²⁵, ср.: р., н.п. Портюг (Portjuġ) (Костр.губ. - Кол), в первой части сравнимое с мар. pört "дом, изба, хата", фин. pirtti "изба" - Vasmer 376; р. Жг (Juġ) (Костр.губ. - Макарь; Яр.губ. - Пош; Вл.губ. - Горох), сопоставляемое с мар. juġ "течение, поток", хотя с семантической и формальной стороны здесь больше оснований для сравнения с фин. joki "река", эст. jõgi "то же" - Vasmer 377-378, 391, 394. Возможно, сюда же относится (очевидно, отражающее диалектную форму *juġ "река") и название р. Шордик (Šordik) (Костр.губ. - Кол), в первой части сопоставляемое с мар. šorġe "лось" - Vasmer 377, хотя сам М.Фасмер

²⁵ Причиной появления конечного -г, произносимого в русском литературном языке и северо-русских говорах как -к, могло быть и то, что в косвенных падежах мерянского слова -h, оказавшись между гласными, произносилось как полувзвонкое ġ (напр., *juġea, род.п. ед.ч. "реки"), воспринимавшееся русскими как русское г.

никакого объяснения конечной части слова, — видимо, его второму компоненту — не дает.

В отличие от приведенных форм, совершенно определенно отражающих сохранение мер. ĭ (с частичным озвончением) в интервокальной позиции, засвидетельствованы и другие формы того же слова, где вместо рус. к и г как отражений мер. ĭ и ĕ выступает х. По-видимому, данное явление в мерянском языке носило сугубо локальный, ограниченно диалектный характер, так как в противоположность формам с ĭ (ĕ), засвидетельствованным в разных, часто совершенно противоположных частях бывшей мерянской территории (в быв. Ярославской, Костромской и Владимирской губ.), формы с х отмечаются на сравнительно ограниченном пространстве, связанном в основном с ее юго-востоком (быв. Александровский, Гороховецкий и Шуйский уезды Владимирской губ. и Юрьевский уезд Костромской губ.):

1) (второй компонент — оха) р. Вондиха (Vondjucha) (Вл. губ. — Александр), первый компонент сопоставим с мар. oondo "стебель, камыш" — Vasmer 400;

2) (второй компонент — оха) н.п. Шарниха (Šarnicha) (Костр. губ. — Юрьев), первый компонент сближается с мар. varigä "ракита" — Vasmer 383;

3) (второй компонент — их) р. Ландих (Landich) (Вл. губ. — Горох), первый компонент сближается с фин. lanto "низменность, низкое место, долина", эст. laas (ген. laane "пуща, бор" — Vasmer 394-395;

4) (колебание в форме второго компонента: — их / — их) р. Пених / Пенних (Penjuch, Penich/Penich) (Вл. губ. — Горох), слово в целом сопоставляется М. Фасмером с мар. reŋeŋe "щенок", хотя логичнее видеть в нем сложное образование из мер. rei(ə) "собака" и второго компонента, связанного с мер. *joge "река" — Vasmer 395. Приведенные примеры свидетельствуют, что в части мерянских говоров ĭ в интервокальной позиции (очевидно, через стадию ĕ) постепенно переходило во фрикативное ɣ, как в марийском языке в целом (ср. мар. Йог — (jogɣ) "течь" при фин. joki "река"). Возможно, это ɣ позже было заменено звуком h. Другой случай перехода предполагаемого первоначального интервокального ĭ в ɣ, а затем в h, получивший, видимо, более широкое распространение в мерянском языке, отражен в мер. *jähne "озеро", возникшем на основе предполагаемого и-е. (субстр.) *jäge-ro/-e. Стадия ɣ (с его дальнейшим переходом в ɣ) была на определенном этапе исторического развития свойственна и прибалтийско-финским языкам (рефлекс этого ɣ, перешедшего затем в w, находим, очевидно, отраженным в саам. Н jav'ne "озеро", лив. jāge и — с мета-

тезой - в фин. järvi эст. järv). Разница между мерянским и прибалтийско-финскими языками заключается в том, что прибалтийско-финский это -j- заменил звуком -j- или утратил (ср. фин. joki "река", ген. joen <*jojen), а мерянский его сохранил, очевидно, позже преобразовав в -h- . Из данных примеров видно, что в части своих говоров (очевидно, большей) мерянский в развитии интервокального -h- пошел по пути развития прибалтийско-финских языков, но в отличие от их большинства не развил чередования ступеней согласных. В другой части мерянских говоров (видимо, меньшей) переход -h- в -j- (возможно, с переходом позже $\text{-j-} > \text{-h-}$) получил большее развитие, в чем они приближались к марийскому языку, хотя пока не известно, касался ли переход интервокального -h- в -j- всех случаев его употребления, как в марийском языке, или был чем-то ограничен. Судя по имеющимся и доступным исследованиям фактам, в отношении трех фрикативных $\text{-\beta-}$, $\text{-\theta-}$ и $\text{-\gamma-}$, развившихся в мерянском языке из интервокальных -p- , -t- , -k- , можно констатировать три изоглоссы, проходящие по мерянской территории. Если изоглосса перехода -p- в $\text{-\beta-}$ наиболее широка, охватывая, по-видимому, всю мерянскую языковую территорию (ср. мер. *kiržás на ее крайнем западе, в Угличе), то территория, охваченная изоглоссой широкого перехода $\text{-k-} > \text{-\theta-}$ в $\text{-\gamma-}$, касающаяся только юго-восточных районов, значительно уже. Совсем небольшой, видимо, была область, где отмечается переход $\text{-t-} > \text{-D-}$ в $\text{-\delta-}$ в середине слова. В целом по признаку спирантизации взрывных в середине слова область мерянского языка представляется переходной зоной от марийского и мордовского языков к прибалтийско-финским языкам.

Кроме заднеязычного взрывного глухого h с его полувзвонким вариантом ç , в отношении мерянского на основании ограниченного количества примеров можно, очевидно, предположить существование звуко-типа ŋ , заднеязычного звонкого носового, известного еще финно-угорскому праязыку /34, с. 119/, ср.: р. Конгора (мер. *koŋ(G)ora (Kon-gora) (Яр. губ. - Пош), сопоставимое с фин. kangar, kankare "песчаный холм" - Vasmer 392; н.п. Шунга (*мер. šuŋ(G)ə/*šūŋ(G)ə (Костр. губ. - Костр), сопоставляется с мар. šūŋgä "маленький холм" - Vasmer 385; *paŋ(G)ə "гриб", рус. (диал.) панга "губа, губка на древесных породах" (Костр. губ. - Ветл) МКНО, сопоставимое с морд.М панга "гриб", морд.Э панго, мар. покго "то же", манс. пāх "мухомор", нган. fanka "быть пьяным (от напитка из грибов)" < урал. *paŋka "гриб"²⁶ - Alvre II 57, Collinder 408. На основании имеющихся дан-

²⁶ Другое объяснение слова, вряд ли более убедительное, дает О.В. Востриков /6, с. 32-33/, который, исходя из семантики "гнилое дерево", сближает слово с саам. pō "кх" "гнилое дерево".

ных определить фонетическую значимость данного звукотипа невозможно.

Среди слов, явнс связанных по происхождению с мерянским языком, обнаруживается довольно много примеров, при воспроизведении которых употребляется буква х, отражающая их произношение в современных русских говорах с постмерянской территории. Здесь можно усматривать противоречие, поскольку звука х в мерянском языке, как в финно-угорском праязыке и большинстве современных финно-угорских языков, не существовало. Об этом говорят постмерянские особенности русской диалектной фонетики, часть которых может обнаруживаться в славяно-русских заимствованиях мерянского: здесь русское х передается звуком к. Объяснить это кажущееся противоречие можно исходя из того, что русское х является отражением абсолютно несвойственного северно-русским говорам h или - реже - г. Как известно, здесь даже в тех случаях, где в русском литературном языке употребляется г фрикативное (например, в междометиях ага, ого), последовательно выступает звук х. В связи с тем, что там, где в постмерянских словах русских говоров выступает х, в прибалтийско-финских (реже венгерском) ему, как правило, соответствует h, есть основания считать, что в мерянском в соответствующих словах употреблялся глухой ларингальный согласный h²⁷. Этот согласный, в частности, можно предположить в следующих словах мерянского происхождения: *jäñgrэ "озеро" - н.п. Яхро- (Бол) (Jachrobol) (Яр. губ. - Дан) Vasmer 416, р. Яхрен (Вл) Смол 196 (ср. фин. järvi "озеро", эст. järv, лив. jāra, jāra, саам.Н jaw'ge, морд.Э эрьке, морд.М эрьке, (диал.) jet'ke, мар. ер, мар.Г йяр "то же" <и-е. (фатьян.) *jägero-/-e SKES I 132; *pahэ "мало" - рус. (диал.) вяха "немного (Костр - Парф); пустяк (Яр - Рост) ЯОСК (ср. фин. vähä(n) "малый", vähä(n) "мало", эст. vähe "то же", морд.Э вишка "малый, маленький", вех (гель) "язычок (бука. - малый язык: *веш кель <ф.-уг. (прибалт.-фин., мер., морд.) wäše "малый") SKES У1 1830-1831; *tohtэ "гнилое дерево, гнилая сердцевина дерева" - рус. (диал.) тохта "то же" (Костр - Костр, Кол, Мех) Востр I 50 (ср. фин. (диал.) tohko "гнилоо дерево, старая вещь", эст. (диал.) tõheta "становиться большим <гнилым> <ф.-уг. (прибалт.-фин., мер.) *tohk- "гнить", с характерной для мерянского заменой звуков -hk- ~ -ht-, возможно, связанной с таким же колебанием среднеязычных) Востр I 50-51.

Широкое распространение на бывшей мерянской территории слова

²⁷ Это утверждение нуждается в окончательной проверке на большем количестве примеров, так как в некоторых случаях, особенно диалектно, в мерянском мог употребляться также фрикативный г, причем ввиду близости обоих звуков они могли смешиваться.

*ʃähē (рус. (диал.) вяха), по-видимому, исключает возможность его заимствования из прибалтийско-финского языка. Предшествующее прибалтийско-финскому (и мерянскому?) -*ʃ-*, сохраненное мордовскими языками, переходило в мерянском, как и в прибалтийско-финских языках, в *h*. Насколько широким был этот процесс, совпадал ли он полностью с прибалтийско-финским или имел специфически мерянские ограничения, должен показать дальнейший внимательный этимологический анализ русской лексики (в том числе ономастики) мерянского происхождения. Пока не будет точно установлена ее этимология и несомненно доказано мерянское происхождение соответствующих лексем, решить окончательно этот вопрос нельзя. Однако на бывшей мерянской территории обращает на себя внимание обилие субстратных топонимов, содержащих звук -*х*- (отражение мер. *h*), ср.: (Яр) Кхоть (Мшк), Дяхость (Гавр.-Ям), Сохоть, Луха (Пом), Ухра (Рыб), Ухтома (Первом), Цехма (Яр); (Моск) Яхрома (Дмитр); Пахра (Подольск), Цехра (Балам); (Вл) Махра (Александр), Духтоново (Судог), Церехта (Ковр), Дехтово (Мелен); (Иван) Дяхость, Ухтома (Ильин), Ухтома, Сорохта (Комс), Кохма (Иван); (Костр) Церехта (Пер), Чухлома (Чухл), Ухтингирь (Калый), Вохтома (Парф), Тохта (Макар), Вохма (Вох). Большое количество топонимов с *х* < мер. *h*, из которых некоторые повторяются в разных местах, говорит о несомненной характерности данного звукотипа для мерянского языка, что в какой-то степени подтверждает возможность его самостоятельного развития, но он может и совпадать с аналогичным прибалтийско-финским явлением.

Из других фрикативных, кроме заднеязычных, мерянскому языку были свойственны свистящий и шипящий *с* и *ш*.

Звукотип *с* встречается в ряде слов предполагаемого мерянского происхождения, напр.: *vorjēs "(рыба) хариус" - рус. (диал.) сорьез, сорьѣз, сорьяз, сорьяс "то же" (Костр - Костр, Кол, Меж, Чухл) (ср. фин. *harjus* "хариус", кар. *harjuš*, вепс. *harđuz*, *hargus*, где с известным сомнением считается словом германского происхождения от герм. *harzus/*harrizus "то же") SKES I 58, Востр I 46-50²⁸; **rast(ə)* "столб, дорожный указатель, вежа" - рус. (диал.) растовая дорога "тракт, главная дорога, хорошая столбовая дорога" (Костр - Кол) (ср. фин. *rašti* "дорожный указатель, вежа", *rastia* "помечать дорогу", кар. *rašti* "дорожный указатель") Востр II 34-35, SKES III 742²⁹; **pos-*

²⁸ Соответствие *з*- прибалт.-фин. *h*- О.В.Востриков [5, с.48-49] пытается объяснить как связанное с саамским языком. Не исключено, действительно, что в мерянский язык слово могло проникнуть через это посредство.

²⁹ Судя по разобщенности прибалтийско-финского и мерянского ареалов, **rast(ə)* может быть скорее общим наследием этих языков, чем

tšrə "прут, хлыст; банний веник" - р. Востурь (Vosturj) (Костр. губ. - Костр) Vasmer 385 (ср. мар. воштур "прут, лоза, проволока", мар. Г ваштурь "прут, лоза; веник", фин. vasta "(банний) веник", кар. vašta (vasta) "то же", васту "веник (вообще)" РКС 23, венс. vast (шв. ст. qvasta "бить себя веником в бане" (шв. *kwastu, kwasta, друг. хвость "хвост; (банний) веник" SKESV I667) или их соответствие из субстратного и-е. языка Волго-Окского междуречья, в пользу чего говорит ареал распространения слова³⁰; -s (как формант иллатива) - рус. (диал.) дульяс "огонь" (Костр. губ. - Гал) Вин 45 < мер. *D-/tuļjas "в огонь" (ср. морд. толс "в огонь", фин. uläs "наверх", мар. чодраш < *čodras "в лес") [2, с. 300; 9, с. 49].

В тех случаях, когда s оказывалось в середине слова, в интервокальной или интервокально-сонантной позиции, оно подобно взрывным переходило в свое полувзвонное соответствие z, ср.: *peZə(-a) "гнездо" - н.п. Пезо(бал) (Pezobal) (Костр. губ. - Кол) Vasmer 417 (ср. фин. pesä "гнездо", эст. pesa, саам. N beasse, морд. Э пизэ, морд. М пиза, мар. пичаш "то же", удм. пуз "яйцо", коми поз "гнездо", хант. pit, манс. пшти, венг. fészék, нен. пидя < урал. *pesä "то же") КЭСЯ 223, ОВУЯ 404; *piZleje "рябина" - н.п. Пизлево (Pizlejevo) (Вл. губ. - Переясл) Vasmer 401 (ср. фин. pihlaja "рябина", эст. pihlakas "то же", морд. Э пизёл "рябина (ягоды)", морд. М пизел "то же", мар. пизле "рябина", мар. Г пизылы "рябина (дерево и ягоды)", удм. палезь "рябина (ягода)", коми пелысь, хант. (каз.) паяр (пэяр), манс. паяр < ф.-уг. *pičlā) КЭСЯ 218, СКВС III 542, Collinder 413.

Звукотип s встречается в многочисленных лексемах предполагаемого мерянского происхождения из бывшей области распространения мерянского языка. Как и глухие взрывные p, t, k и звукотип s, он встречается, как правило, только в начале слова и в положении рядом с глугим согласным, напр.: *jukšə "лебедь" - р. Кюша (Jukša) (Костр. губ. - Юрьев) Vasmer 382 (ср. фин. joutsen "лебедь", эст. (поэт.) jüdsin, (диал.) joos, сам. N njuk'čā, морд. Э локсей, мар. йүкш, мар. В йүкш, удм., коми всь, манс. (ст.) još(voj) (voj "птица") < заимствованием из прибалтийско-финского в мерянский. Не исключено также, что в какой-то связи с ним, одновременно подтверждая его мерянскую принадлежность, находятся другие слова и топонимы того же корня в постмерянском ареале: н.п. Растовцы, Велый Раст (Моск. обл. - Дмитр), раст "время (конец мая - июнь), когда хорошая пастьба скота: майская свежая, молодая трава" (Яр - Рост, Углич) ЯОСК.

30 Менее убедительно сближение мар. воштур, мер. *dostšrə с фин. vihta "(банний) веник" (Vasmer 385) или венг. vas "железо" (КЭСЯ 331-332). Интересно соответствие мер. s// мар. s, сближающее его с мордовскими и прибалтийско-финскими языками и отдаляющее его от марийского.

Ф. -уг. *jorkóe) КЭСЯ 336, SKES I 123, ОУЯ 416; *šola(-ä) "вяз, ильм" - р. Шоля (šolja/šol'a) (Костр.губ. - Варнав) Vasmer 375 (ср. фин. salava "ива ломкая", морд.Э селей "вяз", морд.М сяли, мар. шодо, венг. szil(fa) (fa "дерево") < Ф. -уг. *šala) SKES IV 954, MSZFUE III 587-588; *šarnā/šorne(-a) "ракита, ветла" - н.п., р. Шарна (šarna) (Яр.губ. - Люб) Vasmer 388, н.п. Шарника (šarniča) (Костр.губ. - Юрьев) Vasmer 383, р. Шарновка (šarnovka) (Костр.губ. - Буџ) Vasmer 381, р. Шорна (šorna) (Вл.губ. - Шуџ) Vasmer 395 (ср. фин. saarni "ясень", эст. saag, лив. sārna, мар. шертне "верба; ракита", šardni < Ф. (прибалт.-фин., мер., мар.) *šardang "ясень; верба") SKES IV 939.

В середине слова в положении между гласными или рядом с сонантом звукотипу ɟ соответствует ʒ, напр.: sinžə(-a) (sinžan, ген. ед.ч.) "глаз; (перен.) источник" - н.п. Синжан (sinžan) (мер. *sinžan (valo) "Источниковая (букв. - источника) (деревня)" (Вл.губ. - Меленк) Vasmer 397 (ср. фин. silmä "глаз", саам.Н šal'bme, морд. сельме, мар. šindža "глаз; источник", удм. син "глаз", ошмес-син "родник (букв. - ключевой/родниковый глаз)", коми син "глаз; родник", хант. сэм "глаз", мэ-сэм "родник (букв. - глаз земли)", манс. сам "глаз", венг. szem, нон. сэв, эн. sei, нган. ššime, сельк. sai, кам., койб. šima, тайг. šime-dä < урал. *šilmä) ³¹.

По сравнению со звукотипом ɟ согласный ʒ был распространен в мерянском языке значительно шире. Об этом свидетельствует большое количество названий с бывшей мерянской территории, включающих этот звук, которые, не являясь такими этимологически ясными, как приведенные выше примеры, все же обнаруживают несомненное финно-угорское происхождение, ср.: Шуда (šuda) (Костр.губ. - Варнав) Vasmer 375; Ошя (ošja) (Костр.губ. - Варнав) Vasmer 375; Шордик (šordik) (Костр.губ. - Кол) Vasmer 377; Нельца (nel'ša) (Костр.губ. - Кол) Vasmer 377; Локца (lokša) (Костр.губ. - Кин) Vasmer 383; Шунга (šunga) (Костр.губ. - Костр) Vasmer 385; Пекца (pekša) (Яр.губ. - Яр) Vasmer 387; Шарма (šarma) (Яр.губ. - Пош) Vasmer 391; Шегола (šegola) (Яр.губ. - Пош) Vasmer 392; Шуга (šuga) (Вл.губ. - Сузд) Vasmer 398; Шорнога (šornoga) (Вл.губ. - Александр) Vasmer 400 и др.

³¹ Отсюда нельзя еще делать вывод о том, что данное слово, наиболее тесно связанное с мар. шинча "глаз" (даже в указанном переносном значении), являлось в мерянском единственным для обозначения этого понятия, ср. другие топонимы бывшей мерянской области, позволяющие реконструировать мер. *vešmə(-ä)/*väšmə(ä) "глаз": р. Сельма (Костр.губ. - Солигал) КТЗ 243, р. Сальма (Костр.губ. - Ветл) КТЗ 68, - более близкие к фин. silmä "глаз", морд. сельме "то же". Очевидно, речь идет только о диалектном явлении, связанном с частью мерянского языка.

Большое количество слов явно финно-угорского происхождения, включающих звук ʃ и связанных с мерянской территорией, причем в разных ее частях, показывает, что он был чрезвычайно характерен для мерянской фонетической системы. Не исключено, что именно с этим связана известная ограниченность примеров со звуком ʃ в мерянском языке могло его в какой-то степени потеснить. Это могло объясняться и тем, что звук ʃ в мерянском имел артикуляцию, отличающую его от обычного славяно-русского ʃ (с русского и украинского типа) и несколько приближающуюся к артикуляции ʃ, то есть близкую к финской: "Шумные шелевые переднеязычные апиальные ʃ, ʃ (финского языка. — О.Т.) на слух несколько шепелявые. Они произносятся следующим образом: кончик языка направлен к верхней десне, края языка прижимаются к боковым зубам и к части твердого неба, прилегающего к ним таким образом, что посредине между кончиком языка и твердым небом образуется узкая щель в форме желобка. Струя воздуха, проходя через эту щель, дает шум с присвистом. Таким образом, финские согласные ʃ, ʃ акустически воспринимаются как средние между русскими ʃ и ш" [12, с. 22]. О близком к финскому характере мерянского ʃ очевидно, свидетельствуют слова не только славяно-русского происхождения из русских говоров, распространенных на постмерянской территории, но и собственно мерянского происхождения. В частности, об этом говорит колебание древнерусского ʃ/ш при передаче мерянского слова *мошка "конопля" (ср. морд.М мушка 'волокно, кудель", морд.Э мушко "конопля"), лежащего в основе названия р. Москва (ср. другое чисто славянское название верхней части ее течения — Коноплевка, калькирующее мерянское) [72]. В Галицко-Волынской части Ипатьевской летописи отмечается как форма местного падежа на Мосцѣ (от Моска), в другом списке той же летописи — форма этого падежа в варианте на Можцѣ (очевидно, с гиперистическим — от Мошка). Данный пример может быть объяснен только как результат колебания при выборе звука, вызванного тем, что ни рус. ʃ, ни ш не могли точно отразить мерянский звук, представляющий собой, видимо, что-то среднее между тем и другим. Очевидно, закреплению русского звука ʃ в данном и аналогичном примерах, кроме возможных изменений в самом мерянском языке, могло способствовать то обстоятельство, что при первоначальном соприкосновении с мерянским языком звук ш в языке восточных славян был еще мягким, и это сближало его артикуляционно-акустически с мерянским ʃ. По мере того, как славяно-русское ш в речи (прото)великорусов отвердевало, все менее оправданно становилось мерянское ʃ передавать славяно-русским ш, и

в (прото)великорусском языке мерянское ʃ стало передаваться только с помощью звука ʃ³².

Сравнительно малочастотные (на основании свидетельства топонимов) в мерянском аффрикаты ʃ и с все же не были чужды его фонетической системе, о чем свидетельствуют не только косвенные показания русских говоров постмерянской территории (с отчетливым, как правило, разграничением звуков ц и ч), но и данные самого мерянского языка в словах предполагаемого мерянского происхождения, напр.: *aʃe/-a (aʃe) "отец" - р. Ача (Костр. губ. - Гал) КТЗ, 83 (ср. фин. ati "свекор; тесть", ätti "отец", эст. att "то же", морд. атя "старик", мар. ача "отец", удм. атай "то же", венг. atya "отец; монах", зн. at'a "отец" (при обращении), нган. t'a "то же", возможно, <*at'(t) a "отец; старик") MSZFUE I 100-101; Почеболка (Робелька (Яр. губ. - Пош), сопоставляемое с мар. Г пучи (putʃe) "олень", пучо "то же" - Vasmer 417, где в пользу мерянского происхождения слова (независимо от правильности предложенной этимологии) говорит его употребление в типичной для мерянского языка композите, обозначении деревни, со вторым компонентом -бол-<*-bol "деревня".

Еще реже в мерянском употреблялась, видимо, аффриката ʃ. Единственным несомненным мерянским примером, иллюстрирующим ее употреб-

³² С фонетической точки зрения первоначальная мерянская форма названия р. Москва *мо́ска(ʃ), отраженная, видимо, не только в вышеупомянутых древнерусских свидетельствах, но и в итал. Мосса, интересна еще тем, что с несомненностью свидетельствует о заднеридном редуцированном в конце этого слова, воспринятом восточными славянами - тогда, видимо, еще не имевшими в своем языке новых (велико)-русских редуцированных - как звук близкий или идентичный -ы (в словах типа църкы (църкве) "церковь", свекры (свекрве) "свекровь" и т.п.). Это и стало позже причиной создания по образцу данных слов форм (более старой) Московь (1147 г.) (как църковь), отраженной в англ. Moscow, нем. Moskau, фр. Moscou, и более поздней (и современной) Москва (под влиянием слов оука, смоква, рус. (диал.) църква) /72, с. 131/. Таким образом, ввиду этого недвусмысленного свидетельства появляется возможность реконструировать лежащее в основе данного топонима мер. *мо́скэ "конопля" (с заднеридным редуцированным и инициальным ударением, ср. итал. Мосса), а вместе с тем говорить с большей уверенностью о конечном редуцированном мерянских слов. Что касается собственно этимологической стороны, то мер. *мо́скэ "конопля", родственное морд. М мушка "волокно; кудель", морд. Э мушко "конопля, кудель", мар. муш "пенька, кудель", связано, видимо, с финно-угорскими глаголами того же корня со значением "стирать, мыть; вымачивать (в том числе коноплю)" (ср. эст. (диал.) тõкма "мыть", морд. Э му́скемс, морд. М му́ськомс, мар. мушкаш "мыть; умывать; стирать, полоскать (белье)", удм. мыськны "мыть, купать", коми мыськаны (мыськны) "мыть, стирать" венг. mosni "мыть; стирать", нён. masa (сь) "смазать, намазать; (большезем.) умить; вымыть; помыть", зн. masua-bo "мыть", сельк. мышаи "(я) вымыл, вытер", кам. bázáiam "мыть" < урал. *мыске- (*мо́ске) "мыть, стирать") КЭСКИ 184, MSZFUE II 450-451, ОФУЯ 406.

ление, является не вполне ясное по составу и происхождению приветствие "Цолонда - в доме: здравствуй, хозяин(?)" (с. Давшино - Яр. губ. - Пош) КНОС 212 [Архангельский А. Село Давшино, Ярослав. губ., Пошехон. уезда : Написано в 1849 г. - Этнографический сборник, вып. 2. Спб., 1854, с. 1-80]. Можно не сомневаться в мерянском происхождении слова, поскольку оно записано в Пошехонье, на бывшей мерянской территории, сохранявшей и частично сохраняющей особенно много мерянских пережитков. Исходя из того, что в основе приветствия лежит всегда какое-то пожелание, в прошлом - целая фраза, видимо, здесь выступает приветственная формула, очень деформированная и сократившаяся (синкопированная) в результате частого и быстрого ее произнесения. К этому могло добавиться и некоторое искажение, вызванное утратой языка, на фоне которого она только и могла пониматься. Итак, пока можно только догадываться о первоначальном содержании и составных частях этой формулы. Поскольку в приветствии скорее всего высказывалось пожелание здоровья, первым ее элементом цол мер. *сѣлѣ с редким для мерянского звуком с могло быть субстратное включение из какого-то индоевропейского языка, где, как в славянском, балтийском и германском, было слово с корнем koil- посл. сѣлѣ "целый, невредимый, здоровый", прус. kaills "здоров(ый) (в заздравной формуле)", гот. hails "здоровый", пережившее переход k>s. Заимствованное слово сѣлѣ, очевидно, имело значение "здоровый; здоровье". Его употребление в приветственной формуле свидетельствует о том, что в мерянском языке оно приобрело глубоко традиционный характер, о чем, в частности, говорит его сохранение даже после утраты самого языка. Тем самым органично, хоть и ограниченно, должна была войти в фонетику языка и аффриката ц.

В связи с тем, что аффриката ѣ могла в некоторых случаях появляться на месте среднеязычного (палатального) ѣ', ср. *аѣэ (р. Ача) (Костр. губ. - Гал) КГЗ 83 при форме ате (н.п. Ате(бал) (At'ebal) Моск. губ. - Дмитр) wasner 418, ясно, что мер. ѣ было мягким, а не твердым звуком, своей мягкостью в какой-то степени напоминавшим русское ѣ. Этим, видимо, объясняется также то, что носители мерянских говоров сравнительно легко, не смешивая его с ц, усвоили русское ѣ. В отличие от мерянского эзя-мордовский язык с его твердым ѣ (ѣ') русское мягкое ѣ передавал в старых заимствованиях с помощью мягкого ц' (ѣ') (ср. морд.э цѣлавомс, цѣлан, цѣлка - рус. чудиться, чудлан, чудок). С другой стороны, в мерянском языке аффриката с была скорее всего твердой (ср. то же *сѣлѣндэ(-а) > рус. (диал.) цолонда). Поскольку русское ц также является твердым, это способствовало правильному различению звуков ц и ѣ в русском языке и воспрепятство-

вало их смещению при усвоении славяно-русской речи мерянским населением, а в конечном счете привело к тому, что явление цоканья и чоканья (смещения ц и ч) для возникших здесь русских говоров не характерно. Следует полагать, что и аффрикаты с и щ подобно взрывным и фрикативным s и š сохраняли полностью свою глухость только в абсолютном начале слова, его абсолютном конце, если они могли там выступать, и в непосредственном соседстве с глухими. В других позициях (прежде всего, в интервокальной) они частично озвончались. Однако из-за их малой частотности и отсутствия традиции передачи собственных аффрикативных звонких вариантов в русском языке (ср. дочь была, отец был, где слышатся, но не обозначаются на письме звонкие аффрикаты ф и ж) в графике русской передачи мерянских лексических элементов это не получило никакого выражения.

Довольно большой частотностью (в отличие от аффрикат) в мерянском языке, как и в других финно-угорских, характеризовались сонорные ш, п, л, г, напр.:

1) (звукотип m) *moskэ "конопля" - рус. (ст.) Москва "Москва" (на Мосць, 1208 г. - Смол 287) (ср. морд. М мушка "волоконно; кудель", морд. Э мушко "конопля; кудель", мар. муш "пенька, кудель", очевидно, < урал. *moške-/ *muške- "мыть, стирать; вымачивать (о конопле)") [72]; *lejma "корова" (< *ležmä) - рус. (диал.) лейма "корова" (Костр. губ. - Гал) (ср. фин. lehmä "корова", эст. lehm, лив. pi'emē "то же", морд. Э лишме "лошадь", морд. М лишме "конь (только о красивом или игрушечном коне)" SKES II 284 - в основе, очевидно, лежит заимствование из древнеболгарского (ср. чув. лаша "лошадь") со значением "кобыла"); *sezim "семь", рус. (арг.) сезим (Костр. губ. - Гал) Вин 49 (ср. фин. seitsemän "семь", эст. seitse, саам. N. šie-šä, морд. сисем, мар. шым(нт), удм. сизым, коми сизим < *š.-перм. *v'ež'š'emä "то же" < какой-то индоевропейский язык балто-славянского типа - Серебр. Ист. морф. перм. яз. 221) SKES IY 991, КЭСЯ 255; *kolema(-ä) "смерть; умирание, тяжелая болезнь" - рус. (диал.) колёма "болезнь" (Костр - Ветл) СРНГК (ср. фин. kolema "смерть", эст. (диал.) kolma "умирать умирание", морд. кулома "смерть", мар. колмаш, удм. кулэм, коми кулóm, хант. (каз.) хал'тн "подохнуть", манс. khäli "умирает", венг. (meg) halni "умирать", нен. хась "умереть", эн. kãdo' "умирать", нган. kũ'am "(он) умер"; сельк. куак "(я) умираю", кам. күл'ем "то же" < урал. *kolg-/ *kõle "умирать") SKES II 239, MSZPUE II 250-251, КЭСЯ 143, ОФЯ 407;

2) (звукотип n) andova (-ä) "кормящий < давший" - р. Андоба (Костр. губ. - Костр) КТЭ, 160 (ср. фин. antaa "давать", antava "дающий", эст. andma "давать", andev "давший", саам. N. vuow'det "прода-

вать", морд. андомс "кормить", удм. удны "поить", коми удны (в составе вердны-удны "кормить-поить"), венг. adni "давать; продавать" <ф.-уг. *amta "давать") SKES I 20, MSZFUE I 69, КЭСЯ 295-296, ОФУЯ 418; *-н (показатель ген. ед.ч.) - рус. (арг.) Нерон "Галицкое озеро" Вин 48, р. Яхрен (Вл.губ.) Смол 208 (мер. Néron (jährg)) "Болотное (букв. - болота) (озеро)", Jähren (juk) "Озерная (букв. - озера) (река)" (ср. фин. järvi "озеро" - ген. ед.ч. järven, морд. Э эрьке "озеро" - ген. ед.ч. эрькенъ, (диал.) доун домань "снежный (букв. - снега) человек" (морд. -нъ <-н) - Серебр. Ист. морф. морд. яз. 16-17, мар. ер "озеро" - ген. ед.ч. ерын < ф. *-н) Галкин 39-41; Серебр. Осн. лин. разв. 68-70;

3) (звукотип 1) *jelšā(-a) < *jēlšā/-ā "язык, речь" - рус. (арг.) елманский "древний галицкий" (=мерянский) язык" Вин 45, дмер. *(merän) jēlšān (-ar) "(мерянского) языка (=принадлежащий к мерянскому языку, говорящий на нем)" (ср. саам. N njal'bme "рот", мар. Йялме "язык (анат., лингв.)", хант. (каз.) нялум (анат.), манс. нѐлум "то же", венг. nyelv < ф.-уг. (вост.) *jēlmā) MSZFUE III 480; *ralo(-š) "деревня, село", (поздн.) *rol - н.п. (Нур)поло (очевидно, из фон. *Nušpolo) (Nušpolo) (Вл.губ. - Александр) Vasmer 418, н.п. (Ки)бол (Kibol) (Вл.губ. - Сузд) Vasmer 417, н.п. (Ки)бало (Kibalo) (там же, 1578 г.) Vasmer 417 (ср. хант. (вост.) ruʃəl "деревня, населенный пункт, поселение (рыбаков, охотников), манс. пáвль "деревня, поселок, селение", венг. falu (<*ralu) "деревня, село" < уг. (=мер.?) *raluz "то же") MSZFUE I 180-181;

4) (звукотип r) *uršā(-š) < *uršā (-a) вследствие влияния -н, ген. ед.ч., *oršā "белка" - рус. (диал.) урма "белка" (Костр.губ. - Кол) ООВС 240 (ср. фин. orava "белка", эст. orav "то же" - фин. -va, эст. -v, мер. *-ша < *-ša - суффикс < *-ра, саам. N oar're, морд., мар., коми ур < ф.-перм. *ora "то же") SKES II 436, КЭСЯ 297-298, ОФУЯ 428; *kerš(-a) "кора" - р. Кера (Kera) (Костр.губ. - Нер) Vasmer 386, КТЗ, 217 (ср. фин. (диал.) keri "береста, выросшая на берегу на месте ободранной коры", саам. N gárgrá "кора", морд. Э керь "кора, дубок", морд. М кяр "то же", мар. кър "дубок", удм. кур "то же", коми кор "кожура, шелуха", хант. kät "кора", венг. kérég "кора, корка, скорлупа" < ф.-уг. *kere) SKES I 183, MSZFUE II 353-354, КЭСЯ 133, ОФУЯ 415.

Относительно мерянских сонорных можно заметить следующее.

1) Мер. l в связи с существованием, очевидно, находившегося с ним в оппозиции l' среднеязычного (палатального) скорее всего было твердым звуком.

2) Как показывают данные лексики немерянского происхождения с

постмерянской территории, для звукотипов л и р имелись глухие соответствия л и к. Как известно, в мокша-мордовском, имеющем так же, как и мерянский, глухие сонанты, кроме к и л, существуют еще к', л' и л [45, с. 326]. Существовали ли подобные звуки в мерянском, на основании имеющихся данных установить нельзя. Однако были они или нет, употреблялись они скорее всего как варианты соответствующих звонких (сонантов).

3) По-видимому, позиционно ограниченным звукотипом (фонемой) был в мерянском р. Если сонорные м, н, л наблюдаются здесь во всех частях слова, в том числе в его начале (ср. р. Москва > Москва) (Моск) Смол 287, Халипов 129-131; н.п. Нушоло (Вл.губ. - Александр) Васмер 418; р. Лочма / Лотьма (Вл.губ. - Переясл)), к тому же для всех подобных примеров обнаруживаются финно-угорские соответствия, что говорит об исконности соответствующих лексем, то не так обстоит дело со словами, которые начинаются на р (рус. р), Параллели к ним или ограничиваются прибалтийско-финскими языками, причем сами предполагаемые мерянские слова не обнаруживают ничего специфического (*гаат(э) "растовая дорога" Востр II 34-35), что может говорить об их заимствованном (из прибалтийско-финских) характере, или же относятся к случаям несомненного заимствования (ср. р. < н.п. Руж(бал) (Ružbal) (Костр.губ. - Кол), давшее возможность реконструировать мер. *гуй "русский" < прибалт.-фин. (ст.) gütsi < др. Русь). Очевидно, мерянский, не теряя в начале слова больше двух согласных, воспринимал звук р как близкий группам из двух и больше согласных. Как отдельный согласный (точнее, часть гемината) здесь, видимо, воспринималась каждая из вибраций р, что делало невозможным (или ограниченным) его положение в начале слова. Этим можно объяснить начало слова со значением "русский" в таких особенно строгих к инициальным скоплениям согласных языках, как венгерский и турецкие, где оно всегда имеет приставной гласный, будто речь идет о слове, начинающемся с двух согласных: венг. orosz "русский", тат. (ст.) урис, чув. вырас "то же" и др.

Все рассмотренные до сих пор согласные мерянского языка относились к твердым. Кроме них, как это обнаружилось при рассмотрении особенностей мерянской фонетики на немерянском (преимущественно славяно-русском) лексическом материале, в мерянском еще имелись палатальные (среднеязычные) согласные. Мерянский материал показывает, что к ним с наибольшим основанием можно причислить звукотипы ж' (с вариантом д'), ч' (с вариантом з'), а также сонанты й, й', н'.

Звукотип ч'/д' обнаруживает свою среднеязычность в том, что у ряда слов появляется (как следствие большой степени палатальности)

параллельная форма, где произошел переход $\xi' > \xi$. Сюда, в частности, относятся следующие слова: at'a (-a) / ač'a (-a) "отец" - н.п. Ате(бал) (Atebal) (Моск. губ. - Дмитр) Vasmer 418, р. Ача (Костр. губ. - Гал) КТЗ, 83 (ср. фин. ati "свекор, тещь", ätti "отец", эст. att, ген. ati "то же", морд. атя "старик", мар. ача "отец", удм. атай "то же", венг. atya "отец; монах", зн. at'a "отец (при обращении)", нган. t'a "то же"? < урал. *at'(t)a "отец; старик") MSzFUE I 100-101; *lot'mā(-a)/*loštā(-a) "ложбина, долина" - р. Дотьма / Дочма (Lot'ma/Ločma) (Вл. губ. - Переясл) Vasmer 401 (ср. фин. lotma, lotmo "то же", морд. Э lošmo "углубление", лашмо "долина", коми лажмыц "отлогий, пологий, покатный" (SKES II 301) < ? ф.-перм. *lat(e)ma "углубление, покато место"). Вариант Д' обнаруживается в предполагаемом мерянском слове *zeD'mā(-a) - рус. (диал.) ведьма "перемет" (Костр - Гал) Востр II 28 (ср. морд. Э ведьме "повод, ремень; завязка, бечевка; конец, обрывок нитки" - дальнейшие связи предполагаемого мерянского и мордовского слов не ясны). Обращает на себя внимание случай, где ξ' , несмотря на соседство сонанта, не переходит в Д'. Очевидно, они могут объясняться тем, что в прошлом вместо простого (одинарного) согласного в них выступал геминат или группа согласных.

Звукотип s'/z' в своих двух вариантах рассматривается как относящийся к палатальным в связи не столько с конкретными свидетельствами слов мерянского происхождения, сколько с требованиями системности: трудно представить себе, что все смягченные согласные мерянского языка относились к палатальным, за исключением данных. Косвенным свидетельством существования палатального s' (с его, по-видимому, шепелявым оттенком) здесь может служить предполагаемый, близкий к финскому, характер любого мер. ξ . Возможно, он сложился в результате влияния мерянского палатального с его шипящим оттенком. Палатальное ξ' в мерянском произносилось как ξ' , а не как ξ , только в начале слова, конце и, очевидно, также, хотя подобные примеры отсутствуют, рядом с соседним глухим в середине слова, напр.:

1) (звукотип e) s'i "этот (-а, -о)" - рус. (арг.) сиень "есть" < мер. *s'i joi "это есть" (ср. фин. se on, эст. see on "то же") (Яр. губ. - Углич) ЯОСК 184 (ТОЛРС XX II 7) (ср. фин. se "этот (-а, -о)", эст. see "то же", морд. Э се "тот", мар. В седе "вот этот", хант. (каз.) си "этот(-а, -о)", нган. sete "он" < урал. *śi/*śe) ОФЯ 399; *joluś "пусть будет" - рус. (диал.) елушь поелушь "приветствие во время еды" < мер. *joluś pa joluś < *jolože pa jolože (**tepän ve,e(-) -ju,e(-) "пусть будет и будет (у тебя еда-питье)" (ср. морд. улезэ "пусть будет", мар. лийже "то же", саам. bottus,

"пусть приходит" содержащие формант $-z-$ со значением показателя 3-го лица повел. (побудит.) наклонения, — Серебр. Ист. морф. морд. яз. 167; корневая часть связана с фин. olla "быть", эст. olema, морд. удемс, мар. улаш, удм. вал "(он) был", коми вӧлі "то же", хант. (каз.) вэл'тн "быть; жить, находиться", манс. олунке "быть; иметься, жить; находиться", венг. volt "был" < *wole — "быть") SKES II 427; MSZPUE III 669, КЭСКИ 67, ОФУЯ 417;

2) (звукотип $-z'-$) *v'eZ'um "семь" — рус. (арг.) сезим "то же" (Костр. губ. — Гал) Вин 49 (ср. фин. seitsemän "семь", эст. seitse, саам. N siejâ, морд. сисем, мар. шым(ыт), (диал.) šišim, Vээш, удм. сизым, коми сизим < ф. — перм. *v'ež'emä, слова какого-то и-е. языка) SKES IV 991, КЭСКИ 255, Серебр. Ист. морф. перм. яз. 221.

Интересно отметить, что реконструируемая мерянская форма *v'eZ'um совпадает с пермскими по озвончению (в данном случае частично) палатального согласного в середине слова, чем противостоит, за исключением саамского, остальным финно-угорским языкам. Очевидно, частичное озвончение в мерянском было вызвано, как и в пермских языках, упрощением интервокальной группы согласных, произошедшим очень рано, в период, когда одинарные согласные в интервокальной позиции могли произноситься слабее. Своеобразие реконструируемой формы является одним из аргументов ее принадлежности к мерянскому языку.

Звукотип z' чрезвычайно характерен для мерянского языка. На основании имевшегося в распоряжении материала мерянского происхождения определить его конкретно (вне априорных предпосылок системности) не удастся. Однако случаи взаимозамены русских й-д в постмерянских местностях указывают на палатальный характер д как причину этой замены (ср. венг. király, фон. kiráj, где j также развился из предшествующего ly, то есть z' палатального). Одним из подобных примеров является рус. (диал.) альда < айда "айда" (Яр — Пош). Гиперкорректное альда вместо айда говорит о возможности противоположной замены д' (z') на й (j), где близость д' к наиболее типичному палатальному звуку, в свою очередь, свидетельствует о палатальности (пост)мер. z' (д'). Примеры звукотипа z' : *lejmā(-a) < *ležimā "корова" — рус. (диал.) лейма "то же" (Костр. губ. — Гад) ОФВС 102 (ср. фин. lehmä "корова", эст. lehm, лив. piēm "то же", морд. Э лишме "лошадь", морд. М лишме "конь (только красивый или игрушечный)") SKES II 284 < ф. (прибалт.-фин., мер., морд.) *leš(e)mā "кобыла (дойная)", где источником слова был, очевидно, древнебулгарский (тюркский) язык: чув. лаша "лошадь"; *il'Domā(-a) "безжизненный" — р. Иль-

домка (Костр. губ.) Семенов 233 < мер. *elā "живой"³³ + суффикс липительности -tom (ə) (ср. фин. elää "жить", вст. elama, саам. Н el-let, морд. эрямс (*eläm(ä)-s), мар. илаш, удм. улыны, коми овны "то же", хант. jel "ключ, источник", манс. jēlwälä- "оживляться", jēlaw "новый", венг. élni "жить", нен. иле(сь), эн. jire-do, нган. dīle-tm, сельк. elak "то же", кам. vililēn "снова оживить", dīli "живой" < урал. *elā "жить"; фин. voima-tom "бессильный", саам. Н balme-tebme "слепой (безглазый)", морд. Э үзер-теме "без топора", мар. вий-дыме "бессильный", удм. син-тэм "слепой (безглазый)", коми син-том < ф.-перм. *ttoma "формант липительности" < ф.-уг. *-tt- "то же") SKES I 37-38, MSZFUE I 145-146, ОФУЯ 405 /36, с. 358/.

Звукотип n' отражает свою палатальность в словах мерянского происхождения с переходом этого звука в j, что является несомненным доказательством его среднеязычности, напр.: мер. *jelwə(-a) "язык" - рус. (арг.) елманский "древний галицкий язык" (Костр. губ. - Гал) Вин 45, где j-, как и в мар. йдыме, появился из n' (ср. саам. Н njal'bme "рот", хант. ндым "язык (анат.)", манс. ндым "то же", венг. nyelv "язык (анат., лингв.)" < ф.-уг. (вост.) *n'äl-ä). Следовательно, мер. n' - типичный палатальный звук. Одним из наиболее надежных является пример *nəro(nə) "болото" - рус. (арг.) берон < N'eron(jährə) "Болотное (букв. - болота) (озеро)" (Костр. губ. - Гал) Вин 48 (ср. фин. ного "болотистая лошина", саам. (сев.) njoaä "выйти из воды (о водоплавающих гнидах)", мар. nörö "сырой", удм. нур "болото, влага, сырость", коми нур "болото", хант. нбг. "муть (в воде)", манс. нур "болото", венг. nyirok "сырость", сельк. нору "болото" < урал. *nəra-/nəbra "болото, топь; влажный") ОСНЯ I, XXII, П 89.

Среди мерянских палатальных согласных, установленных с помощью анализа фонетики немерянских слов, удалось обнаружить пример, свидетельствующий о возможности палатального r', ср.: ёбро < *рёбро "ребро", ёбро < *рёбро "то же" (Яр. губ. - Мол, Рост) КЮС 63. Очевидно, случаи подобного перехода, - возможно, частично обусловленные тем, что мерянский избегал начального r; - должны были существовать и в самих мерянских словах. Однако в доступном исследованию материале их не удалось обнаружить. Нужно полагать, что в фонетической системе мерянского языка r' палатальное относилось к явлениям спорадичным, периферийным.

³³ Мер. *elā реконструируется на основе формы, зафиксированной в одной из ревизских сказок 50-х годов XIX в., хранящейся в Кологривском краеведческом музее: л. Элино < мер. *el'ən palo "Эли (букв. - живого, Бойкого) деревня".

Последним из рассматриваемых палатальных согласных и в то же время наиболее типичным и распространенным из них был звук j. Как показывает этимологическое исследование мерянских слов (ср., например, мер.*jelmǝ "язык" из предшествующего *n'elma "то же"), иногда j мог появляться секундарно, развиваясь из других среднеязычных, в частности ɹ: Звук j — один из наиболее распространенных звукотипов мерянского, поэтому его можно обнаружить в разных позициях — в начале, середине и конце слова. В ряде случаев сочетания j с предшествующим гласным давали что-то напоминающее дифтонги. Однако подобных примеров удалось обнаружить немного, кроме того, нет полной уверенности в том, что часть из них не заимствовалась в мерянский из какого-нибудь прибалтийско-финского языка, прежде всего вепсского. Окончательно установить их дифтонгичность в связи с определенной фонематической значимостью может только накопление в большем количестве несомненно мерянского материала. Данные, которыми в настоящее время располагает исследователь мерянского языка, не позволяют решить данный вопрос. Примеры звуко-типа j : *juk < *joGǝ "река" — р. Юг (Jug) (Костр. губ. — Макары; Яр. губ. — Пош; Вл. губ. — Горох) Vasmer 377-378, 391, 394 (ср. фин. joki, эст. jõgi, лив. jo'g, jo'u'g, саам. N jokka, морд. M Jov "название р. Мокша", мар. Югор "течение, поток" (? — допускается возможность связи с чув. jox- "течь"), удм. п (ю-шур: шур "река"), коми р "река", хант. рхан "речка" (?), манс. Я "река" (?), венг. (ст.) jб, нен. яха, зн. joha, сельк. ke "то же", кам. тага "река, речка; ручей" < урал. *jokǝ) SKES I 118, MSZFUE II 339-340, КЭСЯ 334, ОФЯ 403; *pujka < *puj < *poja + -ka "мальчик, подросток" — рус. (диал.) пуйка "то же" (Яр) ЯОСК (ср. фин. poika "сын; мальчик; юноша", эст. poeg "сын", мар. Г пү (только в сложных словах: пүэргн "мужчина" ?), морд. Э bujo, pijo "внук" (?), удм. пи "мальчик, парень", коми пи "сын; мальчик", хант. (каз.) пух (пүх) "парень, мальчик; сын", манс. пуг (пүг) "сын; парень; юноша", венг. fiu (fi) "сын, мальчик; ребенок; детеныш всякого животного" < ф.-уг. *poika (своеобразный корневой вокализм (пост)мерянского слова, видимо, свидетельствует о существовании в прошлом формы puǝ, ср. морд. Э bujo)) SKES III 590-591, MSZFUE I 206-207, КЭСЯ 221, ОФЯ 413; *j (как формант звательной формы (поздн.) *mamaǝ "мама!", возможно, также *kokoǝ! "дядя; крестный отец" — рус. (диал.) мамай! (зват.) мама" (Яр — Первом) ЯОСК (ср. морд. Э авай (от ава "мать") "мама" (в обращении), морд. М тядай (от тядя "мать"), мар. авай "то же", где тот же формант объясняется, в частности для мордовских языков, влиянием тюркских, ср. тат. babaj! "дедушка" (в обращении, от ba-

ва - Серебр. Ист. морф. морд. яз. 31), однако для мерянского подобное объяснение менее убедительно).

На материале слов и форм предполагаемого мерянского происхождения был установлен состав звукотипов мерянского консонантизма, куда входят следующие согласные: p, B, t, D, k, G, β, u(?), δ (диал.?), ʃ (диал.?), h, ʒ, s, z, š, ž, š', c, m, n, l, l', l', d', d', s', z', l', l', j. Кроме того, на основании изучения слов немерянского (славяно-русского)

происхождения для мерянского были установлены как возможные также глухие сонанты ʔ, R и палатальное ʃ'. Учитывая позиционную обусловленность части звуков, представляющих собой, очевидно, варианты фонематически значимых звукотипов, можно предположить в

Т а б л и ц а 1. Гласные мерянского языка

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
высокий	<u>i</u> ü?		<u>u</u>
средний	<u>e</u> ö? [ə]		<u>o</u> [ə]
низкий	<u>ä</u>	<u>a</u>	

П р и м е ч а н и е. Подчеркнутые знаки здесь и в табл. 2 обозначают фонемы (иногда их варианты).

Т а б л и ц а 2. Согласные мерянского языка

Участие голоса и шума	Способ образования	Место образования				
		губные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	ларингальные
	взрывные	<u>p/B</u>	<u>t/D</u>	<u>t' / D'</u>	<u>k / G</u>	
шумные	фрикативные	<u>β / (u)</u>	<u>s / z, š / ž</u>	<u>ʃ, š' / z'</u>	<u>ʒ?</u>	<u>h</u>
	аффрикаты		<u>c</u> <u>č</u>			
	носовые	<u>m</u>	<u>n</u>	<u>ɲ</u>	<u>ŋ</u>	
сонорные	боковые		<u>l / L</u>	<u>l'</u>		
	дрожание		<u>r / R</u>	<u>r'?</u>		

качестве фонем (частично - их вариантов) следующие согласные звуки: p/B, t/D, k/G, β / (?u), h, s/z, š/ž, š', c, m, n, l/L, r/R, t' / D', s' / z', ʃ, n', j. Согласные δ, ʒ, ʒ, ʃ' точно не определены в отношении их фонематичности. Таким образом, для мерянского можно предположить 32 звукотипа согласных. На основании анализа их употребления следует говорить, видимо, о существовании 18 согласных фонем. Четыре согласные (δ, ʒ, ʒ, ʃ'), находящиеся на периферии системы, возможно, частично диалектные (ʒ, δ, ʃ'), не могут быть пока определены с точки зрения их фонематичности (нефонематичности). Рассмотрение глас-

ных и согласных мерянского языка позволяет представить их в виде двух таблиц (табл. I, 2).

ВЫВОДЫ

Фонетика мерянского языка характеризуется особенностями, унаследованными от финно-угорского (и частично уральского) праязыка, и чертами, выработанными ею вместе с близкими генетически и ареально родственными языками или представляющими собой сугубо мерянские новообразования.

Чертами, восходящими, очевидно, еще к праязыковому периоду, являются у мерянского инциальное ударение, отсутствие фонологического противопоставления по глухости-звонкости и закономерности структуры (абсолютного) начала слова, при которых в нем допускается только гласный или не больше одного согласного, причем из согласных допустимы только шумные глухие и соканты. Видимо, из-за приравнивания к геминатам ограниченно допустим в начале слова также звук ɣ. К чертам, восходящим к праязыковому периоду, следует отнести в мерянском, вероятно, и наличие палатальных согласных, преимущественно противопоставленных парным с ними непалатальным (t'/D' - t/D , s'/Z' - s/Z , $l'-l$, $n'-n$, возможно, отчасти также $r'-r$). Эта особенность сближает мерянский с финно-угорскими языками, связанными с восточной частью прародины, в частности венгерским, и отдаляет от прибалтийско-финских.

В мерянском языке не сохранились от праязыкового периода и не получили развития геминаты, вследствие чего не возникло противопоставление кратких и долгих согласных. Видимо, в нем отсутствовали также долгие гласные. В словах предполагаемого мерянского происхождения крайне редко встречаются дифтонгические сочетания гласных и палатального j. Это говорит о том, что здесь не получили развития дифтонги как регулярное и распространенное фонетическое явление. Тем самым мерянский язык отличается от современных финно-угорских языков западного ареала - прибалтийско-финских (с их системой противопоставления кратких и долгих гласных и согласных, а также большим количеством дифтонгов) и венгерского (с противопоставлением кратких и долгих гласных и согласных).

На чисто фонетической основе в мерянском языке возникало в некоторых случаях явление, напоминающее три ступени согласных (ср. *juk "река", *kädə "кукушка", *jährə(-e) < *jäγe "озеро") в прибалтийско-финских языках, то есть $k-g-h < γ$, в какой-то степени также p-B-β: *peZə "гнездо", -valo "деревня" (в сложных словах типа *(Ki)

Valo), *andorǝ(-a) "кормящий"; очевидно, диалектно еще t-D-ǝ: *tol-Gǝ "перо", *andorǝ(-a) "кормящий", *ilǝoma "безжизненный". В том, что оно не получило развития, очевидно, не последнюю роль сыграло отсутствие противопоставления по краткости-долготе гласных и согласных, на фоне которого элементы трехступенчатости в произносительной силе согласных не смогли приобрести морфологической значимости и стать системой чередований.

С фонетикой мордовских и марийского языков в целом мерянскую фонетику связывает богатство консонантизма - наличие š и ʃ, аффрикат s и ʃ. Однако в отличие от мордовских здесь не получили развития звонкие, в противоположность марийскому - не стали повсеместным явлением фрикативные β, ð, ʒ. Возникавшие как ступень ослабления глухих взрывных p, t, k. Все эти согласные, видимо, развились только в самой восточной части мерянской языковой территории, в наибольшей близости к марийскому языку.

Общей чертой фонетики мерянского, мокша-мордовского и отчасти хантыйского языков (казымский и сургутский диалекты) является наличие глухих сонорных, однако в мерянском они, видимо, остались на положении фонетических вариантов соответствующих звонких фонем l и ɾ, не став самостоятельными фонемами.

Есть основания говорить о сильном, инициальном, как свидетельствует топонимика бывших мерянских областей, удареии в мерянском языке. Видимо, им были обусловлены выпадение гласных и наличие особых редуцированных гласных переднего и заднего ряда ə и ɜ, характерных для заударных, в частности конечных, слогов. Наличием редуцированных мерянский язык напоминает мокша-мордовский (и, по-видимому, древнемордовский в целом), марийский и обско-угорские языки, а из прибалтийско-финских - ливский, наиболее архаичный из них и хранящий черты, связывающие его с волжско-финскими языками, утраченные другими языками той же группы.

Очевидно, в мерянском существовали лабиализованные гласные переднего ряда ö и ü, имеющиеся также в прибалтийско-финских, марийском и венгерском языках. Ввиду недостаточности имеющихся о них сведений трудно сказать, насколько они были для него характерны и как широко распространены, поэтому решать вопрос об их фонематичности пока несвоевременно.

Вместе с марийским языком мерянский развил (из ослабленного p) и сохранил в составе своего консонантизма фонему β, очевидно, вытеснившую более древнее, праязыковое по происхождению ɸ. Но в отличие от марийского в нем скорее всего только диалектно существовали

фрикативные *ʃ* и *ʒ*, связанные как ослабленные варианты с глухими взрывными *t* и *k*.

Полузвонкими *ʃ*, *ʒ*, *ʒ* мерянский язык напоминает прибалтийско-финские языки, в частности эстонский. Однако из-за того, что в мерянском в отличие от эстонского полувзвонкие варианты глухих взрывных не приобрели морфологической значимости в качестве элемента чередования ступеней согласных, они не стали фонемами, оставшись на стадии одного из вариантов фонемы.

Как и многие современные финно-угорские языки, в частности прибалтийско-финские, мокша-мордовский и горно-марийский, мерянский сохранял унаследованные от праязыкового периода фонемы *e* и *ä*.

Очевидно, мерянский не развил (или не сохранил) сингармонизма. Здесь можно обнаружить только черты явления, по-видимому, приведшего впоследствии к его развитию в ряде финно-угорских языков, в частности, установление гармонии между гласными первых двух слогов, где они часто выравнивались не по началу, а по концу слова, по типу германского умлаута, ср.: рус. (постмер.) *бѣзлѣ* < *βezli "возле", возможно, также *jähre (< *jäkere) "озеро".

Только мерянской фонетической особенностью, не встречающейся в других финно-угорских языках, является переход гласных в новых закрытых слогах на ступень выше - из более нижнего подъема в гласные более высокого подъема: *palō > *pol "деревня"; *orēmā (< *oraβa) > *urta "белка"; *βäni > **βen'* "вилы" (ед.ч.) при *βänäk "вилы (мн.ч.)"; **eləDämā(-omā)* > **il'Dämā(-omā)* "безжизненный".

Для мерянского с наибольшей несомненностью устанавливается существование 24 фонем (гласных и согласных). Исходя из того, что в финно-угорских языках насчитывается, как правило, свыше 30 фонем, это количество следует признать недостаточным. Возможно, часть тех звукотипов, которые при настоящем состоянии их изученности не смогли быть с определенностью отнесены к фонемам, впоследствии будут ими признаны. Поскольку в этом исследовании (при общей слабой изученности мерянского языка) одной из главных целей было достижение максимальной достоверности реконструированных фактов, задача определения полного состава фонем как нереальная на данном этапе не могла ставиться. Решить ее можно только при гораздо большем количестве собранных и реконструированных, прежде всего лексических, меряноских фактов.

В целом фонетическая система мерянского языка наиболее близка к фонетике родственных языков того же (волжского) ареала. Однако некоторые отдельные черты до известной степени приближают ее к фонетике прибалтийско-финских языков. Не исключено, что это связано

с особой территориальной близостью мерянского языка к прибалтийско-финским, с одним из которых, венским, он мог непосредственно контактировать. Обращает на себя внимание также ярко выраженная палатальность соответствующих мерянских фонем, характерная для угорских языков, в частности венгерского. Возможно, это явление связано своим развитием их древним связям с (прото)мерянским языком, что могло быть только на территории финно-угорской прародинны, до расселения мерянского и угорских народов на места позднейшего (исторического) обитания.

Следовательно, отличаясь своеобразием, мерянская фонетика в то же время предстает как связующее звено между мордовскими и марийским языками, с одной стороны, и прибалтийско-финскими — с другой, хотя в целом у нее больше связей с волжско-финскими, чем с прибалтийско-финскими языками. Следы более древних контактов с угорскими языками, которые мерянский как один из финно-пермских языков мог иметь в древности, обнаруживаются в нем значительно слабее и не столь несомненны.

Ввиду отсутствия сколько-нибудь заметных связей мерянской фонетики с пермской с этой точки зрения мерянский язык следует характеризовать как один из ярко выраженных финских языков, в число которых входят также прибалтийско-финские, мордовские и марийский. Возможно, в связи с этим есть известные основания предположить, что мерянский в наибольшей степени мог отразить в своей фонетике то состояние, которое имел прибалтийско-финский праязык до переселения племен, его носителей, на их современные прибалтийские земли.

Ввиду отрывочности имеющихся сведений о мерянском языке представление о его грамматической системе может быть пока только фрагментарным. Перед исследователем предстают как бы отдельные обломки, случайно сохранившиеся от когда-то существовавшего единого целого — мерянской грамматики. Эти фрагменты, восстанавливаемые наиболее эффективно при их системной реконструкции, извлекаются из русского языка в виде субстратных, материальных и семантических включений. В обоих случаях с помощью финно-угорских сравнительно-исторических данных на основе этих субстратных пережитков мерянского языка можно реконструировать — с большей или меньшей степенью вероятности — ту или иную часть его грамматической системы. Однако степень вероятности правильной формальной, а не только функциональной интерпретации реконструируемых мерянских грамматических фактов несравненно выше при использовании материальных включений мерянского языка, чем при истолковании его предполагаемых грамматических калек в русском, где можно отчетливо представить лишь внутреннюю форму соответствующих грамматических явлений. Тем не менее даже случаи, когда при отсутствии конкретных сравнительно-исторических данных восстанавливаемая клетка парадигматической таблицы остается пустой, важны для реконструкции языка, поскольку они дают возможность с большей полнотой представить его как систему, делают более целеустремленными дальнейшие поиски.

МОРФОЛОГИЯ

Имена

Существительное

В связи с полным отсутствием сведений о словоизменении других именных частей речи и тем, что особенности мерянского склонения реконструируются исключительно на основе сведений о существительном, целесообразно говорить не о субстантивном, а об именном склонении. Науке пока не известно, склонялось ли в мерянском языке прилагатель-

ное (подобно прибалтийско-финскому) или, как в других финно-угорских языках (при отсутствии его субстантивации), являлось несклоняемым.

Фрагменты системы мерянского именного склонения

Как мертвый язык, лишенный письменных текстов (во всяком случае, известных современной науке), мерянский дает весьма ограниченную возможность воссоздать систему своего именного склонения. Не говоря уже о том, что это полностью исключено для притяжательной парадигмы (судя по данным родственных языков, имеющейся в нем) затруднена даже реконструкция основного склонения — установление количества, состава, форм и функций падежей. Причинами являются крайняя скудность доступных языковых фактов и сложность их точной интерпретации, поскольку они представляют собой обособленные примеры предполагаемых застывших мерянских форм, оторванных от мерянского контекста и выступающих ныне в русском языке, с грамматикой которого не связаны. Все это, делая вынужденно фрагментарной реконструкцию системы мерянского склонения, придает большую или меньшую степень условности полученным с ее помощью результатам. Источниками восстановления парадигмы мерянского основного склонения служат: 1) материальные факты русского языка, возводимые к мерянскому и сравнимые с соответствиями в других финно-угорских языках (случай наиболее достоверный); 2) семантические особенности русского субстантивного (2-го) склонения, позволяющие толковать их как кальки мерянских падежей, функцию и форму которых можно предположить, опираясь на сравнительно-исторические данные (случай менее надежный).

К числу падежей мерянского основного склонения, реконструируемых с помощью их материальных остатков в русском языке, относятся номинатив, генитив, иллатив, вокатив (звательная форма части существительных) в единственном числе и номинатив множественного числа.

Номинатив единственного числа отражен подавляющим большинством слов и названий предполагаемого мерянского происхождения: урма "белка" (Костр. губ. — Кол) ООБС 240 — фин. *orava*, саам. *oavge*, морд., мар., коми ур "то же"; лейма "корова" (Костр. губ. — Гал) ООБС 102 — фин. *lehmä* "то же", морд. Э лишме "лошадь"; соръез "хариус *Thymallus*" (Костр. — Кол, Меж, Чул) Востр 46 — фин. *harjus* "то же"; ата "отец; старик" (Ате(бал) (Костр. губ. — Кол) *Vasmer 417*) — мар. ача "отец; свекор", мар. Г Атя "отец", морд. Э ати "старик; муж", венг. *atya* "отец"; *реЗа "гнездо" (Пезо(бал) (Костр. губ. — Кол) *Vasmer 417*) — фин. *pevä*, эст. *peva*, фон. *peža*, морд. М пиза, мар. пъжаш, венг. *fészek* "то же"; *рало "деревня, село" (н.п. (Ки)бало

(1578 г.) (Вл. губ. - Сузд, Vasmer 417), н.п. (Нур)поло (Вл. губ. - Ал, Vasmer 418) - венг. falu (< *palu, манс. павыл, хант. (вах., бас.) puʒəl "то же").

Генитив, как и другие косвенные падежи единственного и номинатив множественного числа, засвидетельствован в единичных примерах, застывшая форма которых, воспринимаясь и употребляясь в русском языке как им.п.ед.ч., может быть реконструирована в своей исходной мерянской функции только с помощью сравнительно-исторических данных: *Jähren (juk) "озера (=озерная) (река)" (р. Яхрен, левый приток Клязьмы, - Вл, Смол 208), *jähren - ген. ед.ч. от *jähre "озеро" + *juk (> р. Юг, левый приток Оки, - Вл, Смол 196) (ср. фин. joki "река", эст. jõgi "то же") - фин. järven, ген. ед.ч. от järvi "озеро", компонент ряда сложных слов - järvenranta "берег озера", järvenpinta "гладь озера", järvenselkä "плес (на озере)"¹, морд.Э эркенъ < *ērken, ген. ед.ч. от эрке "озеро", мар. ернн, ген. ед.ч. от ер "озеро", мар.Г йарнн от йар "озеро"; *Neron (jähre) "болота (=болотное) (озеро)" (> рус. (арг.) Нерон "Галичское озеро (имеющее болотистые берега)" Вин 20), ген. ед.ч. от *nēro "болото" - манс. п̄ēr, п̄er, п̄ar, хант. п̄огэм, (сургут.) п̄игэм, коми, удм. п̄ur "то же", мар. п̄ur "поле", нен., сельк. п̄ar "болото".

Иллатив: *tuljas "в огонь", *Duljas "то же" (вариант с позиционным озвончением начального глухого согласного после гласного или сонанта) > рус. (арг.) дуляяс "огонь" (Костр.губ. - Гал) Вин 45 - форма илл. ед.ч. от мер. *tulə, /*Dulə² "огонь" > рус. (арг.) дулин "огонь" (Костр.губ. - Гал) Вин 45. Устанавливается на основе сравнения с соответствиями древней прибалтийско-волжско-финской иллативной формы с окончанием -я, сохранными лучше всего мордовскими языками и отраженными в части образованной финского и марийского языков: морд. толс "в огонь" (тол "огонь"), морд.Э кудос "в дом" (кудо "дом"); фин. ulōs "наверх", alas "вниз" (ala "пространство; место; площадь" < "низ", морд.М ала "нижний; низко, внизу"); мар. куш < *kuis "куда", чодраш < *čodras "в лес" (чодра "лес")³ /2, с. 294, 300; 9, с. 49/.

¹ Мерянский язык, как и финский, в качестве первого компонента сложного слова мог, видимо, кроме генитива, использовать номинатив единственного числа, ср.: Яхробол < *Jähre + bol (Яр.губ. - Дан, Vasmer 416) "Озерная деревня (букв. - озеро + деревня)" - фин. järvikala "озерная рыба (букв. - озеро + рыба)".

² Ср. близкий по характеру изменения основы тип склонения эст. kiri "письмо" - kirja "письма" (ген. ед.ч.).

³ Сближение мер. -я с эст. -я как показателем инессива (ср. эст. kirjas "в письме") маловероятно, поскольку этот формант является относительно поздним новообразованием эстонского языка, возникшим из первоначального *-vaa < *-sna /81, с. 377.

Вокатив (или вокативная форма) в мерянском, видимо, как и в мордовских и марийских языках, употреблялся в единственном числе по отношению к существительным, обозначающим людей (как правило, родственников): мер. (поздн.) *ma:aj "мама (в вокат.)" > рус. (диал.) мама! (зват. от мама, очевидно, свойственного также части (поздне)мерянских говоров, Яр - Первом, ЯОСК), возможно, также мер. *ko:koj! "дядя! (вокат. от *ko:ko)" > рус. (диал.) кóкой "им.п.ед.ч.) дядя; крестный отец", Яр - БС, Первом, ср. рус. (диал. яросл., костр.) кока "старшая сестра; тетя; крестная мать" при мар. кока (зват. - кокай) "тетя". Предполагаемому мерянскому вокативу с формантом -j соответствуют по форме и по функции аналогичные факты мордовских и марийского языков: морд.Э лелай (форма обращения от деда "старший брат"), морд.М тялай (форма обращения от тяди "мать"), мар. авай (форма обращения от ава "мать; свекровь").

Номинатив множественного числа: мер. *ra:nek "вилы (с двумя зубьями)" (мн.ч.), *ra:n "то же" (ед.ч.) < и-е. (субстр.) *dwāni "(вилы)-двойни" > рус. (диал.) бяньки (Яр - Любим) ЯОСК, бянки (Яр - Любим) ЯОСК, вянки (Костр - Гал, Парф) ЯОСК - бени (Яр - Дан) ЯОСК. Возможно, показатель номинатива множественного числа отражают и мер. *ki:so:k/*ki:ko:k - слово невыясненного происхождения (> рус. (диал.) кипóк/кичóк "два столбика, на которых укрепляется голбец (подвал, подполье) в избах" (Яр - Дан, Мол) КЯОС 87, ЯОСК - слово, обозначающее множественное число, но в русском языке воспринимающееся как существительное единственного числа), а также *ra:nok "курганы", *ra:po "курган" (> рус. (костр.) пан-к-и, пан-н "курганы (судя по археологическим раскопкам, с захоронениями мери)" [10, с.232-234], ср. фин. raipa "положить", raipo "вклад", вепс. randa "положить", ma:ra:pa:ne:n "похороны (букв. - в землю положение)", морд.Э пандо гора") [85, с. 116-117]. Как показатель множественного числа -k (в отличие от рассмотренных выше падежных окончаний) сближает мерянский не с прибалтийско- и волжско-финскими языками, а с венгерским, ср.: венг. villa "вилы (ед.ч.); вилка" - villák "вилы (мн.ч.); вилки", ember "человек" - emberek "люди", ablak "окно" - ablakok "окна", mez "поле" - mezök "поля"; фин. hanko "вилы" (ед.ч.) hangot "вилы" (мн.ч.), talo "дом" - talot "дома"; морд.Э сянто "вилы" (ед.ч.) - сянт "вилы" (мн.ч.), морд.М пянга "вилы" (ед.ч.) - пянт "вилы" (мн.ч.), морд. пакся "поле" - паксят "поля".

Рассмотрение в сопоставительно-историческом плане черт 2-го склонения существительного в русском литературном языке, типологически близких финно-угорским, с семантикой, не свойственной другим славянским языкам, позволяет предположить, что, кроме упомянутых на-

дежей, в мерянском были также партитив, инессив, элатив, адессив, аллатив и аблатив единственного числа, то есть в целом II падежей⁴.

Русскому языку свойственно во 2-м склонении существительных мужского рода с вещественным значением в родительном падеже единственного числа различать генитивный вариант на -а (-я) и партитивный на -у (-ю), что соответствует прибалтийско-финскому генитиву и партитиву, ср.: рус. цена сахара, чая, вкус супа, сыра, творога - достать (сколько-нибудь) сахару, чаю, супу, сыру, творогу; фин. sokerin, teen hinta, keitto, juuston, uunipiimän maku - sokeria, teetä, keittoa, juustoa, uunipiimää (jonkin verran) saada /92, с. 86/. Ввиду того, что возникновение партитивного варианта, чуждого другим славянским языкам, наиболее естественно объяснить субстратным воздействием мерянского, следует допустить наличие в нем наряду с генитивом партитива.

В том же склонении русского языка целый ряд существительных мужского рода в предложном падеже единственного числа обнаруживает два варианта - инессивный на -у (-ю) и адессивный на -е, что соответствует прибалтийско-финскому инессиву и адессиву, ср.: рус. В этом лесу нет ничего интересного (то есть животных, растений и т.д. внутри леса) - В этом лесу (≈ У этого леса) нет ничего интересного (взгляд на лес со стороны, в целом); В саду есть беседка - В этом саду (≈ У этого сада) есть что-то очаровательное; эст. Selles metsas ei ole midagi huvitavat - Selles metsal ei ole midagi huvitavat; Selles aias on lehtla - Selles aial on miski huvitav /92, с. 87/. Исходя из отсутствия подобных - инессивного и адессивного - вариантов в предложном падеже единственного числа у других славянских языков, их появление в русском скорее всего можно объяснить мерянским влиянием, что косвенно свидетельствует о возмож-

⁴ Типологическая близость русской падежной системы с финно-угорской, несмотря на существование тех же падежей в прибалтийско-финских языках, не может быть связана с их влиянием, так как говоры, которые легли в основу русского литературного языка, не имели контактов с прибалтийско-финской группой. Еще менее вероятно видеть в этой близости результат воздействия мордовских или марийского языков, поскольку их падежная система ко времени контактов с восточными славянами отличалась от предполагаемой мерянской (и прибалтийско-финской). Ввиду того, что Центральная Россия, где сложился русский литературный язык, была местом бывшего распространения мери, наиболее логично видеть в данной близости последствие именно мерянского субстратного влияния, близость же состава мерянской и прибалтийско-финской именной парадигм объясняется близостью соответствующих языков. Подтверждением этого служит и тот факт, что единственным финно-угорским этносом, на который, кроме прибалтийских финнов, славяне распространяли названия чудь, чудский (-ий), была меря (ср., напр. Чудской, то есть мер(ян)ский, конец - название одной из частей Ростова) /44, с. 99/.

ности существования в нем соответствующих надежд единственного числа.

В финно-угорских языках, в частности прибалтийско-финских, к которым, видимо, был близок мерянский, обычно имеются внутренне- и внешнеместные падежи, выражающие каждое из трех значений — "где?", "куда?", "откуда?". Поэтому вывод о существовании двух мерянских внутрeннеместных падежей — иллатива и инессива — неизбежно вызывает мысль о наличии также элатива, а предполагаемый с помощью типологических данных адессив дает основание допускать также существование еще двух внешнеместных падежей — аллатива и аблатива.

Исходя из сравнения окончаний праприбалтийско-финской и прамордовской именных парадигм, к которым, очевидно, была наиболее близка мерянская, флексию последней в ее формальном выражении следует скорее всего реконструировать следующим образом (табл. I).

Т а б л и ц а I. Парадигма реконструируемых падежей мерянского существительного в сравнении с их прибалтийско-финскими и прамордовскими соответствиями

Падеж	Язык		
	праприбалтийско-финский	прамордовский	мерянский
генитив	*-n	*-n	*-n
партитив	* ta		***-ta/**-Da
инессив	*-sna > -ssa	*-sna > *-ssa > -sa	** -sna(? > ** -ssa) / (>)** -sa
иллатив	*-s > (*-s + eñ) *-sen > -een	*-s	*-s
элатив	*-sta	*-sta	** -sta
адессив	*-lna > -lla	*-na (морд. Э kizna "летом") (*-lna > *-lla) -la морд. М itala "сзади")	** -lna(? > ** -lla) / (>)** -la
аллатив	*-l > (*-l + eñ) *-len > -lle	ǰ (? < *-je < *-n-ke)	***-l
аблатив	*-lta	*-ta	(** -lta >) ***-lDa

П р и м е ч а н и е. Фонетические варианты, связанные с сингармонизмом, для краткости изложения не учитываются.

Используя результаты реконструкции в виде фрагментов парадигмы мер. *palo "деревня, село" и отчасти *ata "отец" в сравнении преимущественно с фин. kylä "деревня, село", морд.М веле, частично венг. falu "то же", можно получить таблицу (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Склонение существительного мерянского языка в сопоставлении с финским, мордовским-мокша и венгерским

Число	Падеж	Язык			
		мерянский	финский	мордовский-мокша	венгерский
един- ствен- ное	НОМИ-	*palo	kylä	<u>веле</u>	falu
	НАТИВ				
	ГЕНИ-	**palon	kylän	<u>велень</u> (< - ^ж н)	
	ТИВ				
	ПАР-	**paloda	kylää < -*jä	-	
	ТИТЯВ				
	ИНЕС-	**palosna(>)	kylässä	Местн. <u>велеса</u>	
	СИВ	**palosa			
	ИЛЛА-	*palos	kylään	Напр.-внос.	
	ТИВ		(*-zeñ)	<u>велес, веди</u>	
	ТИВ			(Э <u>велев</u>)	
	ЭЛА-	*palosta	kylästä	<u>велеста</u>	
	ТИВ				
	АДЕС-	*palolna(>)	kylällä	-	
СИВ	**palola				
АЛЛА-	**palol	kylälle <	-		
ТИВ		<*-leñ			
АБЛА-	**palolda	kylältä	<u>велета</u>		
ТИВ					
ВОКА-	*ataj "отец"		<u>атай</u>		
ТИВ	(отче)"		"дец!"		
мно- жест- вен- ное	НОМИ-	*palok	kylät	<u>велет</u>	faluk
	НАТИВ				

П р и м е ч а н и е. Форма окончаний дается без учета возможной, особенно в позднем мерянском, редукции *palä < *palo, *palän < *palon и т.п.

Из фактов, отраженных в таблицах, вытекает, что падежам единственного числа мерянская именная парадигма в реконструируемой части наиболее близка к прибалтийско-финской и мордовской, особенно в

ее прамордовском состоянии, занимая как бы промежуточное положение между ними. Единственным исключением является номинатив множественного числа, наиболее близкий по форме к венгерскому. Ввиду того, что в исторический период мерянский язык располагался между прибалтийско- и волжско-финскими языками, был с ними связан также лингвистически, а с венгерским языком непосредственно не соприкасался, наиболее оправданно считать, что эта черта сходства с венгерским может быть лишь следствием длительных и тесных контактов и приобретена еще до переселения протомерян с финно-угорской прародины. Здесь, входя в группу прафинских диалектов, протомерянский, очевидно, располагался в наиболее восточной части их территории, что позволяло ему непосредственно контактировать с протовенгерским как наиболее западным идиомом праугорского и привело к их частичному сближению.

Другие именные части речи

Поскольку о словоизменении других именных частей речи в мерянском пока ничего не известно, следует ограничиться только приведением тех слов, которые, по-видимому, могли к ним относиться. Среди субстратных пережитков мерянского языка в русском по сравнению с абсолютно преобладающими существительными и довольно спорадичными, но все же относительно частыми глаголами обнаруживаются лишь единичные примеры слов, которые можно с большей или меньшей степенью уверенности отнести к прилагательным, числительным или местоимениям. Все эти постмерянские остаточные лексемы, обнаруживаемые в русском областном словаре, не лежат на поверхности, а нередко славизированы путем вторичного этимологического сближения с формально близкими словами славянского происхождения. Поэтому здесь каждая из соответствующих лексем требует, как правило, предварительного доказательства, ее этимологизирования и идентификации в качестве исходно мерянской.

Прилагательное

К числу немногих прилагательных, по-видимому, мерянского происхождения следует отнести слово *raβgā "сильный, здоровый (в частности, о человеке)", реконструируемое формально и семантически на основе русского диалектного (очевидно, постмерянского) *неве́дра* "человек слабый, болезненный" (Костр. - Антр, Яр - Гавр.-Ям) КЮС в сопоставлении с морд. *Э ва́дра* "хороший, красивый; добрый; качественный" (*ва́дра ломань* "добрый человек"; *ва́драдо ва́дра* "очень хороший (букв. - от хорошего хороший)"; *ва́драсто ва́дра* "лучший из лучших (букв. - из хорошего хороший)"; *ва́дра мель* "доброе пожелание"),

морд. М вадря (вадряв) "гладкий, приглаженный (о ворсе, шерсти, волосах)". В значении "человек слабый, болезненный" слово могло представлять собой полукальку первоначального мер. *e řādgrā " (букв.) несильный, нездоровый", откуда дальнейшее "слабый, болезненный". Позднее, оторвавшись от первоначальной мерянской языковой почвы, слово стало восприниматься как существительное и субстантивировалось в связи с тем, что по форме, которая не изменилась, оно отличалось от русско-славянских прилагательных и на фоне языковой системы русского языка должно было восприниматься как существительное. Появление формы ведря вместо вадря может объясняться как фонетически (неточность передачи в русском языке мер. ř, занимавшего промежуточное положение между рус. -e- и -'a-, орф. -я-), так и семантически (вторичным сближением постмер. *вадря < мер. *řādgrā с русско-славянскими словами вёдро "летняя ясная, сухая погода", ведренный "сухой, ясный (о погоде)", что дает возможность осмыслить неясное на фоне лексики славянского происхождения слово неведря как "слякотный (перен. - болезненный)". В пользу мерянского происхождения слова говорят ареал его распространения, явно постмерянский, и слабое вероятие проникновения сюда морд. вадря, которое по всем признакам (и формально, и семантически) скорее всего отличалось от исходных особенностей предполагаемого мерянского слова.

Исходное мер. *il'Doma/-Dāmā "необитаемый (безжизненный)", образованное, очевидно, с помощью суффикса -Doma/-Dāmā, обозначающего отсутствие какого-либо предмета, свойства, признака, связанного с основой (корнем), в данном случае - eIā "жизнь" (ср. д. Элино⁵, Костр. губ. - Кол. 1858 г.), реконструируется на основе названий - р. Ильдомка (уменьш. от исходного Ильдома) (Костр), с. Ильдомское (Яр. губ. - Луб) и с. Ильдом (там же) - с помощью сопоставления с этимологически с ним связанным в корневой и суффиксальной частях мар. илднме "необитаемый, нежилой" [50, с. 233]. Обе части, как корневая, так и суффиксальная, являясь финно-угорскими по происхождению, имеют целый ряд соответствий вне мерянского и марийского языков, ср.: 1) фин. eIāā "жить", эст. eIama "то же", саам. N ǰI-let, морд. эрамс (при исходном *eIāms "то же" - морд. Э элякадомс "порезвиться" < "стать живым, резвым" от *eIā "живой, резвый"), мар. Илац "жить", Иле "сырой, влажный; живой (о деревьях)", коми эвн "жить", венг. élni "то же" [50, т. I, с. 37; 64, с. 137-140]; 2) фин.

⁵ Данные из ревизской сказки, хранящейся в архиве Кологривского краеведческого музея (филиала Костромского историко-архитектурного музея-заповедника), с которой автор мог ознакомиться летом 1979 г.: Ревизская сказка 1858 года Генваря 22 дня Костромской Губернии Кологривскаго Уѣзда Дерѣвни Элина...

voima-ton "бессильный" (от voima "сила"), саам. Čalmetse m "слепой (букв. - безглазый)" от čalbme "глаз"; морд.Э (абессивный, или лишний падеж) узёр-теме "без топора" от узере "топор", удм. син-тэм "слепой (букв. - безглазый)" от син "глаз"; где выступают суффиксы, восходящие к ф.-перм. *-ttom-/-ttem- при угор. *-ttal-/-ttel-; манс. n̄t̄l "неженатый (букв. - безженный от n̄l "женщина)"; венг. n̄b-tlen "неженатый" < n̄b-telen от n̄b "женщина".

С помощью того же суффикса, должно быть, образовано также мерянское прилагательное *kolDoma/*-Dēmā "безрыбный". Прилагательное реконструируется на основе названия р. Колдомка (Костр. губ.)⁶, очевидно, образованного с помощью суффикса -к(а) от исходного рус. (постмер.) *Колдома, представляющего собой суффиксальный дериват от мер. *kol < *kalā < *kala "рыба" с характерным для мерянского языка переходом гласного нового закрытого слога в гласный следующего более высокого подъема, ср.: (Kl-)Vol < (Kl-)Valo "Каменная деревня", а также *urta < *ogaβ(/m) а, фин. orava "белка", *il'Doma "безжизненный" - *elā "живой". Принимая в целом подобное объяснение, даваемое Т.С.Семеновым /50, с. 236/, нельзя, однако, согласиться с его этимологическим сближением предполагаемого мерянского слова с якобы мар. колдомо (колдымы) "безрыбный(-ая)"⁷ (здесь: река), поскольку близкое к слову мар. колдымо является производным от колды "(у)слышать" и означает "неслышанный; не имеющий слуха, глухой". Не имея прямого соответствия в марийском и находя его скорее в финском (ср. фин. kalaton "безрыбный", kalattomuus "безрыбье"), мерянское слово объясняется с помощью указанных выше соответствий его суффиксальной части, такой же, как и у предидущего мерянского прилагательного, и сближения его производной основы мер. *kol "рыба" с такими финно-угорскими (и уральскими) соответствиями, как фин., эст. kala "рыба", саам. N guolle, морд. кал, мар. кол, манс. хӯд, хант. худ, венг. hal, нен. хала "то же" /90, т. I, с. 146; 46, с. 404/.

Исходное мер. *maZəj "красивый, приятный, милый" восстанавливается на основе рус. (диал.) мазистый "красивый (о человеке)" (Яр - Рыб) ЯОСК в сопоставлении с морд.Э мазый, морд.М мазы (мази) "кра-

⁶ Образование славянским населением названий рек с помощью суффикса -ка от местных постмерянских гидронимов вообще, видимо, было характерно для бывшей мерянской территории; иногда оно могло служить для различения одинакового названия реки и поселения (ср. г. Кострома и р. Кострома: реку местное население в отличие от города часто называет Костромка).

⁷ Ввиду отсутствия в финно-угорских языках грамматического рода форма прилагательного при переводе дается, как правило, только в мужском роде.

сивый", которое в последнее время сближают с коми муса "милый, любимый", удм. мусо "милый, дорогой" [35, с. 179]. В случае принятия последнего сближения, возможно, производящее мерянское существительное *maz(ə) "любовь" следует видеть отраженным в рус. (диал. - новг.) маз "любовник" [14, т. I, с. 289]. Подобное объяснение возникает в связи с тем, что морд.э мазий, а с ним и реконструируемое мер. *mazəj являются отменными прилагательными, образуемыми от существительных с помощью урал. (> ф.-уг.) суффикса -j <-2< *-2ə; морд.э кеже-j, (диал.) кеже-я "алой" от кеж "гнев, злоба" [51, с. 78-79], имеющего ряд соответствий в других родственных языках, напр., манс. тогəж "крылатый" от тогл "крыло"; хант. цодə-я "ветренный" от цот "ветер"; сельк. кагу-я "косой" (ср. нен. хара "изгиб; зигзаг, поворот") [51, с. 79; 83, с. 141]. По-видимому, производящим могло быть ф.-уг. (диал.) *мава > *мазə "любовь", производное от которого, будучи образовано с помощью суффикса -я(ə), первоначально имело значение "любимый, милый", а затем через оттенок "милый, приятный (на вид)" приобрело значение "красивый". Рус. мазистый можно рассматривать как образованное с помощью суффикса -ист- непосредственно от мер. маZəj "красивый, милый", точнее - его постмерянского отражения *мазий "то же" или - менее достоверно - от производящего маз(о) < мер. маZ(ə) "любовь; красота". Однако допустимо и другое объяснение. Не исключено, что в мерянском употреблялся суффикс *-Zə- < *-za со значением уменьшительности, соответствующий морд. за со значением неполноты качества, ср. морд.М акəа "белый" - акəа-за "беловатый", гавəа "черный" - гавəа-за "черноватый" и под. [51, с. 76-77]. Поскольку с ф.-уг. *-za > морд. -za- скорее всего первоначально связывался оттенок уменьшительности, с функциональной точки зрения подобное объяснение мер. -za- представляется вполне правдоподобным. В таком случае рус. (диал.) мазистый могло образоваться непосредственно на основе постмер. *мази(й)зий < < мер. *маZə(j)Zə "красивенький, хорошенький", конечная часть которого -и(й)за на основе формального сходства была сближена с суффиксом -ист-, характерным для русских прилагательных, и заменена им.

Числительное

Мер. *ika/ikə "один", уменьш. ik-a/ə-nä (ср. морд.М фяня, уменьш. от фяя "один") реконструируется на основе рус. (арг.) иканя "одна копейка (букв. - единичка)" (Углич) Свеш 82, КНОС, икане "то же" (Твер. губ. - Каш) ТОЛРС XX 167 в сопоставлении с финно-угорскими числительными со значением "один", обнаруживающими несомненное формальное и семантическое сходство с предполагаемым мерянским

словом, ср. фин. *üksi* "один", эст., вепс. *üks*, лив. *ikš*, саам. (сев.) *ok-ta*, морд.Э *вейке*, морд.М *фйя*, мар. *ик*, коми *ōti*, удм. *odig*, хант. *it'*, манс. *akwa*, венг. *egy* < *ф.-уг. *ikte/ükte* "то же" /90, т.6, с. 1856-1859; 51, с. 108-109; 46, с. 423/. В пользу мерянского происхождения слова говорит как его своеобразие на фоне финно-угорских соответствий, так и его ареальная характеристика, распространенность на бывшей мерянской территории.

Мер. **šežum/*šizum* "семь" воспроизводится на основе рус. (арг.) *сезим* "семь" Вин 49, *сизим* (Кострома) "семь копеек" Вин 49 в сопоставлении с соответствующими финно-угорскими фактами, ср. фин. *seitsemän* "семь", кар. *seifšemä(n)*, *seitšen*, вепс. *šeiššime*, эст. *seitse*, ген. *seitsme*, саам.К *šihšem*, морд. *сисем*, коми *сизим*, удм. *сизым* "то же" /90, т.4, с. 991/. Во всех указанных языках, включая мерянский, рассматриваемые числительные восходят к общему индоевропейскому источнику /51, с. 112/. При несомненном материальном и семантическом сходстве с другими финно-угорскими соответствиями мерянский язык обнаруживает и явное своеобразие. С формальной точки зрения мерянское числительное наиболее близко (во всяком случае, в своем консонантизме) к пермским - коми и удмуртскому, - однако явно отличается от них вокализмом, в особенности конечного слога. Ввиду отдаленности территории, на которой зафиксированы русские арготизмы, предполагаемые в качестве постмерянских, более чем сомнительно усматривать в соответствующих русских словах заимствования из пермских языков, тем более, что, кроме ареального, против этого свидетельствует упомянутый фонетический аргумент - несоответствие вокализма последнего, а возможно, и первого слога слова (ср. рус. (арг.) *сезим* при коми *сизим*, удм. *сизым*). К фонетическим особенностям слова в целом, склоняющим к его определению как мерянского, относится характерное частичное озвончение согласного в интервокальной позиции, особенно в не первом слоге, ср. *šežum/šizum* - морд. *сисем*. Последнее обстоятельство в связи с тем, что подобное и даже более сильное озвончение происходило, видимо, и в мордовских языках (ср. морд.Э *kudo-zo* (букв.) "дом-эго" < **kudo-so* "то же"), следует объяснять более длительным сохранением мордовскими языками какого-то словосочетания согласных, в составе которого выступало срединное *-s-* (напр. фин. *seitsemän* "семь"), в период перехода интервокальных глук в звонкие, и более ранним упрощением этого словосочетания с сохранением *-s-*, что вызвало его озвончение в мерянском языке. Другая фонетическая черта слова, носящая еще более ярко выраженный мерянский характер, проявляется в вокализме его конечного слога, где, как следует полагать, отражен результат типичного фонетического явления

мерянского языка — перехода гласных новых закрытых слогов в гласные более высокого подъема (в данном случае -’о- в -и-). По-видимому, в предшествующий период здесь в слоге, который тогда еще не был конечным, выступал звук -’о- (-о- с предшествующим смягчением согласного), ср. фин. *seitsemän*, где после соответствующего ему второго (конечного) мерянского слога идет еще третий, являющийся конечным в финском. Падение этого конечного (третьего) слога в мерянском, — возможно, через промежуточную стадию редуцированного — могло стать причиной перехода гласного второго слова -’о- в -и-: *veZómě > *veZúm (ср. *ogada (фин. *ogava*) > *ogāva (-н), ген. ед.ч. -н > *ogāma > *игма*). Своеобразие слова среди соответствий родственных языков, обусловленное спецификой языка, в сочетании с ареалом его распространения доказывает принадлежность и этого числительного именно к мерянскому языку.

Остальные надежные данные, касающиеся материальной стороны мерянских числительных, пока отсутствуют. Однако есть семантические факты (относящиеся к калькам и полукалькам), которые позволяют составить представление о внутренней форме еще двух мерянских числительных. Подобный материал также представляет интерес, пусть пока только косвенный, так как, опираясь на него, можно более конкретно выяснить, в каком направлении должна вестись дальнейшая реконструкция, вполне осуществимая при наличии соответствующих материальных фактов, а также внешней формы, помогающей конкретизировать уже известную форму внутреннюю.

К числу подобных примеров внутренней формы мерянских числительных, очевидно, относится русское диалектное наречие без-дву "без двух", употреблявшееся в особом счете, напр., без-дву тридцать "двадцать восемь" и т.п. (Вл.губ. — Переясл.) СРНГ II 186. Данная система счета интересна тем, что она точно или приблизительно калькирует финно-угорскую, которая на территории бывшей Владимирской губ. (согласно современному административному делению в пределах внешней Ярославской обл.) может относиться только к мерянскому языку. Вот что по этому поводу пишет Б.А.Серебрянников: "...характерная черта системы числительных финно-угорских языков состоит в том, что числительные "восемь" и "девять" не имеют собственных названий, а образуются описательно по схеме "два до десяти", "один до десяти", ср. фин. *kahdeksän*, *yhdeksän*, норв.-саамск. *gav-še*, *ov-še*, горномар. *kān-dakš(ə)*, *an-dekš(ə)*, мар. *kan-dakš(ə)*, *in-deš(ə)*, коми-зыр. *kōkja-muv*, *ōk-muv*, эрзя-м. *kavk-so*, *vejк-sē* и т.д." [51, с. 107]. Эта система, причем с применением мерянского по происхождению иканя "одна копейка" (без икани) и примерами на "восемь" и "девять",

отражена также в денежном счете условного языка торговцев г. Углича, расположенного на бывшей мерянской территории, поэтому, несмотря на языковую разнородность указанного аргота, включающего наряду с мерянскими тюркские (татарские) элементы, данную особенность следует признать определенным пережитком мерянского языка, ср.: без дертах (дертах = 2 копейки) он алтын (= 30 копеек) "28 копеек"; без ягани он алтын "29 копеек"; без дертах ярым (ярым = 50 копеек) "48 копеек"; без ягани ярым "49 копеек" и т.п. (Свешн 82-83). Поскольку в тюркских языках данная модель построения числительных, включающих числа "восемь" и "девять", не действует, а для финно-угорских языков, в частности финских в широком смысле⁸, к которым, по-видимому, относился и мерянский, она характерна, в данных оборотах, возникших на постмерянской территории, можно видеть только использование смешанного арготического языкового (мерянского и тюркского) материала по мерянской семантической модели, возможно, переданной недостаточно точно. Таким образом, появляется возможность представить себе хотя бы приблизительно внутреннюю форму мерянских числительных "восемь" и "девять". Вместе с тем на основании указанных данных можно считать, что в мерянском, как и в других финно-угорских языках финно-пермской ветви, числительные "восемь" и "девять" не имели специальных слов, образованных от особых корней, а передавались описательно путем указания на то, что первое меньше десяти на две единицы, а второе - на одну. Остается, однако, открытым вопрос о конкретной материальной форме данных мерянских числительных, в том числе о точности передачи их внутренней формы рассмотренными кальками.

Местоимение

От системы мерянских местоимений сохранились совсем незначительные остатки - личное местоимение *я и указательное местоимение *я́и "этот (-а, -о)".

Первое из них восстанавливается на основе руо. (арг.) мас "я" (Галич) Вин 48, масовский "сам" < ? "я сам" (Владимир) Вин 48, по-масовски "по-нашему" (Углич) Свешн 90 в сопоставлении с фин. minä "я", кар. mie, miä, венг. mina, miñä, mä, вод. miä, эст. mina, ma, лив. ma, miñä, саам. mon, морд. mon, удм. mon, коми me, хант. mä п, манс. (сосьв.) am, (тавд.) эм < эмä·п-, венг. én < *е-мён; нем. maí "то же" < урал. *mi-nä / *me-nä /90, т.2, с. 346; 46, с. 399/. Учти-

⁸ Иначе дело обстоит в угорских языках: "Обско-угорские языки и венгерский также не имеют собственных названий для числительных "восемь" и "девять", но схема их образования отлична от вышеописанной (для финских языков. - О.Т.)" /51, с. 108/.

вая сведения об именной парадигме мерянского языка, форму *ma следует истолковывать конкретно как форму иллатива, возможно, наряду с чисто иллативной функцией (в данном случае дающей значение "в меня") имевшую оттенок значения дательного падежа ("мне"). Подобное истолкование подтверждается тем, что в финно-угорских языках местные падежи с направительным значением используются в функции дательного падежа (ср. в эстонском, где аиллатив *minule*/*mulle* (букв. "на меня" используется в дативной функции, то есть со значением "мне", в саам. (кильд.) *moln* (*meŋn' e*) "в меня; мне" [23, с. 173]. Не исключено, что выбору формы предполагаемого иллатива (дательного местоимения *ma "я" в качестве основной в постмерянских арго могло способствовать то, что формально она частично совпадала в старорусском языке с формой *яз*(ъ), фон. *яс* "я", восходящей к др.-слав. *азъ* (стсл. *azъ*) "то же" и длительное время в нем употреблявшейся (даже в XV в.). Если это предположение справедливо, то из него может вытекать вывод о довольно раннем возникновении данного элемента русского арго (возможно, еще до XVI в.) и в связи с этим — об отмирании в местах его возникновения мерянского языка (ввиду произвольности выбора форм, а следовательно, и утраты понимания их функций: форма иллатива/дательного в функции номинативной). Помимо ареала фиксации данного элемента, совпадающего с постмерянской территорией, в пользу мерянского происхождения указанного местоимения говорит его формальное своеобразие. Наиболее близко реконструируемое мер.*ma "я" к эстонской краткой безударной форме того же местоимения: эст. *ma* "я" при полной форме того же местоимения *mina* (фин. *minä* "я"). Однако значительное различие между мерянской формой иллатива и эстонской краткой формой того же местоимения, не считая различий в окончаниях, вызванных новообразованием эстонского языка, заключается в том, что эстонская краткая форма сохраняет, видимо, древнее различие между основой в номинативе и иллативе, ср. краткие формы ном. *ma* — илл. *muuse* при полных ном. *mina* — илл. *minuuse*, а мерянский, вероятно, по аналогии к основе номинативной формы перестроил основу в иллативе. Обе предполагаемые формы мерянского языка — по происхождению краткие, судя по данным прибалтийско-финских и мордовских языков, сохраняющих в основе личного местоимения I-го л. ед. ч. *-n* (ср. фин. *minä* "я", морд. *мон* "то же").

Тот же конечный *-n* в основе личного местоимения I л. ед. ч. сохраняют или отражают в своих рефлексах говоры марийского языка [9, с. 85–86], поэтому можно прийти к заключению, что в данном случае мерянский из всех прибалтийско- и волжско-финских языков наиболее продвинулся в развитии.

Мерянское указательное местоимение *šī* "этот (-а, -о)" восстанавливается на основе рус. (диал.) *сиень* < *šī jōn "есть" (Углич) ТОЛРС XX II7. Объяснение (под вопросом) у В.И.Далы: "*сienь* нар. ярс. (=ярославское. - О.Т.) есть, имеется (от *се-е*, *се-есть*?" /14, т.4, с. 189/, представляющее собой попытку понять слово как славянское по происхождению, необедительно. Сомнение в его справедливости вызывает, с одной стороны, странная для славяно-русского указательного местоимения в ед.ч. ср.р. форма *сі* (*си-*), а с другой - не свойственное форме I-го л.ед.ч. глагола "быть" в русском (и вообще в славянских языках) окончание *-нѣ*. Слово *сиень*, по-видимому, являясь несовершенной орфографической передачей фонетического *сиень*, действительно образовалось из слияния двух слов - местоимения и глагола - со значением "этот (-а, -о) есть", однако не славяно-русского, а финно-угорского и, судя по своеобразию формы и ареалу распространения, именно мерянского происхождения. Причем если вторая его часть глагольна по происхождению и сопоставима с фин., эст. *on* "есть" и венг. *van* "то же" (подробнее см. ниже), то первая связана этимологически также с соответствующими финно-угорскими (и шире - уральскими) рефлексамі того же указательного местоимения, ср.: фин. *ae* "этот (-а, -о); тот(-а, -о)", *si-*: *siten* "так, таким образом", эст. *see* "этот; тот", *si(i)-*: *siit* "оттуда", морд. Э *сѣ* "тот", мн.ч. *сѣть*. морд. М *сѣ*, мар. *сѣде* "то же", хант. *šī* "тот; этот", *šiw* "туда", *tit* "этот", нган. *sete* "он", мн.ч. *sete*, < урал. *šī/**šē* "этот; тот", - имеющими, таким образом, общий (пра)уральский источник /90, т.4, с. 987-988; 46, с. 399/.

Из приведенных родственных параллелей, как видим, наиболее близко формально и семантически к мер. *šī* "этот" (местоимению, имевшему, как и у ряда других финно-угорских языков, еще семантический оттенок "тот") хант. *šī* "тот; этот".

Фрагменты мерянской глагольной системы (спрягаемые формы)

Возможные реликты спрягаемых форм мерянской глагольной системы, обнаруживаемые в русском диалектном языке, делятся на две количественно неравные группы: в первую входят почти все глаголы предполагаемого мерянского происхождения, вторая практически сводится к нескольким спрягаемым формам одного мерянского глагола.

Первую группу составляют слова, полностью вошедшие в русскую глагольную систему, ассимилированные еп. В данном случае речь идет о мерянских корнях (основах), обросших русскими префиксами, суффиксами и флексией и функционирующих наравне с русскими глаголами сла-

вьянского происхождения. О чужеродности этих глаголов можно догадаться по отсутствию у их основ связи со словами славянского происхождения, что делает их непонятными для носителей русских говоров, не имевших тесных контактов с мерянскими и другими финно-угорскими языками. Другим показателем иногда служит их фонетика с необычными для русского языка звуко сочетаниями (напр., -хт-). Только последующий этимологический анализ позволяет предположить мерянское происхождение данных глаголов. На это прежде всего указывает наличие убедительных финно-угорских параллелей при отсутствии или сомнительности связей со славянскими словами, особенно когда предполагаемые лексемы мерянского происхождения обнаруживают черты, в частности фонетические, выделяющие их на фоне финно-угорских соответствий. Не исключено, что к словам, принадлежавшим в прошлом мерянскому, могут относиться и совпадающие со словами других финно-угорских языков, и обнаруживающие явные инофинно-угорские черты, объяснение чему надо искать, с одной стороны, в формальном совпадении между родственными языками, а с другой — в случаях заимствования из них. Возможность предположительного отнесения русских диалектных глаголов, по происхождению финно-угорских, именно к мерянскому языку вытекает из фиксации их на бывшей мерянской языковой территории и из того, что в ряде случаев они, видимо, отражают черты, характерные для мерянской фонетики: 1) первоначальную полугласность согласных в интервокальной или межсонантной позиции: при-о-ту добеть "окрепнуть; прийти в сознание, в себя" < мер. *tuDo- "знать, осознавать, чувствовать" — фин. *tuntea* "чувствовать, знать, узнавать"; канд-ёх-ать "(груб.) работать" < мер. *kanDa-* "нести, тащить" — фин. *kantaa* "нести, носить"; 2) наличие звука ʃ, отраженного вместо п прибалт.-фин. у или проявляющегося в смещении б с в в постмерянских русских говорах: при-о-тудоб-е-ть "окрепнуть; прийти в сознание, в чувство" < мер. *tuDora "знающий, осознающий, чувствующий", ср. р. *Андоба*, приток Костромы < мер. *anDora (букв.) "дающий, кормящий"; морд. Э *андомс* "кормить" — фин. *tunteva* "чувствующий, знающий, узнающий"; шаб-и-ть "курить" < мер. *ʃaʃ- "дым" > "дымить", ср. кар. *шавута* "дымить" < *шаву* "дым"⁹.

Исходя из изложенного, к числу русских диалектных слов, пред-

⁹ Интересно, что современные русские говоры на постмерянской территории в словах нефинно-угорского происхождения обнаруживают те же фонетические черты: 1) педистенок "спальня" (Яр — Дан; ЯОСК) — пятистенок "крестьянская изба в пять стен" (Ив — Ильин.—Хов; ЯОСК); дента (Костр — Нер; КОСК) — рус. (лит.) дента; 2) добредить (Костр — Костр; МКНО) — рус. (лит.) добредить; вес "черт" (Костр — Мант; МКНО) — рус. (лит.) бес и т.п.

положительно относящихся к первой группе, можно отнести, в частности, вои́м-ова-ть "понимать; воспринимать, вникать во что-либо" (Яр - Шерб); "делать что-либо, работать" (Яр - Пом; СРНГ У 33); "распоряжаться, заведовать, управлять чем-либо" (Яр - Мол; СРНГ У 33) (ср. фин. voida "мочь, быть в силах, в состоянии", voima "сила, энергия, мощь", коми (уст.) ойбс "сила") /35, с. 204/; канц-эх-ать "(груб.) работать" (Ярославль; ЯОСК) (ср. фин. kantaa "нести, носить", эст. kanda "то же", морд. кандомс "нести, тащить", мар.Л кондаш "приносить", мар.Г кандаш "то же"); (не) кехт-а-ет "(не) действует" (Костр - Гал; МКНО) (ср. вепс. kehtta "желать, хотеть, не лениться", фин. (диал.) kehdata "не (по)лениться (сделать что-либо)"); с-мат-и-л "с пути свел" (Вл.-губ. - Суд; ТОЛРС XX, 211) (ср. фин. matkata "путешествовать, ездить", кар. matata "ходить, ездить; бегать", а также р. Маткома (Яр - Пом)); рахт-и-ться "пегушиться, братья за дело не по своим силам" (Яр - Угл; ЯОСК) (ср. вепс. rohitta, rohitta "сметь, осмеливаться", фин. rohjeta "осмеливаться, решаться", гошкеа "смелый, храбрый"); тохт-и-ться "стараться, добиваться, хотеть, пробовать" (Яр - Ерм; КЮС 201); "требовать" (Яр - Дан; там же) (ср. фин. tahtoa "хотеть", tahto "воля"); при-о-тудоб-е-ть "окрепнуть" (Костр - Кол; МКНО); о-тугов-а-ть "отойти (прийти в обычное состояние)" (Костр - Антр; КОСК); о-тугов-е-ть "прийти в себя" (Костр - Поназ; КОСК) при первоначальном значении "прийти в сознание; стать знающим (осознающим)" и, вероятно, сближении с рус. тут (ср. венг. tudni "знать, уметь, мочь", коми. то́дны "знать, узнать", то́д "память", удм. то́дны "знать, узнать; помнить", саам.Н dow'dat "чувствовать, знать, узнавать", фин. tuntea, эст. tunda "то же", нен. тумда(сь) "узнать (кого-, что-либо); отметить"/MSZFUE т.3, с. 646/; шас-и-ть "курить" (Костр - Остр; КОСК) (ср. кар. шавута "дымить", шаву "дым", фин. savustaa "коптить, окуривать, выкуривать", savu "дым"); шоп-ать "колоть лучину специальным ножом" (Костр - Крас; КОСК) (ср. морд.М шапомс "рубить (только о срубе)", морд.Э чапомс "рубить (сруб); делать зарубку; отбивать (жернов)", коми (диал.) тшапны "зарубить, засесть, сделать зарубку") /35, с. 289/. Конечно, при тщательном рассмотрении этих русских глаголов может оказаться, что часть из них не восходит непосредственно к соответствующим мерянским словам, а образовалась уже на русской почве от мерянских существительных и прилагательных, точнее - от связанных с ними русских слов. Однако не подлежит сомнению и то, что среди русских апеллятивов и в ономастике мерянского происхождения будут обнаружены и другие глаголы, образованные от мерянских. Все они при внимательном анализе и боль-

шей изученности грамматического строя мерянского языка должны стать источником реконструкции мерянского глагола в его исходных формах.

Этой относительно богатой по составу группе противостоит чрезвычайно узкая группа форм, восходящих к финно-угорскому глаголу *wole(-) "быть" [46, с. 41?] и сохранивших свою мерянскую исконность благодаря тому, что они вошли в состав или местной русской фразеологии мерянского происхождения, или местных профессиональных "тайных языков", где сохранение исходного финно-угорского облика слова было желательно как лишний ресурс затемнения его смысла. Ценность этого скудного в количественном отношении материала заключается в том, что он относится к парадигме одного и того же глагола, причем глагола едва ли не наиболее важного и частотного — именно это обстоятельство, видимо, и предопределило сохранность его форм. Кроме того, в отличие от приведенных выше фактов, где на несомненную финно-угорскую лексическую основу наложился славянский грамматический черт, здесь финно-угорская форма слов (во всей специфике как корня, так и флексии) сохраняется полностью либо с самыми минимальными деформациями. Качественное преимущество данных фактов состоит в том, что их яркая локальная и формальная специфичность позволяют с большей уверенностью считать их явлениями мерянского языка. С целью возможно более краткого изложения соответствующих фактов мерянского языка, заключенных в их русских постмерянских отрезаниях, представляется целесообразным приводить прежде всего в реконструированном виде мерянскую глагольную форму, а затем обосновывать ее с помощью русского диалектного материала и связанных с ним финно-угорских сравнительно-исторических данных.

1) *e jola < *e:j ola < *ei ole "нет (букв. не есть)" — первоначально, видимо, отрицательная форма 3-го л. ед. ч. наст. вр. глагола "быть", затем ставшая общей (как ест. ei ole "не есть") для всех лиц и чисел данного глагола в настоящем времени, о чем свидетельствует, с одной стороны, произошедшее чисто фонетическое перераспределение звука (-)j < -i между двумя словами, невозможное, если бы он воспринимался как окончание особой формы, а с другой — влияние формы (e) jola, вызвавшее появление инициального j-, как увидим дальше, не только у отрицательных, но и у положительных форм того же глагола с начальным o-: рус. (диал.) неюла "нет" (Твер. губ. — Каш; ТОЛРС XX, 166); неёла "нет" (Яр. губ. — Угл; Свеш 93; ЯОСК), "не хватает весу или меры" (Яр. губ., Свеш 93; ЯОСК); неёла "неудача" (Костр. губ.; МКНО), где неёла (неюла) является, видимо, полукалькой предыдущего мер. *e jola "нет (букв. — не есть)" с первонач-

чальным глагольным значением "нет" и позднейшим субстантивированным "неудача"; с тем же словом, очевидно, связано явно вторичное ёда "(гл.) есть" (Яр.губ. - Угл; Свеш 89; ЯОСК); "(сущ.) удача, счастье" (Костр.губ. - Нер; ООБС 54; КОСК), образованное от неёда.

2) *joī < *on, ср. прибалт.-фин. *on*, а также венг. *van* "есть" (MSzFE) - форма 3-го л.ед.ч. наст.вр. от "быть" (ф.-уг. *wolę(-)) изменения в которой (в отличие от ее ближайших прибалтийско-финских параллелей) произошли под влиянием отрицательных форм спряжения того же глагола, вызвавшим появление начального *j*-(*e jola "нет (букв. - не есть)"), а также под воздействием изменений в форме 3-го л.ед.ч. (простого) прошедшего времени того же глагола (**ul'* < *oli, ср. фин. (диал.) *ol'* < *oli* "был"), приведших к исчезновению конечного *-i* и смягчению предыдущего согласного, которое затем по аналогии было перенесено на форму 3-го л.ед.ч. того же глагола в настоящем времени (сёнъ "есть" (Яр.губ. - Угл; ТОЛРС XX II7) (букв. - "это есть"), сравнимую с фин. *see on*, эст. *see on* "это есть", где, следовательно, в качестве глагола выделяется ёнъ, точнее - ёнъ, поскольку *э-* вместо более правильного (исходного) *ё-* следует объяснить или характерным для русского литературного языка и русских говоров (кроме северно-русских) переходом *ё-* в *э-* в безударной позиции, или тем, что в русской орфографии *ё* далеко не всегда обозначается специальным знаком и часто передается обычным *э*.

3) **ul'* "был (-а, -о)" < *oli, ср. прибалт.-фин. *oli* - форма 3-го л.ед.ч. (простого) прошедшего времени, изменение в которой, как и вообще аналогичные изменения в той же форме других глаголов, косвенно отражено формой настоящего времени данного глагола и является единственным аргументом в пользу существования формы *ul'*, поскольку прямо она нигде не засвидетельствована. О том, что падение конечного *-i*, как и вообще любого гласного в слове, следующем за новым закрытым, должно было привести здесь к переходу исходного *о-* (через стадию его удлинения, а затем сужения) в *и-*, свидетельствуют другие формы, связанные с *wolę(-) "быть", в частности рус. (диал.) ульшара "умерший, покойник" (Яр.губ. - Угл; Свеш 92; ЯОСК) по образцу бедняга; ульшид "умер" (Яр.губ. - Угл; Свеш 92; ЯОСК) от мэр. **ul'ša* "бывший", с которым как их калька, очевидно, связано рус. (диал. яросл., костр.) побывшиться "умереть (то есть стать бывшим)".

4) *joluš < *jolože "пусть будет (букв. - пусть есть)" - форма 3-го л.ед.ч. повел. или побуд. накл. (ср. морд.Э улезэ "пусть будет (букв. - пусть есть)", кундазо "пусть ловит", морд.М кундава "то же", мар. лийже "пусть будет (есть)", саам. *bottu-s* "пусть при-

ходит" [51, с. 167], где выступают этимологически связанные с мер. *-s < *-ze форманты). Из приведенных мерянских форм более ранней является *joloze, а более поздней, возникшей в результате падения конечного -e и превращения бывшего предпоследнего слога в новый конечный закрытый слог с переходом в нем -o- (через -o-) в -u- — *joluš (ср. рус. (диал.) елуш пелуш "хлеб да соль (приветствие во время обеда)" (Костр. губ. — Солигал; СРНГ УШ 349) < мер. *joluš ра joluš < *joloze¹⁰ ра joloze [**tenän seje (- -) -juje (- -)] "пусть будет и будет (букв. — пусть есть и пусть есть) (у тебя еда-питье)").

Продолжение мерянской языковой формулы, дошедшей до нас в сокращенном виде, дается в обобщенной (праязыковой) форме. Попытки других объяснений (путем сближения с елозить, ложка или как туркизма без указания источника — Фасмер I, 15, 17) менее убедительны, чем толкование в качестве мерянской формы, в пользу чего говорят и доводы лингвогеографии (фиксация оборота на бывшей мерянской территории, ср. еще наелузиться "наестся досыта" (Костр. губ. — Гал; МКНО), наолузиться "то же" (Костр. губ. — Кин; МКНО)), и чисто языковые аргументы.

В настоящее время из парадигмы мер. *wolg(-) "быть" известны только положительные формы 3-го л. ед. ч. наст. и прош. вр. изъяв. накл. и та же форма повел. или побуд. накл. Что касается отрицательных форм, существование которых подтверждается сходством (пост)-мерянских глаголов с прибалтийско-финскими, то из них известна только форма 3-го л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. Как уже объяснялось, эта форма, видимо, могла употребляться и во всех других лицах и числах того же времени. Какими были другие отрицательные формы рассматриваемого мерянского глагола, на основании имеющихся пока данных определить нельзя. Несмотря на ограниченность, эти данные в силу своей локальной определенности, а также языковой специфики, не позволяющей их отнести ни к одному из известных до сих пор финно-угорских языков, дают возможность рассматривать их как относящиеся к мерянскому языку. Большинство из них (такие формы, как *još, *uš, *e jola) в наибольшей степени сравнимо с аналогичными явля-

¹⁰ Форма joloze "пусть будет (есть)" реконструируется на основе рус. (диал. перм., также, видимо, постмер.) елозь "приветствие во время еды (здорово хлебать!)" [14, т. I, с. 518], где сохранение -o- свидетельствует об отражении более ранней формы слова, когда слог с -o-, еще не перешедшим в -u-, был открытым, а мягкость указывает на то, что утраченный позже конечный гласный был гласным переднего ряда, скорее всего -e (или позднее -э); союз *ра, сближенный на русской почве с приставкой по-, восстанавливается путем сравнения с хант. па "и, также" (ср. хант. асем па айкем "мой отец и моя мать").

ниями прибалтийско-финских языков, однако при несомненно общей с ними отправной точке получило другое, своеобразное развитие. Форма *joloze > *joluš с большим основанием может быть сравнена с явлениями мордовских и марийского языков, хотя находить аналоги и в самском.

Особенностью мерянской парадигмы глагола *wole(-) в отличие от других финно-угорских языков (ср. прибалт.-фин. ole- "быть", морд. улемс, мар. улаш, удм. вылны, коми вöвны (-вывны) "то же", хант. (казым.) вал'ты "быть; жить", ср.-обск. утта "то же", манс. (сосьв.) öлуикве "быть; жить; находиться", (конд.) ол'х "то же", венг. volt "был" [77, т.3, с. 669-671; 35, с. 67]), где начало глагола при возможном чередовании первого гласного основы неизменно, является наличие двух видов глагольных форм: 1) с начальным j- и следующим за ним -o-, то есть *jо-; 2) с начальным *u-, где отсутствует предшествующий ему j-^{II}. Первые формы характерны для того варианта глагольной основы, где следующий за начальным слог не утрачивал своего гласного (*(e) jola, *jöluš < *joloze, или где *jо- достаточно давно выступало в составе односложной глагольной формы: *joŋ < on, ср. прибалт.-фин. on, венг. van "есть". Вторые формы характерны для слов, где в следующем за начальным слоге секундарно выпал гласный, что привело к удлинению и сужению начального o- с дальнейшим переходом его в -u- (ср. *ul < *oli, *ulša "бывший (зв-фем. также - умерший, покойник)" < *olešā).

Процессы, приведшие к образованию двух вариантов основы глагола *wole(-), проходили в мерянском языке, по-видимому, уже после его отделения от прибалтийско-финских и волжско-финских языков, в собственно мерянский период его истории, иначе эта его особенность разделялась бы каким-нибудь из них. Относительная хронология соответствующих процессов: 1) падение в части форм гласных второго слога глагола (очевидно, через предшествующую стадию их перехода в редуцированные), которое привело к o->u-; 2) замена первоначально разных личных форм отрицательного глагола ei, очевидно, близких фин. en, et, ei..., единой для всех лиц (и чисел) формой 3-го л. ед.ч. ei, как в современном эстонском языке; 3) перераспределение *ej ola > *e jola, приведшее к образованию отрицательной частицы e и появлению секундарного начального *j- у форм глагола "быть" при их отрицательном спряжении; 4) распространение по аналогии начального

II Только в части мерянских говоров, как свидетельствует кинешемский диалект "наестся досыта", в результате выравнивания по аналогии установилась, видимо, единообразная форма глагола с начальным *ju-.

j- с форм отрицательного спряжения глагола *woig(-) на все его положительные формы, сохранившие начальный o-. Следовательно, процесс появления форм на jo- у мерянского глагола был, очевидно, отделен значительным промежутком времени от процесса образования форм с начальным u-.

Неспрягаемые (именные) глагольные формы

Причастие / отглагольное прилагательное

В мерянском языке обнаруживаются отглагольные формы, которые, употребляясь в атрибутивной функции и будучи близки к причастиям других финно-угорских языков, могли бы являться соответствующими причастиями. Но финно-угорские причастия связаны своим происхождением с отглагольными существительными и именами в целом [55, с.167-168; 36, с.350], приобретая в них функцию причастий в разное время, а в мерянском языке, где примеры соответствующих слов выступают изолированно, вне контекста, и тем самым не обнаруживают с определенностью своей функции, очень трудно совершенно точно сказать, являются они причастиями или только допричастными отглагольными прилагательными (иногда с факультативной причастной функцией), которым только предстояло при благоприятных условиях развиться в соответствующие причастия. Еще более сложно что-либо определенное утверждать по поводу их конкретного причастного значения (активности/пассивности, связи с настоящим или прошедшим временем). Следовательно, о принадлежности рассматриваемых ниже форм к причастиям или отглагольным прилагательным, а также об их предполагаемом причастном значении (если его допустить) можно высказать лишь более или менее вероятные предположения. В связи с этим функциональная интерпретация анализируемых далее отглагольных образований носит более или менее условный характер.

Среди этих мерянских образований, восстанавливаемых из их предполагаемых остатков в русской постмерянской топонимии, а также в апеллятивной диалектной лексике постмерянских территорий, обращает на себя внимание группа явно отглагольных форм, по-видимому, судя по колебанию -o-/-v- в их суффиксальной части, включающих суффикс -*da¹². Конкретно здесь реконструируются следующие предполагаемые

¹² Ср.: (в названиях рек) Андо-o-в, Кондо-o-а и (в апеллятивах) приотудо-o-еть "окрепнуть", отутс-v-ать "отойти", отутс-v-еть "ожить, прийти в себя", варо-v-о "быстро", вара-v-о "скоро". Поскольку исходным здесь был суффикс -o-, через стабильно-v- переходивший частично в -v- (ср. фин. *luo-pä* "бьющий", *luo-pä kello* "часы с боем", *luo-pä* "ударять, бить", *-mene-vä* "идущий" от *mennä* "идти") [71, т.1, с.177; 12, с.187], для мерянского языка в связи с частичным озвончением

мерянские слова: *anDоva "кормищий(-ая) < *дакий(-ая) / кормительный(-ая)"¹³ - р. Андо́ва, приток Костромы, "кормищий реку своими водами (ср. фин. antava "дакий(-ая)" от antaa "давать", морд. андомс "кормить", морд.Э андыця "кормищий"); *konDоva "(при)носящий(-ая), (при)носительный(-ая) - р. Кондо́ва, левый приток Нея, притока Унжи, очевидно, также в связи с функцией притока приносить свою воду другой реке (ср. фин. kantava "несущий(-ая)" от kantaa "нести", морд. кандомс "то же", мар. кондаш "приносить"); *tuDоva "знающий, осознающий, знающий (-обладающий знанием), чуткий" - рус. (диал.) при-о-тулоб-еть (Костр. губ. - Кол) МКНО, о-тугова-ть "отойти (прйти в обычное состояние)" (Костр - Антр) КОСК, о-тугов-еть "прйти в себя" (Костр - Поназ) КОСК < *¹³"прйти в сознание; стать чувствующим (сознающим)" (ср. фин. tunteva "чувствующий; знающий", tuntea "чувствовать, знать", удм. тодны "знать", коми то́дны "то же", венг. tudni "знать, уметь, мочь", где обращает на себя внимание близость суффиксальной части к финской и эстонской (эст. tundev "чувствующий, узнающий") при особой близости в основе с венгерским соответствием); *varava/*varоva "(быстро) делающий, работающий / деловой, работающий > быстрый" - рус. (диал.) вараво "скоро" (Костр. губ. - Ветл) МКНО, варово "быстро" (Костр - Мант) КОСК (ср. манс. варуу кве "делать; выработать"). Если бы в этих словах можно было усматривать причастия, то единственно допустимым объяснением их функции было бы значение действительного причастия настоящего времени. В пользу этого говорят как данные финно-угорских языков, а именно прибалтийско-финских, так и свойственный рассматриваемым отглагольным формам оттенок постоянства глагольного признака, неограниченного во времени (например, свойства реки), что, как правило, бывает связано с настоящим временем. Однако предлагаемое объяснение безоговорочно принять нельзя, поскольку наряду с рассмотренными выше отглагольными образованиями на *-ва, по-видимому, тот же причастный оттенок в мерянском языке могло бы в принципе иметь и другое отглагольное образование атрибутивно-причастного типа. Им являются отглагольные формы с суффиксом -ба. В отличие от только что рассмотренной группы отглагольных образований здесь глухих в интервокальной позиции в принципе допустимо было бы принять и реконструкцию типа *anDоba, однако возможное здесь колебание -б/-в- позволяет предположить звук в, который ввиду его промежуточного положения между рус. б и в и чуждости русской фонетической системе мог передаваться одним из этих двух русских звуков.

¹³ Эти, как и следующие, несколько искусственные, формы даются для передачи значения предполагаемого в данном случае (допричастного) прилагательного.

данных форм обнаружено значительно меньше. Тем не менее не вызывает сомнения их как отглагольный, так и атрибутивный (причастно / адъективный) характер. Однако если в рассмотренном выше случае отглагольные образования находили соответствия в части прибалтийско-финских языков (ср.: фин. *luke-va* "читающий", иж. *lukkõ-va*, вод. *luke-va*, эст. *luge-v*, лив. *jela-v* "живой < живущий"), то образования на **-ġa* наиболее близки к соответствующим явлениям марийского языка. Пока удалось обнаружить всего два подобных образования, на основании которых восстанавливаются предполагаемые мерянские формы, ср.: мер. **uġġa* (? < фонет. *uġġä*) "бывший" – рус. (арг.) *ульша* "умерший, покойник" (Углич) Свеш 92 из *ульша* "бывший (перен. – покойник)" + *га* по типу *бедняга*, *работяга* и под., ср. также рус. (арг.) *ульшил* "умер" (Углич) Свеш 92 и кальку из мерянского рус. (диал.) *побывицься* "умереть (стать бывшим)" (Яр.губ. – Рост, Рнб), что сопоставимо с мар. *ушо* "присутствующий" от *улаш* "находиться, присутствовать; (связка) быть, являться", морд. *улезь* "являясь, будучи" от *улемс* "быть, являться", фин. *olla* "быть", венг. *volt* "был"; **neġġa* (/–ä) "глотающий(-ая) [35, с. 239]; проглотивший(-ая)" – р. *Нельша* (Костр), с. *Нельша* (Вл.губ.), р. *Нельшенка* (Вл.губ. – Смол 215), р. *Нельшица* (Вл.губ. – Смол 215), сопоставимые с мар. *нелше* "глотающий; проглотивший", Гнелшы "то же", *нелдан* "глотать; клевать (о рыбе)", морд.Э *нилезь* " (прич.) проглоченный; (дееприч.) глотая, проглатывая", морд.М *нилезь* " (дееприч.) глотая, проглатывая", морд. *нелемс* "проглотить", коми *нылавнсь* "глотающий", *нылавны* "глотать", *нылыштнсь* "проглатывающий", *нылыштны* "проглотить", фин. *niellä* "глотать", саам. *njellät*, венг. *nyelni* "то же". Таким образом, в корневой части оба мерянских слова (**uġġa*, **neġġa*) выступают как несомненно финно-угорские по происхождению [90, т.2, с. 376, 427–428; 35, с. 67, 199; 77, т.3, с. 479, 669–671]. То же относится к их суффиксальной части, так как суффикс *-ġa* (/–ġä) помимо соответствий в марийском, мордовских и коми языках, на что уже указывалось, имеет соответствия в обско-угорских отглагольных образованиях, в частности в мансийском пассивном причастии прошедшего времени на *-в* (манс. *розхе-в* "выделенный" от *розхи* – "лепить"), а также в именах действия типа *анлэ-в* "сидение"; в отглагольных именах тот же суффикс выступает и в хантыйском языке (хант. *палэ-в* "разум" от *паш* – "вспоминать") [51, с. 211].

Все упомянутые соответствия вместе с мер. *-ġ* (а/–ä) восходят к ф.-уг. **-ġ* [36, с. 353]. Более сложен в отличие от формального истолкования мерянских образований на **-ġa* вопрос их функционального объяснения. При значительной формальной близости мер. *-ġa* и мар.

-шо (-шо, -ш^о), мар.Г -шн вывод об их семантико-функциональном сходстве далеко не очевиден. Марийские отглагольные образования являются активными причастиями, не имеющими форм времени: мар. дудшо означает как "читающий", так и "читавший" (Сав. - Уч, 846). Что касается мордовских-эрзя причастий на -зъ, этимологически связанных с марийскими причастиями с суффиксом -ш(-е/о/ö -н), то они обозначают только глагольный признак, связанный с законченным действием. В отличие от мар. ушо "присутствовавший; присутствующий" мер. uйша "бывший (перен. - покойник)" имеет несравненно более определенную семантику, связанную именно с законченным действием. По-видимому, в том случае, если бы в мерянском, как и в марийском, с суффиксом -ш- была связана та же временная неопределенность, отглагольное образование *uйша не могло бы в нем приобрести столь четко выраженную семантику "бывший", причем и применительно к покойникам. Слово, одновременно значащее "бывший" и "суший, присутствующий" (здесь, с нами, в мире живых)", не могло бы здесь найти применения. Несколько более двойственную интерпретацию, видимо, могло бы в принципе допускать *neйша: "глотавшая" применительно к реке (= "поглощающая тонущих в ней, другие, впадающие в нее речки и ручьи") и (при более конкретном восприятии глагольного признака) "проглотившая (поглотившая) много людей, рек, ручьев)". При подобном истолковании есть все основания как *uйша, так и *neйша рассматривать (в отличие от формально близких причастий марийского языка) в качестве активных причастий прошедшего времени. В пользу подобного объяснения говорит и факт употребления в мерянском языке группы отглагольных атрибутивных образований на *-ва(/*-ва), с которыми наиболее естественно связывается значение активного причастия настоящего времени. Наличие аналогичных противопоставленных друг другу во временном отношении причастных форм, как известно, не свойственно марийскому языку. Поскольку в мерянском существует специальная отглагольная форма, этимологически связанная с финскими причастиями настоящего времени на -va < *-pa, для которой можно предположить то же временное значение, мерянские образования на -ша наиболее оправданно рассматривать как активные причастия прошедшего времени, тем более, что имеющиеся факты этому не противоречат. В таком случае следует считать, что в мерянском существовали две формы активного причастия - одна со значением настоящего, другая - со значением прошедшего времени, первая из которых связывала мерянский с частью прибалтийско-финских языков, а другая - формально и отчасти функционально - с марийским и эрзя-мордовским. Отличие мерянского заключается в последнем случае в том, что, в то время

как в марийском языке формам на -ш (-я) свойственна только активность без временной дифференцированности, в мерянском с ними помимо принадлежности к активному залогу связана, видимо, и принадлежность к прошедшему времени. Что касается функциональной связи с эрзя-мордовским, то и она у мерянского языка неполная: с мордовскими-эрзя причастиями на -зъ связано значение прошедшего времени с семантикой пассивности (ср. морд. Э соказъ мода "вспаханная земля", сёрмадозъ бѣтнема "написанный рассказ", нуезъ ума "скатая полоса"), а в мерянских причастиях на -й этимологически с ними связанных, явно прослеживается значение действительного залога. Расходятся в своем значении они и с родственными явлениями других финно-угорских языков (коми и мансийского). Все это в целом, говоря о функциональном своеобразии названных отглагольных образований, в связи с тем, что они зафиксированы на постмерянской территории, позволяет рассматривать их в качестве причастий мерянского языка. Как показывают эти факты, в области причастий мерянский занимает как бы промежуточное положение между прибалтийско- и волжско-финскими языками.

Отглагольное существительное на -ма.

Вопрос о мерянском инфинитиве.

Среди других отглагольных именных образований в мерянском языке заметное место должны были занимать отглагольные существительные с суффиксом -ма, прафинно-угорским по происхождению и потому характерным для отдельных финно-угорских языков, ср.: фин. elä-mä "жизнь" < elää "жить", asema "место; станция" < asea "располагаться, размещаться"; саам. borram "еда", borrat "есть"; морд. вачкодема "удар", вачкодемс "ударить"; мар. (в составе суф. -ма-й / -mä-й) лудмаш "чтение", лудаш "читать"; удм. пуксем "осадок", пуксыны "сидиться"; коми гижом "письмо", гижны "писать"; хант. uləm "сон"; манс. йләш "то же"; венг. álm "сон", aludni "спать". Об их распространенности в мерянском языке свидетельствуют многочисленные русские (постмерянские) топонимы на -ма на бывших мерянских землях, которые, по крайней мере часть из них, являются несомненными отглагольными существительными, а также отдельные русские диалектные (арготические) аpellативы с тем же суффиксом (или включающем его), которые ввиду их фиксации на постмерянской территории, видимо, также можно рассматривать как субстратные включения, вошедшие в русский язык из мерянского. На основании приведенных форм можно, в частности, реконструировать для мерянского такие отглагольные существительные на -ма, как *kolema "смерть; тяжелая болезнь" - рус.

(диал.) колему колеть "тяжело болеть" (Костр. губ. - Ветл) СРНГК (ср. эст. (диал.) koolma < *koolema "умирать < *смерть, умирание", фин. kuolema "смерть, кончина", мар. колыма-ш, морд.Э кулома, удм. кулон, коми кулом, венг. halál "то же", связанные с фин. kuolla "умереть", мар. колаш, морд.Э куломс, удм. кулынн, коми кувны, венг. (meg) halni "то же" (ф.-уг. kolg - "умереть") /46, с. 407; 35, с. 143; 61/, *pešma < *pešema "боязнь, страх" - рус. (арг.) пельма-ть "знать" (очевидно, будучи напуганным, ср. рус. проучить (кого-либо) "наказать для острастки") (Галич) Вин 49 (ср. морд. пелема "боязнь" (пелемс "бояться"), коми подом "боязнь" (повны "бояться"), фин. pelätä "бояться", хант. палты (пэлты), венг. fél-
ni < ф.-уг. *pele- "то же") /46, с. 405; 90, т.3, с. 516-517; 77, т.1, с. 198; 35, с. 223; 41, с. 81/; *szema "разрывание (разрыв)" - р. сезема (Костр. губ.) Экон. прим. (ГАКО ф.138, оп.5, ед.хр. 18, л.143) (ср. морд.Э сезема "обрывание, разрывание, срывание" (сеземс "сорвать, оборвать, разорвать; (обл.) перейти, переехать (через что-либо)", возможно, связанное с коми сэзын "поддать пару, плеснуть на каменку; открывать суслоны (снимая верхние снопы); снимать крышку") /35, с. 271-272/; *ušma "умирание, гибель (букв. бышенье)", по-видимому, от глагола, образованного от причастия *uša "бывший" - р. ульша (Костр. губ. - Кол) КГЗ (СНМ) 141, соответствующий глагол, очевидно, является специфично мерянским образованием, если исходить из своеобразия семантики причастия *uša, рассмотренной выше, а если учитывать его связи - через причастие ф.-уг. *wolg "быть" - со всеми финно-угорскими языками, то не вызывает сомнения его исконное финно-угорское происхождение.

Отглагольные субстантивные образования на -ша в финно-угорских языках (например, прибалтийско-финских и мордовских) нередко тесно связаны с инфинитивом и часто выступают как одна из его форм. Исторически финно-угорский инфинитив, как и славянский, представляет собой отглагольное существительное, сохраняющее падежные формы, по крайней мере часть их. В эстонском и мордовских языках в связи с этим прослеживается интересная закономерность. В мордовских языках словарной инфинитивной формой является иллатив отглагольного существительного на -ша (морд.Э -мо/-ме), номинатив в этой функции употребляется относительно редко. Поэтому номинативная форма часто употребляется здесь в роли отглагольного существительного, сохраняя способность употребляться также в роли инфинитива, ср.: морд.Э од эрямо "новая жизнь" - карман эрямо "буду жить"; морд.М од эряма "новая жизнь" - карман эряма "буду жить". В эстонском языке, где отглагольное существительное на -ша употребляется

теперь только в инфинитивной функции (ср. елама "жить", шинема "ходить", соома "есть", kirjutama "писать" и т.п.), причем дается как словарная форма, подобное употребление формаций на -ма в роли существительных отсутствует. В связи с тем, что для мерянского языка, как и для мордовских, употребление отглагольных образований на -ма в роли существительного было, очевидно, весьма характерным (об этом говорит, в частности, большое количество постмерянских топонимов на -ма типа Кострома, Костома, Кинешма, Яхрома, Чухлома, Шекшема и т.п.), следует полагать, что эта форма только частично могла выполнять функцию инфинитивной. Видимо, наиболее типичным для инфинитива было какое-то другое образование. Не исключено, что им, как в мордовских языках, могла быть форма иллатива отглагольного существительного на -ма. Возможно, в связи с тем, что при этом, как в мордовских языках, конечное -а в -ма выпадало и предшествующий слог становился закрытым, в некоторых (пост)мерянских глаголах наблюдалось закономерное для мерянской фонетики явление: гласный последнего (нового закрытого) слога заменялся гласным более высокого подъема, ср. рус. (арг.) ульшил "умер" (Углич) Свеш 92 - мер. *uĩšims < *olešem(a)s; рус. (Костр.) варово/вараво "быстро", где очевидно, первая форма отражает инфинитивное *varoms "делать, работать", а вторая - отглагольное существительное *varama "делание, работа"; р. Кондоба (Костр.) - фин. kantava "несущий(-ая)", возможно, под влиянием инфинитивного *konDoms "(при)нести" при *konDama "(при)несение" (ср. фин. kantama "дальность (при выстреле) (букв. - несение)", мар. кондаш "приносить").

Другие части речи

Наречие и предикатив

К числу наречий и предикативов мерянского языка можно отнести следующие реконструируемые лексемы:

*rãha/*rãhã "мало" - рус. (диал.) вяха "чудо, необычный случай; необылица, вздор" (Яр - Мышк, Пош, Рост; Костр. - Чухл); "немного, пустяк" (Яр - Рост, Костр - Парф); "беда, несчастье" (Яр); "куча, ворох, большая ноша" (Яр - Пош) ЯОСК; "самая малость чего-нибудь" (Костр - Буй) КОСК, где исходным значением является, очевидно, "мало, немного", а остальные представляют собой результат переосмысления, в том числе иронического ("куча, ворох"), ср. фин. vähä "малый, скудный", vähän "мало, немного", veis. vähä(n), эст. vähe, морд.Э вех < *veže "маленький" в вехгель "(анат.) язычок (букв. - маленький язык: *veže kel' - фин. vähä kieli)", вишка "малый, маленький" [90, т.6, с. 1830-1831]. Судя по ареалу распростра-

нения, слово может являться исконно мерянским, но ввиду того, что оно лишено каких-либо ярких своеобразных черт, нельзя исключить полностью и возможность его заимствования из прибалтийско-финских языков (скорее всего, вепсского). Предположить его позднейшее проникновение из вепсского непосредственно в русские говоры постмерянской территории более сомнительно, учитывая большой пространственный разрыв, существующий теперь между ареалом вепсского языка и данными русских говоров, а также слишком большую распространенность слова в ярославских и костромских говорах.

Мер. *nemel "нет" - рус. (диал.) немень "нет" (Углич) ТОЛРС XX II 6, немань "то же" (Яр) КЯОСК 122 (ср. венг. nem "нет; не", манс. нэм (хот) "ни(где); не(где)" [Ромб. - Куз., с. 77], хант. нэм(хоят) "ни(кто) (букв. - не кто-то)" [41, с. 76], коми нем "ничто, ничего", удм. нэма "ничего", мар. нимо, нимат "ничто, ничего" <ф.-уг. *nāmi) [77, т.3, с. 464-466; 35, с. 186]. Что касается конечного элемента -ень, то аналогия ему имеется также в венгерском (венг. -en в pinseel "нет, не имеется" при более частом pinsa). Этот не единственный случай меряно-угорских, в частности венгерских, языковых связей обращает на себя внимание тем, что относится к частям речи, которые заимствуются чрезвычайно редко.

Союз

Пока обнаружен только один мерянский союз: мер. *ра "и" - рус. (диал.) едусь поедусь (приветствие во время обеда) <*joluš ra joluš (tenān veze(- -) - juze(- -)) "пусть будет и пусть будет (у тебя еда-питье)" (Костр. губ. - Солигал) СРНГ УШ 349, ср. хант. на "и" (эвет на цухат "девочки и мальчики") [41, с. 79]¹⁴. Связь мерянского и хантыйского языков в области служебных слов, где заимствования происходят очень редко, говорит о существовавших в прошлом тесных и длительных контактах предков мери с предками угров (в том числе ханты).

Частица

Как и остальные служебные части речи, мерянские частицы среди реконструируемых слов представлены в небольшом количестве. К ним относятся: *Joč <*jov "указат. частица вот" - рус. (диал.) ёв "вот" ("ёв как он умеет кататься") (Яр - Щерб) ЯОСК (ср. хант. niw-, ni "быть видным", морд. М нява "указат. частица вон"),

¹⁴ Форма по вместо предполагаемого на вызвана, очевидно, сближением последнего с русской приставкой по-, воспринятой в ее фонетической (акающей) форме.

очевидно, связанное с *няеви "видно" < ф.-уг. *пāk- "видеть, смотреть" [40, с. 184; 46, с. 417]. Скорее всего, синкопированное образование, возникшее на основе формы 2-го л. ед. ч. повел. накл. глагола с семантикой "видеть, смотреть" (типа рус. вишь < *вижь, глядь), которое в силу своей функции указательной частицы, требовавшей произношения в allegro-темпе, претерпело значительные трансформации. В основе, видимо, лежит ф.-уг. *пāk- "видеть, смотреть", которому в мерянском языке, очевидно, соответствовал сокращенный вариант в функции частицы: *пōв < *пāv (э) < *пāвδ/ε- "смотри! глядь! (букв. - вишь!) вот!" (ср. эст. pāe "смотри! вот! глядь!" - 2-е л. ед. ч. повел. накл. pāgema "видеть"). Впоследствии *пōв со среднеязычным п дало при быстром темпе произношения позднейшее *пōц > рус. (постмер.) ѡв. Ареал распространения, как и своеобразие развития слова, не противоречат гипотезе о его мерянском происхождении.

Усилительные частицы -ка и -ки, предполагаемые для мерянского языка, восстанавливаются на основании русских (диалектных постмерянских) частиц -ка и -ки явно финно-угорского происхождения, ср. рус. А я ему да не дамочки земли-то, а он будетки всё-ка воймовать (=просить, требовать) (Яр - Рыб) СРНГ V, 33 - фин. -kaan (-kään), -kin: Vihän tässä mitään asia olekaan (Лассила) "Да тут, собственно, никакого дела и нет"; Imisten tekemänä on tämä konsti ollut ennenkin (Киви) "Эта штука раньше людьми делалась" [12, с. 228-229]; вепс. -ki(-gi) после гласных и звонких согласных): léhngi sōb pesep hiinan "и корова ест эту траву" (Зайц. 297); иж. gā (-gā) (при отрицании), gi (-kki) (при утверждении): emlā kuhne-ga jouvu "мы никуда не успеem"; anna hānellegi "дай и ему" [30, с. 113]; вод. -kā (при отрицании) -ši(-tši) < *ki- (при утверждении): ep kuhkā "никуда"; tulešči "идет же" [31, с. 107; I, с. 134]; эст. -ki(-gi): tulebki "то же"; ei kuhgi "никуда" [31, с. 107]; морд. М -ка (-га)/-ке (-ге): монга молян "и я пойду"; морд. Э -как (-гак), возникшие в результате удвоения исходных морд. -ка (-га): Панжоматкак арасть, кенкшесь жо а панжови "И ключей нет, дверь же нельзя открыть" [51, с. 257; 2, с. 303; II, с. 352-353]¹⁵. Таким образом, отмечаемые в русском говоре на постмерянской территории усилительные частицы -ка и -ки являются скорее всего частицами мерянского происхождения. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, их распространенность на территории, в настоящее время не соприкасающейся с ареалом какого-либо финно-угорского языка и населен-

¹⁵ что касается мар. -ак, то его связь с рассмотренными частями [51, с. 257] ставится под сомнение [9, с. 183-184/].

ной только русскими, а с другой - многочисленными параллели в финно-угорских, прибалтийско-финских и мордовских языках, а также то, что в прошлом место их фиксации было заселено мерей. Дополнительным обстоятельством, говорящим в пользу мерянского происхождения частиц, служит и то, что заимствование служебных слов происходит значительно реже, чем полнозначных (особенно в случае, если их распространение должно было идти из соседнего маловлиятельного языка, каким здесь мог быть только вепсский). Гораздо более естественно предположение, что данные служебные слова сохранились как остатки местного финно-угорского мерянского языка.

Междометие

Пока обнаружено только одно междометие, которое может считаться мерянским. Им является восклицание эмоционального характера, реконструируемое как *vaj! - рус. (диал.) вай (межд.) "возглас удивления" ("Вай, какая сегодня холодная погода") (Яр - Пом; Костр - Сусан) ЯОСК (ср. морд.Э вай "ой! ах! ох!": вай сэреди! "ой больно!", вай, чись кодамо лембе! "ах, день какой теплый!", вай, кулан! "ох, умру."; морд.М вай "ой! ах! ох!": вай, марий! "ой как болит!", вай, шись кодама пара! "ах, день какой хороший!", вай, кулан! "ох, умру."; возможно, также венг. vaj! (vajh! vally-ha!) (книжн. уст. межд., ст. диал. váj, vájh) "выражение в особенности боли, жалоб") /75, с. 39; 40, с. 40; 84, с. 1455; 76, т.3, с. 1069/. В пользу финно-угорского субстратного (мерянского) происхождения междометия говорят как ареал его распространения, совпадающий с бывшей мерянской территорией, так и отсутствие его в других русских говорах (не отмечено в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И.Даля и "Словаре русских народных говоров") при одновременном существовании его параллелей в обоих мордовских языках и, возможно, венгерском. Междометие интересно также тем, что в нем, как и в близкой по функции к междометию частице *joу, можно предположить существование звука ц, в целом нехарактерного для мерянской фонетической системы, где вместо у(ү) и ь употреблялся в артикуляционном отношении промежуточный звук. Предположительное (ограниченное) наличие ц наряду с β, когда ц могло возникать при недостаточно четкой (неполной) артикуляции β, объясняется, видимо, тем, что ц выступало, как правило, только в междометиях и близких к ним по функциям словах, которым свойственны нехарактерные для данного языка звуки, как, например, в русском литературном языке употребление фрикативного г в междометиях ага, ого или в украинском звукоподражательном ге-ге-ге взрывного г, нехарактерных вообще для их фонетических систем.

СИНТАКСИС (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Сведения, относящиеся к синтаксису мерянского языка, касаются пока только синтаксиса словосочетания и простого предложения, что обусловлено крайней ограниченностью дошедших до нас разрозненных мерянских текстов (не более 3-4 частично реконструированных предложений). Как наиболее существенные можно отметить всего две черты из этих областей синтаксиса. Для мерянского, как и для других финно-угорских языков, характерна была, очевидно, обязательная постановка определения (в том числе несогласованного) перед определяемым. Об этом свидетельствуют, в частности, такие примеры, как названия Галичского озера *Néron (рус. Нерон) и р. *Jähren (рус. Яхрен), являющиеся остатками предполагаемых словосочетаний (или возникших впоследствии на их основе сложных слов) *jähren (juk) "(букв. - озера, род.пад.ед.ч.) река", *Néron (jähre)" (букв. - болота, род.пад.ед.ч.) озеро".

Другая важная синтаксическая особенность мерянского языка - употребление связки в именных предложениях. На это, как представляется, указывает обнаруженное в нем словосочетание *ši joñ (рус. (арг.) сиень "есть (букв. - это есть)"), предполагающее не только указательное местоимение, но и сопровождающую его связку - глагол *joñ (фин., эст. on) "есть". Реконструируемые на этом основании мерянские предложения типа *ši joñ i'ejma "Это (есть) корова"; *ši joñ uhma (-š) "Это (есть) белка"; *ši joñ juk "Это (есть) река" построены, в сущности, по принципу аналогичных предложений в финском и эстонском языках, ср. фин. Se on lehmä; Se on orava; Se on joki; эст. See on lehm; See on orav; See on jõgi. Как известно, в остальных финно-угорских языках, в частности мордовских и венгерском, связка в данном случае не употребляется: морд. Э Те минек пиресь "Это - наш сад"; венг. Ez ház "Это - дом". Таким образом, по указанному признаку мерянский язык связан с прибалтийско-финскими языками, отличаясь от других финно-угорских. Не исключено, что поскольку употребление связки "есть" характерно в целом для индоевропейских языков Европы (ср.: нем. Das ist ein Buch "Это (есть) книга"; англ. It is a book; фр. C'est un livre; лит. Tai yra knyga; лтш. Tā ir grāmata; п. To jest książka; болг. Това е книга "то же"), за исключением восточнославянских языков (возможно, как следствие их контактов с неиндоевропейскими), существование связки настоящего времени в прибалтийско-финских и мерянском языках является вторичной особенностью, вызванной сильным влиянием на них синтаксиса индоевропейских языков. Для при-

балтийско-финских это было главным образом влияние балтийских, а затем германских языков. Что касается мерянского, то на нем сказались воздействие прежде всего индоевропейского языка фатьяновцев, растворившегося в нем как субстрат и тем самым повлиявшего на его структуру. Кроме того, не исключено влияние на мерянский со стороны балтийских языков, один из которых, балтийский язык голяди, непосредственно должен был с ним соприкоснуться на границе с юго-западной частью его языковой территории.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение грамматической системы мерянского языка по остаткам, сохранным в русском диалектном языке и его ономастике, позволило обнаружить фрагменты мерянских частей речи и их словоизменительной системы. Из частей речи, хотя бы в самой минимальной степени, смогли быть рассмотрены: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, союз, частица, междометие. Было получено некоторое представление о фрагментах словоизменительной системы имени (большее) и глагола (значительно меньшее). Обнаруженные факты в силу своей отрывочности не дают точного представления о грамматике мерянского языка в целом. С их помощью обнаруживаются только общие, иногда очень размытые, контуры ее системы. Причем это относится даже к тем частям речи и словоизменительным парадигмам, которые поддаются частичному восстановлению.

Однако на настоящей стадии реконструкции есть еще целые части речи и грамматические категории, которые совершенно не поддаются воссозданию. Что касается частей речи мерянского языка, то здесь отсутствуют какие-либо факты, связанные с такой важной частью речи финно-угорских языков, как послелог и, возможно, предлог, если он в мерянском существовал. Ничем не обнаружилась себя в подпадающих реконструкции мерянских пережитках такая важная для финно-угорских языков лексико-грамматическая категория (возможно, даже отдельная часть речи), как изобразительные слова.

Из словоизменительных категорий остаются совершенно неизвестными парадигмы именного (субстантивного) притяжательного склонения, степени сравнения прилагательного, парадигма спряжения глагола в условном (сослагательном) наклонении, не говоря уже о том, что, как и в ряде других финно-угорских языков, состав наклонений мог не исчерпываться только действительным, повелительным и условным. Не исключено, что в мерянском, как и в мордовских и угорских языках, наряду с безобъектным существовало объектное спряжение

глагола. Говорить о его наличии или отсутствии на основании имеющихся реконструируемых данных еще невозможно. Очень отрывочны также факты, связанные с мерянским словообразованием. Можно говорить только об отдельных суффиксах имен: уменьшительном -nä у существительных, абессивном (лишительном) -Doma у прилагательных, глагольно-адъективных (причастных) -в(а), -ш(а), глагольно-субstantивном -ша. Неизвестными остаются формы страдательных причастий мерянского языка и возможного деепричастия. Можно пока только строить предположения и о конкретной форме мерянского инфинитива.

Тем не менее и при остающихся многочисленных пробелах имеющихся фактов достаточно, чтобы на их основании позволить себе сделать предварительные выводы о грамматической специфике мерянского языка и в связи с этим — о его месте среди финно-угорских языков. Большинство реконструируемых фактов определяют мерянский язык как наиболее тесно связанный с прибалтийско-финскими, мордовскими и марийским языками. Его срединное лингвогеографическое положение между ними хорошо согласуется с таким же промежуточным, как бы переходным, положением мерянской грамматической системы, — как именной, так и глагольной, — между грамматическими системами этих языков. На основании реконструированного материала можно решительно утверждать, что высказывавшиеся в прошлом мнения об особенно тесной близости между мерянским и марийским языками обнаруженными грамматическими особенностями мерянского не подтверждаются. В частности, это видно на примере именной парадигмы, где 9-ти (10-ти с вокативом) восстанавливаемым падежам мерянского, а в действительности, очевидно, их количество было еще больше, противопоставит 8 (9 с вокативом) падежей марийского. Четкое, по-видимому, различение внешнеместных и внутреннеместных значений, сближающее мерянский с прибалтийско-финскими языками, отсутствует в марийском. Как финно-угорский язык Центральной России, наиболее близкий к прибалтийско-финской группе, мерянский отличается целым рядом черт, именных и глагольных, также от мордовского языка. В целом его специфика определяется не столько своеобразными явлениями (они касаются, как правило, только малосущественных черт), сколько неповторимым сочетанием тех особенностей, которые в отдельности свойственны и другим родственным языкам, а иногда их своеобразным развитием (ср. варианты *jol- :u1* у мерянских рефлексов ф.-уг. *wolg- "быть").

Кроме явно преобладающих черт родства с прибалтийско- и волжско-финскими языками, у мерянского есть отдельные черты, говорящие также о его тесных связях с угорскими языками (ср. показатель

мн.ч. -к, сходный с венгерским; союз ра "и", общий с хантыйским). Хотя количество этих общих явлений в целом невелико, все они - результат не эпизодических, а, напротив, длительных и непосредственных контактов, так как только они могли коснуться таких малопроницаемых сфер, как грамматический строй языка и служебные слова.

Поскольку меря жила вдали от угорских народов и с ними непосредственно не общалась, время возникновения отмеченных меряно-угорских (в том числе меряно-венгерских) общих явлений, возможно, результата взаимовлияний, следует отнести к периоду до переселения протомерянских финно-угорских племен с финно-угорской прародины на их историческую территорию. Очевидно, именно там, на финно-угорской прародине или где-то в непосредственной близости от нее общие явления могли развиваться. Поэтому можно предположить, что, входя в состав финно-пермских племен, протомеряне в этот период располагались на их крайнем восточном рубеже, а это сделало возможным их контакты с прауграми, в том числе с протовенграми.

Мерянский язык, по имеющимся данным, относится к числу бес-
 текстных. Этим во многом определена специфика источников сведений
 о нем и критериев, помогающих выделить его элементы и хотя бы фраг-
 ментарно реконструировать его как систему, в том числе лексическую.
 Трудности, возникающие при системной реконструкции лексического со-
 става мерянского языка, состоят в сложности разграничения мерянско-
 го и инофинно-угорских словарей как в их исконных элементах, так и
 в возможных заимствованиях, где не исключены случаи полного фор-
 мального и семантического совпадения. При смежности родственных
 языков, возможности массовых миграций их носителей и недостаточно
 точных данных о границах бывшей мерянской языковой территории та-
 кая слабая или нулевая дифференцированность предполагаемых мерян-
 ских и инофинно-угорских лексем может вызвать сомнение, относится
 ли то или иное слово к исконной мерянской лексике, принадлежит ли
 к заимствованиям из какого-либо родственного языка или является
 результатом переселения носителей соседнего финно-угорского языка
 на мерянскую территорию и в состав мерянской лексики никогда не
 входило. Не менее сложно выяснить состав нефинно-угорских лексиче-
 ских заимствований мерянского, что необходимо для полноты представ-
 ления о его словаре.

Основным общим источником сведений о мерянской лексике являет-
 ся пока русский язык. Хотя не исключена возможность обнаружения ме-
 рянских заимствований в финно-угорских языках, особенно смежных в
 прошлом с мерянским, история его носителей позволяет считать, что
 по сравнению с русским языком число заимствований из мерянского в
 финно-угорских языках значительно меньше, поэтому их роль может
 быть лишь вспомогательной. Лексика мерянского языка отражена рус-
 ским языком в двух видах - материальном и калькированном. Конкрет-
 ными источниками обнаружения материальных включений мерянской лек-
 сики в русском языке служат связанные преимущественно с постмерян-
 ской территорией апеллятивы диалектов, апеллятивы социолектов (ар-
 го), топонимы и этнонимы. Калькированная полностью или частично

лексика представлена преимущественно в диалектах и социолектах. Частично оба вида мерянизмов из диалектного и фольклорного могли войти в литературный русский язык.

История мерянских слов отражена в одновременности их проникновения в русский язык и фиксации в его памятниках. Локальные различия слов свидетельствуют об их диалектных вариантах. Итак, указанные источники дают довольно разнообразные сведения о мерянской лексике. Однако поскольку эти сведения извлекаются не из связанных мерянских текстов, а из русского языка, где мерянская лексика представляет собой разрозненные вкрапления и где ее еще надо обнаружить, неизбежно возникает вопрос о критериях ее определения.

Общими критериями определения лексики мерянского происхождения в русском языке и ее идентификации в качестве финно-угорской являются сопоставительно-типологический (черты отличия от лексики славянского происхождения) и сравнительно-исторический (черты сходства с лексикой финно-угорских языков). Чтобы найти элементы мерянского происхождения в русской лексике (и ономастике), приходится идти путем постепенного исключения всего немерянского в ней: 1) славянского; 2) неславянского, но и не финно-угорского; 3) финно-угорского, однако не мерянского, кроме того, что могло быть заимствовано из соответствующих языков в мерянский. Оставшиеся после отсева, в том числе заимствованные, элементы должны быть окончательно обоснованы в качестве мерянских и реконструированы в своей исходной форме. Установление собственно мерянской принадлежности лексики опирается при этом на частные критерии внешнего и внутреннего порядка. К внешним принадлежат критерии социолингвистический (ориентация мерянской лексики как субстратной на социологически "низкие", особенно в апеллиативах, слои словаря — конкретные детали местной природы, быта, реалий, элементы просторечия и вульгаризмы), лингвогеографический (связь лексики с постмерянской территорией), лингвисторический (зависимость от обстоятельств внешней истории языка — миграций его носителей и приемников его элементов, связей мерянского с другими языками и т.д.). К внутренним критериям относятся особенности структурных уровней мерянского языка, выделяющие его на фоне других финно-угорских языков: фонетического (переход гласных новых закрытых слогов в гласные более высокого подъема: $a > o$, $o > u$, $\bar{e} > e$, $e > i$ (*urka < *oraga "белка", *palo > *pol "деревня" и т.п.; согласный β , инициальное ударение, отсутствие звука χ), морфологического (формантный) (варианты **jol-*: **ul-* у глагола "быть" — *joluš "пусть будет; **ul'* "был"), семантико-типологического (*ulšims "умирать" < "становиться бывшим" от *ulša "быв-

ний"). Учет всех или части упомянутых критериев, указывающих на мерянское происхождение слова, позволяет с большей или меньшей долей вероятности относить его к уже рассмотренным исконным или заимствованным элементам мерянского языка.

Восстановление первоначального облика мерянских слов, сохранных в русском языке иногда в одной из застывших "несловарных" форм (галич. (арг.) Нерон "Галичское озеро", род.п.ед.ч. от мер. *него "болото") или обросших русскими формантами (костр. при-о-ту-доб-еть "окрепнуть" < "прийти в себя" от мер. *tudova "(осо)знавший"), требует снятия позднейших наслоений и объяснения структуры слова. Методы внешней и внутренней реконструкции, применяемые при этом, дают возможность воссоздать соответствующие мерянские лексемы в предполагаемой исходной форме большей или меньшей хронологической глубины.

Ввиду того что для решения вопроса о происхождении слова и принадлежности его к мерянскому языку оно должно быть предварительно подвергнуто этимологическому анализу, рассмотрению устанавливаемой в настоящее время мерянской лексики в целом должна предшествовать ее этимологическая аргументация в качестве мерянской, исконной или заимствованной.

В силу специфики исследования мерянской лексики данная глава должна состоять из двух частей – собственно этимологической и лексикологической. В первой части основная задача – этимологическое доказательство мерянского происхождения ряда слов. Во второй части, которая является выводами из первой, реконструируемая мерянская лексика должна быть рассмотрена в целом как система с точки зрения ее происхождения, в том числе взаимосвязи с другими финно-угорскими (и уральскими) языками в ее исконных элементах, а также в ее принадлежности к определенным тематическим группам.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МЕРЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Андоба (приток р. Костромы) < мер. *anDova/*anDovā "кормящий (-ая, -ее)" – фин. antava "дающий(-ая, -ее)", эст. andev "то же" с формантом -v(a) < *-pa [36, с. 350], форма, имеющая прямые грамматические соответствия только в прибалтийско-финских языках и связанная с глаголом anda- "кормить" < "да(ва)ть" финно-угорского происхождения (ср. фин. antaa "да(ва)ть", эст. andna "то же", саам. Н vuov'det "продавать", морд. андомс "кормить", удм. удны "напоить, подать пить", коми удны (в парном слове верды-удны "кормить-по-

ить", где вердны "кормить"), венг. adni "да(ва)ть; прода(ва)ть" < ф. -уг. *amta- "да(ва)ть"). Восстанавливаемая семантика, наиболее вероятная для речного притока, "кормящего" своими водами реку, в которую впадает, ближе всего стоит к значению соответствия андомс в мордовских языках (ОБУЯ 418; КЭСЯ 295-296; SKES 120; MSzFUE 169).

Анка "галка" (Костр - Нерехт) ЯОС I 29 < *vuka. Слово, очевидно, субстратного финно-угорского, причем мерянского, происхождения, о чем свидетельствуют как отдаленность района, в котором оно зафиксировано, от других финно-угорских языковых территорий при одновременной его связи с областью распространения мерянского языка, так и своеобразие его формы. Слово не обнаруживает соответствий в территориально близких (в настоящем или прошлом) финно-угорских языках "восточной" ориентации (ср. мар. чага "галка", морд. чавка, коми чавкан, тывкан, удм. чана, венг. са́бка), зато есть явные связи со словами, обозначающими ту же птицу в прибалтийско-финских языках (ср. фин. pookka "галка", кар. pookka, лив. pookku, лад. puaк, puaкке, puaкку, вепс. pаk, pа́k, эст. (диал.) pakk и (лит.) pakk). "Этимологический словарь финского языка" определяет слово как звукоподражательное (SKES II 362), то же относится к названным словам остальных финно-угорских языков, по определению других финно-угорских этимологических словарей (КЭСЯ 300, MNTESz I 547-548), однако нельзя не заметить, что по фонетическому облику мерянская лексема гораздо ближе к соответствующим прибалтийско-финским словам. Видимо, если в основе финно-угорских слов, обозначающих галку, лежало звукоподражание, то принцип этого звукоподражания был разным в прибалтийско-финских языках, с одной стороны, и волжско-финских, пермских, а также в венгерском - с другой. Постмер. анка можно рассматривать или как форму, находящуюся в отношении метатезы к фин. pаакка (и его соответствиям), причем трудно с определенностью сказать, какая из форм первична (вполне возможно, судя по "восточным" финно-угорским параллелям, что мерянская), или как форму, связанную с эстонской. В последнем случае обе формы можно было бы рассматривать как отклонившиеся от своей исходной праформы: мерянскую - в связи с утратой инициального согласного, эстонскую - в связи с синкопированием конечной части в качестве видоизменившейся первоначальное -η(-) в -kk. Не исключено также, что мер. (позд.) анка является как бы связующим звеном между словами "восточных" (пермских, угорских, волжских) и "западных" (прибалтийско-финских) языков. Ввиду того что прибалт.-фин. h может отражать первоначальное š, а в некоторых случаях и č, а морд. v (v) являться отражением первичного (или диалектного) -η, вполне вероятно,

что в основе мер. (поздн.) *а_лка, как и эст. haak, лежит исходное *ба ка, в дальнейшем в силу утраты смычки перешедшее в *ба_лка, преобразовавшееся в *(h)а_лка. Лексема с утраченным h- могла дать в прямой форме поздн. мер. *а_лка, а в форме, подвергшейся метатезе, фин. naakka. Лексема, сохранившая инициальное h-, могла в эстонском языке дать haak. Как бы то ни было, связь рассматриваемого слова с финно-угорскими (в особенности прибалтийско-финскими и марийскими) языками не вызывает особых сомнений.

К числу субстратных индоевропейских включений относится, видимо, рус. (диал.) бени (бини, венетки) / бянки (вянки) "(преимущественно) род вил" — слово, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения. В своих фонетических и словообразовательных вариантах оно распространено главным образом на территории бывшего проживания мери (в Московской, Владимирской, Ярославской, Ивановской, Костромской обл. и быв. Владимирской и Костромской губ.), а также к востоку от нее (в Куйбышевской и Пензенской обл. и быв. Самарской, Пензенской, Вятской, Сибирской и Нижегородской губ.), что могло быть следствием переселения жителей упомянутых областей Центральной России на восток. Однако в пользу заимствованного характера слова и его связи с бывшей мерянской территорией свидетельствуют не столько особенности его распространения, сколько данные этимологического анализа.

Рассматриваемое слово засвидетельствовано в основном с кругом тесно взаимосвязанных, узкоспециальных значений, но в нескольких фонетических вариантах, где его основа выступает в формах бни-/бэн-/бнн-/вни-/вэн-. Обе особенности говорят о том, что оно носит заимствованный характер, с чем, как известно, связаны, с одной стороны, конкретность значений, их относительная неразветвленность, а с другой — шаткость формы слова, в частности фонетической, которая не может быть передана точно средствами заимствующего языка и поэтому невольно вызывает появление нескольких вариантов его передачи. Поскольку каждый из вышеуказанных фонетических вариантов слова, как правило, имеет также несколько словообразовательных вариантов, связанных нередко с особыми семантическими оттенками, слово выступает в целом ряде конкретных фонетико-словообразовательных форм и значений: 1) бны (мн.) "небольшие вилы для разбрасывания навоза в поле" (Влад. губ.) СРНГ III 360; 2) бянка (ж.р.) "вилы для ворошения соломы" (Моск) СРНГ III 360; 3) бянки (мн.ч.) "короткие с тупыми зубьями вилы для уборки соломы на току при молотье" (Моск. обл., Пенз., Вят., Сиб. губ.) СРНГ III 360; "железные вилы с тремя зубьями" (Влад. губ.) СРНГ III 360;

"вилы для подачи, складывания соломы при молотье" (Костр) КОСК; "деревянные вилы с двумя зубьями" (Яр) ЯОСК; "вилы с двумя зубьями для разбрасывания навоза" (Нижегор. губ.) СРНГ III 360; "скулы" (очевидно, переносное от первоначального значения "двурогие вилы", ср. укр. виліці "скулы (букв. - (маленькие) вилы)") (Костр - Солигал) ЯОСК; 4) бяньки (мн.) "деревянные вилы с двумя зубьями для уборки соломы при молотье" (Вл. губ.) СРНГ III 360; "вилы для ворошения сена или соломы на гумне" (Яр., Моск.) СРНГ III 360; 5) бечечка (ж.р.) "вилка какая?" (Яр) ЯОСК; 6) бяньшки (мн.ч.) "двурогие вилы" (Яр) ЯОСК; 7) беньки (мн.ч.) "вилы, которыми ворошат сено при сушке; вилы, которыми заправляют навоз под пласт земли во время пахоты; деревянные двурогие вилы, которыми трясут солому во время молотьи" (Яр) ЯОСК; 8) беньки (мн.ч.) "рогатки для подавания снопов" (Костр) МКНО; 9) беньги (мн.ч.) "деревянная палка с развилиной на конце, используется для переворачивания сена во время сушки" (Яр) ЯОСК; 10) бени (мн.ч.) "накладка на телегу, сделанная в виде сенок, служит для перевозки сена, соломы; вилы железные, деревянные с тремя, четырьмя зубьями, которыми накладывают сено, солому, навоз; вилы с двумя длинными зубьями; особый род вил с короткими рожками, которые используются для разрыхления земли при копке гряд" (Яр) ЯОСК; "вилы трехрогие с длинным чернем с отогнутым средним рогом для подачи сена высоко" (Костр) КОСК; 11) бенины (мн.ч.) "то же, что бени" (Яр) ЯОСК; 12) беницы (мн.ч.) "вилы; трехрогие вилы" (Костр) КОСК; 13) бяни (мн.ч.) "двурогие вилы для разбрасывания навоза на поле" (Яр) ЯОСК; 14) вянки (мн.ч.) "вилы небольшие двурогие, тупые" (Костр) КОСК; "короткие навозные вилы" (Костр., Пенз. губ.) СРНГ VI 79; "особого рода тупые вилы для перетруски колоса на току во время молотьи" (Симб., Пенз., Самар. губ.) СРНГ VI 79; "небольшие тупые вилы в два зуба для подачи и перетруски снопов на току при молотье" (Симб., Пенз. губ., Куяб. обл.) там же; 15) вечечки (мн.ч.) "двурогие деревянные вилы, которыми трясут солому при обмолоте" (Костр) ЯОСК.

Учитывая многообразие форм слова и его семантику, следует признать необудительной попытку М. Фасмера объяснить его как чисто славянское по происхождению и связанное с глаголом вить исходя только из двух форм бянки (вянки) и без достаточного учета семантики: "бянки, вянки, мн. "вилы", влад. и вост.-с.-в.-р.; см. Филлин (Исследование о лексике русских говоров. М., 1936). 121. Возм. из обвивацьки от вить?" [91, с. 262]. Для значения слова связь с глаголом вить представляется в лучшем случае факультативной, скорее же всего - чисто случайной, основанной только на внешнем,

звуковым сходстве. Гораздо более характерным для семантики слова, чаще всего обозначающего разные виды вил, является то, что, как правило, у большинства его форм имеется значение "двурогие вилы; вилы в два зуба; рогатка, то есть также развилка с двумя зубьями, рогами". Из 15 приведенных выше форм это значение имеют 11, то есть 73 % (бянки, бяньки, бяняшки, бэньки, бэньки, бэньги, бэни, бенины, бэни, вянки, вэнячки) и только четыре, то есть 27 % (бяны, бянка, бэнячка, бэницы), этого значения не обнаруживают, по крайней мере отчетливо, по-видимому, его утратив. Есть основания предположить, что первоначальным было значение "двурогие вилы; вообще какой-либо предмет, включающий две части" (ср. бэни "накладка в виде саней", иными словами - с двумя полозьями), значение же "вилы вообще (в том числе с тремя, четырьмя зубьями)" развилось позднее¹. В пользу этого говорят как явно доминирующее в семантике слова значение "двурогие вилы; (реже) вообще предмет, состоящий из двух частей", так и его формальное сходство с целым рядом этимологически связанных лексем индоевропейских языков, также имеющих значение "что-либо двойное (его часть); два", ср.: лит. *dvūnas, dvūnūs* "двойня, близнец", латыш. *dvīnis* "близнец", дсакс. *twēne*, англ. *twain*, дн. *zwēne* "два", лат. *binī* "двое, по два", псл. **a(š)vina*, друс. двина "единоутробный брат", рус. (диал.) двина, двины "две полосы (земли) рядом", псл. **a(š)vēnъku* > болг. (ст.) двенки "двое, две". Несмотря на возможные расхождения между приведенными словами, проявляющиеся в их корневом вокализме, а иногда даже в самом строении слова (лат. *binī*, напр., выводит главным образом из *quis-no-* (walde I, 106), тогда как в других приведенных словах суффиксальное *-n-* следует непосредственно за гласным корня), между ними существует несомненная этимологическая связь, которая, очевидно, распространяется и на русское слово, не являющееся, по-видимому, по своему происхождению финно-угорским.

Однако безоговорочному принятию связи слова бэни (бэни, вэнячки) / бянки (вянки) с приведенной группой этимологически связанных индоевропейских слов препятствуют при несомненном семантическом сходстве и определенной формальной близости расхождения между рассматриваемой лексемой и данной группой, проявляющиеся в непонятной с точки зрения индоевропейской и славянской фонетики ва-

¹ Не исключено, что толчком для подобного семантического развития послужили переходные случаи типа бэни "вилы трехрогие с длинным чернем с отогнутым средним рогом для подачи сена высоко" (Костр) КОСК, где к двум рогам как бы присоединяется вспомогательный (здесь - поддерживающий сено).

риативности начала русского диалектного слова и его корневого вокализма. Если объяснять слово как непосредственное заимствование из какого-то индоевропейского языка, то эти вопросы остаются без ответа так же, как и вопрос о связи славян с носителями этого языка, поскольку к X в. н.э., моменту появления восточных славян на бывшей мерянской территории [10, с.5], там, кроме финно-угорского мерянского населения, не проживало никакого другого, в том числе индоевропейского. Можно предположить, что данное слово попало в славяно-русский язык непосредственно из мерянского, представляя собой в последнем одно из реликтных слов, проникших из субстратного индоевропейского языка того населения, которое финно-угорские предки мери застали на территории Центральной России при переселении на запад из своей (западно)уральской финно-угорской прародины и которое впоследствии ассимилировали, перенимая часть элементов его языка. Речь идет о представителях так называемой фатьяновской культуры, в основном скотоводов, живших на территории, позднее занятой мерей, в первой половине 2-го тыс. до н.э.² Заимствование рассматриваемого слова в мерянский язык представляется вполне естественным в связи с особенностями занятий обеих этнических групп. Относящееся к оседлому скотоводству, заготовке для скота кормов на зиму, оно было связано с новой для мери - первоначально охотников, рыбаков и собирателей - хозяйственной деятельностью, которой она училась на новом месте у своих предшественников. Вместе с новым понятием было заимствовано и новое слово. Однако попав в язык с совершенно другой фонетической и грамматической структурой, оно подверглось различным преобразованиям, что не противоречит данным, известным в настоящее время об особенностях финно-угорских языков, в частности мерянского.

Исходя из того, что начало предполагаемого индоевропейского слова должно было выступать в одном из трех вариантов - *du(w)-, *b- (ср. лат. bInī <*dīs-no-) или *dw-/*dv- - и того, что известно о фонетических особенностях финно-угорского мерянского языка, можно реконструировать исходную форму индоевропейского "фатьяновского" слова и представить себе преобразования, которым оно подверглось в мерянском языке.

В мерянском, как и в целом ряде финно-угорских языков, по-ви-

² Возможно, что именно с индоевропейским языком фатьяновцев связано, в частности, название крупной реки региона Ока, сближаемое М.Фасмером с гот. аша "река", дивн. аша "вода, река", лат. aqua "вода" (Фасмер III 127). Есть и другое мнение, согласно которому данное название восходит к основе *ak- "глаз; источник" и является по происхождению балтизмом [66, с. 200].

димому, были возможны только глухие взрывные фонемы, частично озвончавшиеся только в середине слова - между гласными или гласным и сонантом³, поэтому и-е. *du- и *b- должны были бы здесь дать соответственно tu- и p-> рус. (постмер.) ту- и п-. Поскольку формы рассматриваемого слова не имеют подобного начала, наиболее вероятно считать их отражениями индоевропейского слова, начинавшегося звукосочетанием *dw-/dv-. В мерянском как в финно-угорском языке, допускавшем не более одного согласного в начале слова, это звукосочетание должно было упроститься в *w-/v-⁴. Однако поскольку здесь, по-видимому, не существовало звука w или v, а наиболее близким к нему по артикуляции являлся звук β, занимающий промежуточное положение между b и v(w), и-е. *v-(*w-) в мерянском языке должно было передаваться звуком *β, чуждым русской фонетической системе и поэтому передаваемым как б, так и в, ср. бянки/вянки, бени(б-ни)/венечки. Подобную вариативность встречаем в русском при отражении того же звука (β-исп. y, орф. ь) в испанском языке, ср. Куба (исп. Cuba), кабальеро (исп. caballero), но Гавана (исп. Havana), Кордова (исп. Cordoba). Наличие -д- в ряде русских форм слова (бянки, бяньки, вянки), которым передавалось, видимо, мер. -ä- (ср. рус. (яросл.) вяха "мало, немного" - эст. vähe "то же"), заставляет предположить, что исходным корневым гласным соответствующего индоевропейского слова был также -ä- или очень близкий к нему звук. Очевидно, не претерпел сколько-нибудь заметных изме-

³ Об этом свидетельствуют топонимы мерянского происхождения, где в начале слова, если это не сонанты, как правило, возможны только глухие взрывные t-, p-, k- (ср. р. Томь (Костр. - Солигал) - фин. tammi "дуб", р. Понга (Костр - Кологр) - мар. понтэ "гриб", р. Кера (Костр - Нерехт) - морд. Э керь "дубок, гора"), а также случаи, когда в русских (постмерянских) говорах звонким взрывным (несонантам) литературного языка и других говоров соответствует глухие (ср. рус. (яросл.) падог - багот, папа - баба, кацана - гадда, тедломат "пальто в талию; пальто вообще; женское зимнее и летнее полу пальто" - (донск.) дипломат "демисезонное пальто в талию; от талии с разрезом сзади (мужское), без разреза (женское)").

⁴ Это правило, соблюдавшееся особенно строго в финно-угорском языке, впоследствии стало частично нарушаться за счет: а) изобразительных слов (мар. крак-крак "карканье вороны"); б) заимствований (удм. крап "кран"); в) новообразований, вызванных фонетическими процессами (морд. Э пря < ст. пиря "голова") /34, с. 119/. О существовании той же фонетической особенности в мерянском языке, помимо мерянских по происхождению топонимов, свидетельствуют диалектные слова славянского происхождения из русских (постмерянских) говоров, где нередко в результате упрощения из сочетания нескольких согласных в начале слова остается только один, ср. моргать < сморгать (КОСК); (напыхать < (на)страхать "(на)пугать" (ЯОСК); мотреть < смотреть (ЯОСК); пасибо < спасибо (ЯОСК); ричать < кричать (ЯОСК) и т.п.

нений и допустимый для индоевропейского слова конечный согласный основы -п-, поскольку этот сонорный свойствен как русской, так и мерянской фонетике⁵. Ввиду смягчения -п- (рус. -н-) в целом ряде форм слова (бени, бини, беньки, беньги, бяньки) следует полагать, что в субстратном индоевропейском языке оно заканчивалось гласным -i-, который мог впоследствии быть утрачен в мерянском или русском языке, вызвав смягчение предшествующего согласного. В пользу -i как показателя множественного (или двойного) числа слова может свидетельствовать и то, что целому ряду индоевропейских языков (к ним, очевидно, относился и данный индоевропейский) свойственно явление *pluralia tantum*, ср.: рус. ворота, грабли, вилы, ножницы, сани; лит. dūmai "дым (букв. - дым)", vartai "ворота", šakės "вилы", durys "дверь (букв. - двери)" - укр. двері, п. drzwi, žiklės "ножницы"; латыш. dūmi "дым (букв. - дым)", vārti "ворота", āķas "ил (букв. - илы); грази", dušas "гнев, злость (букв. - гнев, злость)", rati "телега (букв. - колеса)" - белор. калёсы "телега"; лат. arma "оружие (букв. - сружия)", litterae "письмо (букв. - буквы)", foculi "книжные полки", dirae "зловещие признаки, страшные предзнаменования; проклятия", braciae "брюки, шаровары", capri "седые волосы, седина", oreae "удила". Рассмотренные факты позволяют в целом предположить для исследуемого индоевропейского слова форму *dʷāni/*dʷāni (ср. семантически и этимологически близкое рус. двойни), которая при заимствовании мерянским языком должна была дать слово *vāni.

Русские диалектные слова в сопоставлении с данными мерянского и других финно-угорских языков дают возможность представить основные этапы развития слова *vāni в мерянском языке и причину многообразия его формально-фонетических отражений в русских говорах.

В исследуемом слове обращает на себя внимание вариативность начального б-/в- и корневого -н-/е-/и-. Если причина появления вариантов с б- и в-, коренящаяся в двойности передачи чуждого русской фонетике мер. β-, стала уже ясна, то факт двойственного вокализма, не нашедший объяснения в рассмотренных данных, еще требует своего истолкования.

Вряд ли случайно распределяются варианты с -н- и -е-/и- между двумя разными словообразовательными вариантами слова - с суффиксальным -к-, следующим непосредственно за корневой частью слова, и теми, где суффиксальное -к- или вообще отсутствует, или вхо-

⁵ Ср. топонимы мерянского происхождения: оз. Неро (Яр), р. Нельда (Костр), р. Шорна (Иван), р. Шенбалка (Яр) и т.п.

дит в состав сложных уменьшительных суффиксов типа -чк-, -шк- и под., причем отделенных от корневой части слова каким-либо гласным. Среди 15 рассматриваемых форм абсолютно преобладающим является следующее распределение: в подавляющем большинстве случаев вокализм -д- свойствен формам с непосредственно следующим за корнем -д- (бянка, бянки, бяньки, вянки), вокализм -э/-д- — тем формам, где подобное -к- отсутствует (бэнечка, бэняшки, бэни, бэницы, бэнины, бэни, бэнечки). Формы, где вокализм распределяется по противоположному принципу (бэньки, бэньки, бэньги, бэньи), находятся в меньшинстве и могут быть результатом позднейших аналогических выравниваний. Поскольку явление яканья для северно-русских говоров не характерно, к тому же в русском языке оно зависит в основном от ударения, а не от наличия или отсутствия какого-либо суффикса при сохранении ударения на том же корневом (начальном)⁶ слоге, причину вариативности корневого вокализма слова следует искать, видимо, в особенностях мерянского языка и его исторической фонетики.

Как позволяют предположить русские диалектные отражения реконструированного мерянского слова *raáni, оно претерпело в мерянском языке ряд фонетических и грамматических изменений. Поскольку явление *pluralia tantum* не характерно для финно-угорских языков⁷, в которых часто даже отдельные предметы, образующие пару, передаются единственным числом⁸, на индоевропейскую форму множественного числа, воспринимавшуюся в мерянском как форма единственного, в случае необходимости передачи множественного должен был наращиваться собственный мерянский показатель множественного числа. Таким образом, для слова, выступавшего в индоевропейском языке только во множественном числе, в мерянском должны были появиться две формы — единственного и множественного чисел. Первоначально, по-видимому, в каждой из них сохранялся гласный, следующий за корнем, и они ничем не различались в корневом вокализме. Однако впоследствии, как и в целом ряде других мерянских слов, особенно заканчивающихся

⁶ Мерянскому, как и многим другим финно-угорским языкам, было очевидно, свойственно инициальное ударение, подтверждаемое, в частности, данными топонимов с бывшей мерянской территории, ср. Неро, Яхрома, (диал.) Кострома, Костома, Чухлома, Кинешма и т.п.

⁷ Только в некоторых из них, в частности мордовских, в последнее время под сильным влиянием славянских языков *pluralia tantum* начинают калькироваться в заимствованиях, ср. морд. Э ортат (мн.ч.) "ворота", очевидно, от исходного орта < рус. ворота.

⁸ Ср. венг. azem "глаз; глаза (букв. — глаз)" и felazem "глаз (одна)" (букв. — полглаза)", когда надо подчеркнуть единичность.

гласным высокого подъема, конечный гласный формы единственного числа, видимо, исчез⁹ и между вокализмом обеих форм должно было возникнуть расхождение, поскольку гласный одного и того же слова сказывался то в открытом, то в новом закрытом слого. В последнем случае, по-видимому, гласный вначале удлинялся, а затем через ступень сужения переходил в другой гласный, более высокого подъема: a → o: *-balo → *vāl → (-)*Vol "деревня"; o → u: *ogava (ср. фин. ogava) → *ōgva → *ōgma → рус. (диал. < мер.) урма "белка"; e → i: *eleDoma → *ēl' Doma → il' Doma "без жизни" (ср. д. Элино (Костр. губ.) - р. Ильдомка (Костр. обл.)). Исходя из отмеченной закономерности, можно полагать, что слово *řāni, утратив конечный гласный, должно было через стадию удлинения и сужения в образовавшемся новом закрытом слого изменить корневой гласный, заменив открытое ā его соответствием в более высоком подъеме e (закрытым), которое могло восприниматься славянами как местный северно-русский рефлекс ѣ. Таким образом, и в данном случае, аналогичном приведенному выше, проявилась указанная фонетическая закономерность мерянского: ā → e (*řāni → *řāi → *řei "двурогие (деревянные) вилы"). Однако вариант с корневым e в мерянском языке мог быть свойствен, очевидно, только форме единственного числа. В форме множественного, где сохранение конечного гласного (скорее всего, редуцировавшегося) было необходимо, поскольку он находился между конечным согласным корня и финно-угорским показателем множественного числа, передававшимся согласным или звукосочетанием с начальным согласным¹⁰, корневой слог оставался открытым, поэтому гласный в нем не изменялся. Так в мерянском языке могло возникнуть противопоставление корневого вокализма слова: *řei (ед. ч.) - *řāi (мн. ч.). Формы русского диалектного слова, продолжающего и отражающего мерянское, дают возможность допустить, что показателем множественного числа в мерянском было -k, следовательно, развитие форм слова в единственном и множественном числах могло протекать следующим образом: *řāni (ед. ч.) - *řāni-k (мн. ч.), *řei (ед. ч.) - *řāiē-k (мн. ч.).

При вхождении в контакт с мерей и включении ее слова в свой язык восточные славяне и *řei и *řāiēk должны были воспринимать

⁹ Ср. следующие реально засвидетельствованные или реконструируемые с большой долей вероятности случаи: *oli > *ul "был"; *joloze (ед. ч.) > *joluš (ед. ч.) "пусть будет"; (-)balo > (-)bol "деревня".

¹⁰ Ср. -t (для прибалтийско-финских, мордовских и обско-угорских языков); -vāk, -mūt, -da (для марийского); -(o)c/-(ē)c (для пермских); -k (для венгерского).

как единственное число, поскольку внешне обе формы отождествлялись только с ним (ср. *зеи и дѣнь, тѣнь и под.; *рѣѣкъ и дѣнькъ, пѣнькъ, где также наблюдается значительное сходство при расхождении в ударении). Однако поскольку для славян применение единственного числа по отношению к сельскохозяйственному орудью с двумя или несколькими частями было неестественным и требовалось множественное число по образцу названий для подобных реалий (ср. вилн, грабли, ножницы, саби и под.), обе лексемы были преобразованы в формы множественного числа наращением показателя множественности -и (-и). Так, мер. *реѣ дамо друг. *бѣни/вѣни, что впоследствии отразилось в бѣни, бѣни, вѣнечки, а мер. *рѣѣкъ - друг. *бѣньки/вѣньки, давнее позже бѣньки, бѣнка, вѣнки и под. Параллелизм форм *pluralia tantum* без -к и с ним воспринимался как вполне естественный, поскольку у славян уже были подобные, внешне похожие образования (сан-и - сан-х-и). В наращивании своего показателя множественности на форму множественного числа другого языка также нет ничего удивительного, поскольку в русском языке эта особенность как естественно действовавшая грамматическая тенденция обнаруживается и позднее, ср.: рус. розан "цветок розн" < нем. *Rosen* "розы" - розан-н (мн.ч.)¹¹; пампас-н "кжноамериканские степи" < исп. *rampa*, мн.ч. *rampas* "то же"; сельвас-н "влажные экваториальные леса в Южной Америке" < порт. *selva* < лат. *silva* "лес", мн.ч. *selvas* "сельвасн, тропические леса"; бутс-н "ботинки с шипами на подошвах для игры в футбол" < англ. *boot-в* (мн.ч.) "ботинки; бутсн" < *boot* (ед.ч.) "ботинок; бутс".

Вывод о возможности существования в мерянском показателя множественного числа -к (-к) подтверждается, кроме приведенного случая, самого по себе довольно убедительного, другими, вполне вероятными, хотя и требующими дальнейшей проверки, примерами. Речь идет о зафиксированных на бывшей мерянской территории словах, либо имеющих с точки зрения русского языка форму единственного числа на -к, но значение множественного числа, либо обладающих дублетностью форм без -к и с -к во множественном числе (без расхождения в семантике между обеими формами), ср.: I) кипок "(яросл., костр.) два столбика, на которых утверждается голбец в избах"¹²;

II Существует и другое объяснение: < нем. (ст.) (der) *Rosen* (=Rose) "роза" (Фасмер III 494).

¹² Этимология слова пока не выяснена.

2) пáн-н, пáн-к-и "(костр.) курганы" (судя по археологическим раскопкам, с захоронениями мери)¹³.

Завершая рассмотрение данного слова, стоит специально остановиться на вопросе о времени его включения в русский язык и причине, вызвавшей это. Все приведенные выше факты склоняют к мысли о том, что слово как отразившее еще существовавший, по-видимому, в качестве отдельной фонемы ѣ, а возможно, и редуцированные (в частности, ь, ср. субституцию предполагаемого мер. ә) можно отнести к числу наиболее древних мерянских включений в русский язык, относящихся еще к древнерусскому или непосредственно следующему за ним периоду.

Что касается вопроса о причине заимствования, то она могла быть двойной. С одной стороны, в данном случае речь шла об одном из слов, наиболее прочно вросших в быт местного населения, его специфику, а такие слова чаще всего сохраняются даже при полном переходе на новый язык. С другой стороны, слово, видимо, обозначало реалию, тесно связанную со своеобразием местного сельского хозяйства и как таковую, возможно, не известную славянам, поселившимся рядом с мерей. Именно эта новизна, соединенная с важностью реалии в местном хозяйстве и быте, могла способствовать закреплению слова не только в речи бывшей мери при переходе ее на славяно-русский язык, но и в языке поселившихся вместе с мерей восточных славян. Эти обстоятельства в конечном счете привели к тому, что слово не только получило повсеместное распространение в русских говорах Центральной России, на территории бывшего расселения мери, а и оказалось способным к довольно широкой экспансии в восточном направлении.

Вань (мн.ч.) "низкий, залитый водой, поросший высокой травой берег" (Костр - Гал) (ср. рус. (диал. холмог.) вана "заливной сенокос, озерко в русле реки"), сопоставимо, несмотря на семантические расхождения, с прибалтийско-финскими словами: фин. vana "след, лыжня, тропа, полоса, полоска, русло реки, фарватер", кар.-лив. vana "полынья, глубокое русло реки, низина, заросшая травой (небольшая пожня)", вепс. vana "овраг" (SKES У 1631-1632). По мнению О.В.Вострикова, "непосредственно связывать галичское слово с ливиковским наречием, разумеется, нельзя. Речь идет о субстратном включении из вымершего ф.-уг. языка, в области лексики обнаружи-

¹³ См. у Е.И.Горюновой /10, с. 232-234/, Ю.Мягистэ /85, с.116-117/ и В.Пименова /43, с. 236/ этимологию слова, сближаемого с вепс. paada "положить", фин. и кар. paana "то же", а также вепс. maharapend "похороны (букв. - в землю положение)".

важного близость к прибалтийско-финским языкам" [6, с. 26]. С этим выводом исследователя нельзя не согласиться, добавив, что поскольку в Галиче и его окрестностях другого финно-угорского языка, кроме мерянского, не существовало, единственно допустимым в данном случае будет отнесение слова ванн к мерянскому языку. Исходя из принадлежности слова к мерянскому языку и учитывая особенности мерянской фонетики, а также данные родственных языков, его исходную форму следует реконструировать как *ʒanā (*ʒanā). Что касается значения слова, то ввиду отсутствия каких-либо других данных следует принять семантику, зафиксированную О.В.Востриковым.

Варакино (Костр - Шар) КОСК - название деревни Шарьинского района Костромской области, производное от варака. Не исключено, что данное название, распространенное на бывшей мерянской территории и, следовательно, могущее быть мерянским по происхождению, этимологически связано с морд.Э варака "ворона" (ЭрЯС 43). Оба слова, видимо, имеют изобразительное (звукоподражательное) происхождение. Лежащее в основе русского топонима слово довольно широко распространено на бывшей мерянской территории, хотя в разных местах могло иметь различные формы, о чем свидетельствует название н.п. Вараково (Яр - Первом) (карта Ярославской обл., 1978 г.), очевидно, производное от рус. (постмер.) варака с тем же исходным значением. Отмеченные топонимы дают возможность предположить для мерянского, учитывая его фонетические особенности, существование слова *ʒarakā/*ʒarak со значением "ворона", имеющего широкие связи в других финно-угорских (и уральских) языках, что позволяет относить их возникновение к уральскому периоду, ср.: фин. *varis* "ворона", кар. *varoi*, лив. *varikā*, эст. *vares*, саам.Н *varje*, морд.Э варака, диал. *varšej*, *varšáij*, морд.М варси, хант. вурнга (*vürnğa*), манс. ури(*něква*), венг. *varju*, нен. вэрне, сельк. *kuere*, кам. *bāri* "то же", койб. *bare* "ворон" < урал. *vars (ОФУЯ 404; *SNES* I 1654-1655; *MSZFE* III 673-674). Обращает на себя внимание особая формальная близость предполагаемого мерянского и эрзя-мордовского слов.

Воломенной "масленный пирог с хорошей начинкой" (Яр.губ. - Лубим) ЯОСК. Узколокальный характер слова (не приводится в "Словаре русских народных говоров"), зафиксированного на бывшей мерянской территории, отсутствие каких-либо связей со словами славянского происхождения заставляют думать, что оно местного, неславянского (следовательно, возможно, и мерянского) происхождения. Ввиду наибольшей словообразовательной семантической близости с коми внядóm "масленный" (напр., внядóm блин "масленный блин") ЯкомиС 260, где причастный суффикс -óm/-em (-óm/-em) соответствует суффиксу -ша в

отглагольных существительных прибалтийско-финских, мордовских и мерянского языков (ср. фин. elämä "жизнь", морд.М эрама "то же", мер. *колема "смерть; (тяжелая) болезнь" > рус. (диал., постмер.) колема "болезнь"), наиболее вероятно видеть в данном причастном образовании производное от русского (диалектного, постмерянского) глагола *во(й)ломить (*войлома-ть). Что касается предполагаемого диалектного глагола *войлома-ть, лежащего в основе рассматриваемого причастия, то он образован непосредственно от мерянского отглагольного существительного *zojloма (*zojloма) со значением "масленье, намамливание", близкого к инфинитиву, наращиванием на него русского инфинитивного форманта -ть. Само отглагольное существительное *zojloма (?<*zajeloma, ср. коми воялом "масленный") является, очевидно, производным от мер. *zoj (<*zajə) "масло", имеющего многочисленные параллели в других финно-угорских языках и восходящего с ними к финно-угорскому праязыку, ср.: фин., кар., венг., ижор. voi "масло", вод. vej, эст. vöi, лив. vui, саам.Н vuoggjá, морд.Э ої, морд.М вай, мар. ўй, мар.Г ў, удм. вöй "то же", коми-зыр. вйй "масло; жир (рыбий)", коми-перм. ви "то же", хант. вуй (вүй) "жир, сало", манс. вöй "жир; масло", венг. vaj "масло" < ф.-уг. *woje "масло; жир" (ОФУЯ 422; КЭСЯ 71; SKES УІ 1803-1804; MSZPUE III 666-667).

Елманский "древний галицкий язык" (имеется в виду язык жителей Галича Мер(ь)ского мерянский, а позже связанное с ним арго части из них) (Костр.губ. - Галич) Вин 45, елман (бран.) "дурак, болван?" (Костр - Гал) ЯОСК, эльма "человек, говорящий по-елмански" (Костр.губ. - Гал) Вин 45, елманя "то же, что эльма" (там же) Вин 46, елманский "условный язык галичан" (там же) Вин 45, алман "язык как орган в полости рта" (Костр - Гал) ЯОС I 26, алман "язык" (Костр.губ. - Галич) ТОЛРС XX 139, йолман "то же" (Вл.губ.) ТОЛРС УП 290, алманский язык "условный язык галичан" (Костр.губ. - Гал) Вин 44, по-елмански "на елманском языке" (там же) Вин 49, по-елмански "то же" (там же) Вин 49, елманское наречие "условное наречие галичан" (там же) Вин 46, Галифонские Алеманы "галицкое наречие (условный язык)" (там же) Вин 45. А.И.Попов справедливо сближает рус. елманский с мар. йылме "язык" (в анатомическом и лингвистическом смысле) /44, с. 100/. Речь в данном случае идет о языке как органе речи, название которого, очевидно, в меряном, как и в мари-ском, было перенесено на речь. Впоследствии елманским называли условный язык, распространенный в Галиче и некоторых других местах бывшей мерянской языковой территории, с грамматической основой уже не финно-угорской, а славяно-русской. Это было всего лишь социаль-

ное русское аргю, лексика которого, однако, состояла из нерусских, в том числе местных субстратных мерянских, элементов. Ёдыма(н) стал называться человек, говорящий на этом условном языке. Значение "дурак, болван" < "непонятливый", имеющееся у слова едыман, которое представляет собой лишь разновидность предыдущего, очевидно, относится к тому периоду, когда так называли последних людей, говоривших еще на мерянском языке и плохо понимавших русский язык или совсем не понимавших его. На фоне подавляющего большинства русского или обрусевшего мерянского населения, возможно, почти забывшего свой язык, подобные люди могли производить впечатление бестолковых, глупых, в связи с чем данное слово, по-видимому, и приобрело этот уничижительный, бранный оттенок. Поскольку -н, включенное в целый ряд приведенных слов, является в мерянском показателем генитива единственного числа (есть оно и в самом слове едыманский), а соответствием предполагаемого мерянского слова служит мар. Ёдыме "язык" без конечного -н, которое и в марийском - формант той же формы генитива, мерянское слово для передачи понятия "язык" должно было, очевидно, выступать в формах *jɛlma || *jɔlma || *jɔlɛm¹⁴. Что касается формы алман, то ее, видимо, следует понимать как следствие позднейших деформаций слова уже на русской почве и поэтому не считать отражением какой-либо из реально существовавших на мерянской почве лексем. Фиксация форм слова и их производных на бывшей мерянской территории, в частности на такой отдаленной от марийской, как бывшая Владимирская губерния, дает основания считать данные слова не заимствованием из марийского, а отражением пережитков мерянского языка. Все ли из приведенных форм были свойственны мерянскому языку (наибольшее сомнение вызывает *jɔlɛm), сказать в настоящее время трудно. Расхождения между ним - не обязательно результат деформации одной из приведенных предполагаемых мерянских форм уже в русской среде. Не исключено, что каждая из них отражает или один из диалектных вариантов слова, или разные этапы его развития. Предполагаемое мерянское слово имеет ряд соответствий в финно-угорских языках с явно "восточной" (в прошлом) ориентацией, восходя вместе с ними к финно-угорскому праязыку (возможно, лишь в его восточных говорах, ср. отсутствие соответствий в прибалтийско-финских, пермских и мордовском языках): саам. N njal'bme "рот", мар. Ёдыме "язык (анат., лингв.)", мар. Г Ёдымн "то же", хант. (каз.) нядум "язык (анат.)", манс. нѣдм, нѣдум "то же", венг. nyelv "язык (анат., лингв.)" < ф.-уг. nálmá "язык (анат.)" (очевидно, значение "речь"

¹⁴ Ввиду отсутствия в фонетической системе мерянского языка звука н, видимо, появление соответствующего знака (буквы) следует понимать как передачу редуцированного заднего ряда ж.

появилось уже в ходе развития отдельных языков). Общей чертой мерянского и марийского языков (в отличие от других финно-угорских, унаследовавших данное слово из праязыкового периода) является переход, очевидно, в результате сильного развития палатальности, начального n- в палатальное j.

Блс "леший, черт" (Яр - Угд; Иван - Кин; Костр - Солигал) (СРНГ УШ 348) распространено на территории, занятой в прошлом мерей. Попытка объяснения слова Д.К.Зелениным как преобразованного в силу его табуизации из Велес [18, ч.2, с.99], принятая Фасмером [68, т.2, с.177], не может быть признана убедительной с формально-семантической и лингвогеографической точек зрения: непонятно, почему именно здесь, на бывшей мерянской территории, сохранилась эта предполагаемая славянская табуизированная форма; если же ее изменение объяснять не славянской табуизацией, а просто фонетическими причинами - влиянием мерянского языка, то произошедшие в таком случае изменения не будут соответствовать тому, что известно о его фонетике.

Боле естественно как с лингвистической и семантической, так и с фонетической точки зрения исходить из того, что рус. (диал.) блс является отражением мерянского слова, возникшего на основе заимствованного в мерянский для передачи этого важного религиозного понятия гр. (δ)δίαβολος "дьявол".

Другим славянским языкам и говорам русского языка, кроме упомянутых, распространенных на бывшей мерянской языковой территории, слово блс или его соответствия не известны. Не известны они также ни одному из существующих финно-угорских языков. Правда, в некоторых из них есть понятие "дьявол", передаваемое словами, частично (в своем начале) близкими к мерянскому, однако в связи с разными источниками заимствования и особенностями фонетического развития эти слова не совпадают с предполагаемым мерянским в средней и конечной частях, ср.: рус. (диал., постмер.) блс "леший, черт" - коми дьявол "дьявол", мар. явыл (jəvɔl), хант. jačɔl.

При заимствовании гр. δίαβολος должно было подвергнуться в мерянском следующим изменениям: 1) в связи с невозможностью сочетания двух и более согласных в начале мерянского слова и отсутствия звука v, передаваемого мер. β, гр. (визант.) δίαβολος, фон. δία-βολος, должно было дать в мерянском *jəβολος; 2) нередкое в мерянском языке синкопирование заударных гласных - с предшествующей их редукцией - привело к выпадению первого заударного гласного, что закономерно вызвало (через стадию изменения) замену гласного -а- предыдущего нового закрытого слога гласным более высокого подъема

-o- (ср. мер. (-) *Vol <(-)*Valo "деревня"; *urta < *ora (s/m) a "белка", фин. orava "то же" и под.).

Возникновение формы ѣлс произошло уже, видимо, на почве русского языка в результате развития парадигмы с конечным выпадным -o- при ее аналогичном выравнивании: *ѣврос - ѣ(в)лса > ѣлс - ѣлса (ср. рус. заём - займа > (разг.) займ - займа).

Понятие "дьявол", особенно важное при пропаганде христианства среди язычников, должно было довольно часто употребляться миссионерами при христианизации мери и именно поэтому, возможно, закрепилось в мерянском языке, перейдя из него в диалектный (постмерянский) русский.

Заемствование мерянским слова непосредственно из греческого не противоречит тому, что известно о христианизации мери, которую наиболее успешно осуществляли ростовский епископ Леонтий (XI в.), по происхождению грек, и его предшественники в Ростове, также греки, епископы Феодор и Илларион [28, с. 86]. Всякие варианты и колебания, возникавшие неволью только при устной передаче духовных текстов, были нежелательны при усвоении догматов новой веры, что неизбежно влекло за собой необходимость письменных переводов богослужебных текстов на мерянский язык. Поскольку епископ Леонтий добился значительного успеха в христианизации языческого мерянского населения, видимо, именно благодаря хорошему знанию мерянского языка, что специально упоминается в его житии, где отмечается, что он "русский и мерский язык добръ умъясъ", следует полагать, что им был осуществлен перевод по крайней мере части богослужебной литературы на мерянский язык. В посредстве церковнославянского языка епископ Леонтий как грек не нуждался, поэтому новозаветную литературу, в том числе евангелие, скорее всего переводил непосредственно с греческого оригинала. Предполагаемое и реконструируемое на основании рус. (диал.) ѣлс "леший, черт". мер. *jeloš "дьявол" свидетельствует о существовании определенной традиции богослужения на мерянском языке, при котором могли использоваться мерянские богослужебные тексты, переведенные непосредственно с греческого.

При всей узости приведенного аргумента он показателен тем, что свидетельствует не только о возможности существования богослужебных мерянских текстов, но и, видимо, о довольно длительной традиции их использования, поскольку иначе не могло бы так основательно вкратце в язык мери важное слово, связанное с христианской религией. Существование связанных письменных мерянских текстов в прошлом не вызывает сомнений, спорным может быть только вопрос об их сохранности.

Кандэхать (груб.) "работать" (Ярославль) ЯОСК. Очевидно, связано с мерянским глаголом, отраженным в названии р. Кондоба, притоке р. Нельша < мер. *konDosa (букв.) "несущий(-ая), приносящий (-ая) (воду в другую реку)", ср. фин. kantava "несущий(-ая)", и являющимся формой действительного причастия настоящего времени от глагола *konDo- "нести" (отглагольное существительное *konDoma "ношение"). Глагол кандэхать, очевидно, связан с мер. *kanDo- (*konDo-) "носить; (груб.) таскать" или в славизированной (русифицированной) форме *кандать (*кондаты), от которого образован с помощью суффикса -эх-, придающего ему оттенок грубости, пренебрежительности (ср. тётя - тетёха). Форму кандэхать можно рассматривать или как отражение реально существовавшего диалектного мерянского варианта данного глагола (*kanDo-), или как результат аканья. в целом нехарактерного для ярославских говоров, но, поскольку речь идет о слове, записанном в Ярославле, куда, как и в другие города оканье Поволжья, аканье проникает, могущего его отражать. Таким образом, есть основание реконструировать для мерянского (восточного) глагол *konDo- "нести" (*konDoma "ношение") и - менее надежно - для мерянского (западного) тот же глагол (с -а- в корне) в виде варианта *kanDo- (*kandama). Этот глагол имеет параллели в других финно-угорских (и уральских) языках и восходит, очевидно, еще к уральскому праязыку, ср.: фин. kantaа "нести, носить", эст. kanda, лив. kaidē, саам. N guod'det, морд. кандомс, мар. кондаш, мар. Кандаш, хант. (вост.) kántta "таскать, переносить груз на плечах", манс. хунт "ноша", нен. ханă(сь) "увесть; унести", эн. kaddabo, нган. kuanda'ama, сельк. kuendam, кам. kundojam "то же" < урал. *kanta- "нести" (SKES I 157-158; Collinder 406).

Н.п. Ки(бол) (Ki(bol)) (Вл.губ. - Сузд) Vasmer 417. Очевидно, должно рассматриваться в качестве сложного слова, первый компонент которого Ки- имеет значение "камень" (в качестве первого компонента сложений также "каменный (-ая, -ое)", в данном случае - "Каменная (деревня)"). Поскольку топоним отмечается на бывшей территории мери, причем входит в состав слова со вторым компонентом -бол (-бал(о)), характерного для названий мерянских поселений, первый компонент следует также считать принадлежностью мерянского языка. Компонент Ки- является или сокращенным вариантом, характерным для композитов, исходной (полной) формой которого в таком случае была бы *kiβ(1) "камень" (подобно эст. (ves)ki "мельница (букв. - (вода =водяной) камень)" при kivi "камень"), или обычной формой слова, свойственной ему в любом положении. В таком случае, однако, слово было бы результатом сокращения предыдущей формы, присущей

ему на более раннем этапе развития мерянского языка. Ввиду того, что рус. ки- из-за отсутствия соответствующего звука может отражать и *kī, и *kū (звук ü, очевидно, мог существовать в мерянском), есть основания для реконструкции мер. *ki/ *kū (?/*kīβ(i)) "камень" как двух или - менее вероятно - трех возможных вариантов. Мерянское слово находит соответствия в других родственных языках, восходя вместе с ними к финно-угорскому праязыку, ср.: фин., эст. kivi "камень", лив. ki'uv, ki'v, ki'u, морд. кев, мар. кү "то же", удм. кө "жернов", коми (из)ки "жернов" (из "камень" - парное слово с двумя синонимами, современным и устаревшим, для обозначения камня), хант. (каз.) кев "камень", манс. кеа "камень; жернов", венг. kő, акк. ед.ч. követ < ф.-уг. *kīwe "камень" (ОФУЯ 417; КЭСЯ 109, 123; SKES I 203; MSZFE II 368-369).

Рус. (арг.) киряс "топор" (Яр. губ. - Углич) Свешн 89. О возможности употребления слова в мерянском языке свидетельствуют его изолированное положение в русских говорах (отсутствует в "Словаре русских народных говоров"), связь с бывшей мерянской территорией, а также распространение в балтийских и прибалтийско-финских языках, с которыми существовал контакт у мерянского языка и отсутствуют связи у современных русских угличских (постмерянских) говоров. О возможности употребления слова именно в мерянском языке говорит также своеобразие его фонетической формы: наличие в русском (арго-гическом) слове звука ц (Δ) вместо у в балтийских и прибалтийско-финских языках, что может свидетельствовать о характерном для мерянского звуке Δ; -я- вместо -е- в финском и -i- в литовском, что, по-видимому, говорит об употреблении вместо них звука -ä-, известного мерянскому языку. Слово в мерянском можно считать балтизмом (ср. лит. kirvis "топор", лтш. cirvis "то же"). Ввиду того, что на юго-западе мерянская языковая территория непосредственно соприкасалась в прошлом с балтийской, оно могло быть примым заимствованием из балтийских языков, однако, поскольку то же заимствование имеется также в прибалтийско-финских языках (ср. фин. kirves "топор", венс. kirvez, kervez, вод. tširvez, tšervez, эст. kirves, лив. kīgaz - SKES I 200), имевших гораздо более интенсивные контакты с балтийскими языками, чем мерянский, есть основания считать, что слово проникло в мерянский через их посредство, в частности через венский язык, территориально наиболее близкий к мерянскому из прибалтийско-финских. В пользу этого, как представляется, говорит и форма слова в мерянском, обнаруживающая большую связь с прибалтийско-финскими языками, чем с балтийскими.

Кока "старшая дочь" (Яр - Давидк) ЯОСК; так называют старшую

дочь в семье младшие (название старшей сестры)" (Яр - Рост) ЯОСК; "тетя по родству" (Яр - Первом) ЯОСК; "незамужняя пожилая женщина" (Яр - Первом) ЯОСК; "крестная мать" (Яр - Пош, Тут, Рост, Яр, Дан, Угл, Мышк, Первом, Некоуз, Брейт, Пересл, Рыб, Некр) ЯОСК; "крестная мать, крестный отец" (Яр - Пош, Яр, Пересл, Брейт, Рязанц, Большес) ЯОСК; "обращение к крестной матери и отцу" (Костр - Антр) ЯОСК; "крестная мать" (Костр - Костр, Поназ) КОСК; "крестная мать и отец" (Костр - Нерехт) КОСК; "тетя" (Костр - Нерехт) КОСК. В значении "крестная мать, крестный отец" слово, кроме Ярославской и Костромской, согласно "Словарю русских народных говоров", употреблялось в Тверской, Нижегородской, Владимирской, Пермской губ. и области Уральского Казачьего Войска, а также встречается в Горьковской обл. (СРНГ XIY 86), в значении "крестная мать", помимо указанных двух областей, известно в Ивановской и Новосибирской обл. и отмечалось в Новгородской, Вологодской, Архангельской и Забайкальской губ. (там же), а в значении "крестный отец" - также в Бурятской АССР (там же). Интересна стилистическая характеристика слова, даваемая носителями говора, где оно употребляется, по сравнению с его синонимом крёсна (=крестная мать): "Кока - это полекше слово, крёсна - грубее" (Свердл - Камышл) СРТСУ II 36. Очевидно, кока в значении "крестная мать" стало употребляться как эфемическая замена, как слово более привычное, свое для той языковой среды, где оно должно было заменять выражение "крестная мать", и этот стилистический оттенок сохранило до сих пор в русских говорах. В пользу (пост)мерянского происхождения слова говорит прежде всего ареал его распространения, особенно если учесть своеобразие его употребления в разных значениях. Самой широкой является зона распространения слова в его явно наиболее позднем значении "крестная мать" или "крестная мать, крестный отец". Она не только охватывает постмерянскую область, но и выходит далеко за ее пределы. Однако и для этого ареала характерно то, что наибольшее распространение он получил в восточном направлении, куда, по-видимому, шла главная колонизационная волна переселенцев из Центральной России, в основном совпадавшей с бывшей мерянской территорией, где слово в его новом значении, очевидно, было широко распространено как среди мерянского, так и среди славянского населения (среди последнего, возможно, даже больше, так как оно не было связано ни с одним из славяно-русских терминов родства в отличие от мерянских). В других направлениях к северу и северо-западу от бывшей мерянской языковой территории слово в этом значении распространилось значительно меньше, причем в ареале, который мог непосредственно примыкать к мерянской

территории или даже являться ее продолжением. Что касается, очевидно, наиболее древних или связанных с ними значений слова "старшая сестра", "тетя", "пожилая незамужняя женщина", то с этой семантикой оно отмечается только на бывшей мерянской территории (в Ярославской области).

Предположению о мерянском происхождении слова не противоречат и данные родственных финно-угорских языков, где, с одной стороны, обнаруживаются лексемы, этимологически связанные с рус. (диал.) кока с постмерянской территории, а с другой — при сравнении с ними проявляется его своеобразие (в частности, в области семантики), свидетельствующее о самостоятельном пути развития, связанным со средой носителей особого финно-угорского языка, отличающегося от существующих в настоящее время. Рус. (диал.) кока "старшая сестра; тетя; пожилая незамужняя женщина; крестная мать (видимо, позже также "крестный отец)" соответствуют мар. кока "тетка, тетя" и, очевидно, также морд.Э кака "дитя, дитятко", поскольку морд. (и ф.-уг.) а в марийском в ряде случаев соответствует о, ср.: мар. код "рыбы" — морд. кал, фин. kala "то же"; мар. моки "печень" — морд.Э максо, фин. maksa "то же"; мар. кок "два" — морд.Э кавто, фин. kaksi "то же" и под. [13, с. 109]. Ввиду того что в интервокальной позиции глухое ф.-уг. к в мордовском и марийском не сохранялось, переходя в звонкие звуки или исчезая (в мордовском к > у или ј; в марийском к > ј или $\emptyset$) [34, с. 135-137], его наличие в этих языках можно объяснить только тем, что в прафинно-угорский период здесь выступала гемината -kk-, во всех финно-угорских языках, кроме прибалтийско-финских и саамского, не сохранившаяся и перешедшая в -к- [34, с. 139-140]. В мерянском языке простые глухие взрывные в интервокальном положении также не сохранились, либо озвончаясь, либо переходя в соответствующие фрикативные звуки, поэтому интервокальные -к- в предполагаемом постмерянском по происхождению слове можно объяснить только тем, что и оно восходит к прафинно-угорской лексеме, где между гласными должна была выступать гемината -kk-. Следовательно, родственные слова марийского, мерянского и мордовского языков, по-видимому, восходят к ф.-уг. *какка "ребенок-первенец (преимущественно девочка)", откуда дальнейшее развитие в мерянском и марийском "старшая дочь; старшая сестра", затем "тетя", в мордовском-эряя — "дитя, дитятко" (ласкательное название ребенка вообще). В пользу исконно финно-угорского происхождения слова говорит, в частности, и сохраненное русскими (постмерянскими) говорами значение "старшая сестра". Как известно, в отличие от славян и индоевропейцев в целом, не различав-

ших понятий "старший брат" - "младший брат", "старшая сестра" - "младшая сестра", финно-угорские народы их четко дифференцировали, имея специальные слова для их передачи. В ряде финно-угорских языков, как правило, тех, которые не подверглись сильному влиянию индоевропейских языков, эти понятия до сих пор передаются с помощью особых слов, ср.: морд.Э пата "старшая сестра" - сазор "младшая сестра"; морд.М ака "старшая сестра" - сазор "младшая сестра"; мар. ака "старшая сестра" - шужар "младшая сестра"; удм. апа (апай) "старшая сестра" - суээр "младшая сестра"; хант. (каз.) уни "старшая сестра" - апси "младшая сестра"; манс. увси "старшая сестра" - эсь "младшая сестра"; венг. néne "старшая сестра" - húg "младшая сестра". По-видимому, подобная система обозначения родства восходит еще к уральскому периоду, поскольку встречается и в ненецком языке: нябако "старшая сестра" - не папа (не папако) "младшая сестра" (папа (папако) обозначает и младшего брата, и младшую сестру, поэтому, когда речь идет о младшей сестре, перед ним употребляется слово не "женщина"). В некоторых случаях оба понятия в финно-угорских языках передаются словами, которые могут восходить к общему источнику (ср. мокша-мордовский и марийский примеры), остальные слова имеют разное происхождение. Однако общим у них остается факт, что понятия "старшая сестра" и "младшая сестра" не передаются одним и тем же существительным с уточняющим его прилагательным, а имеют для своего выражения специальные лексемы, связанные с разными корнями. Другой особенностью финно-угорских и, видимо, уральских языков в целом является то, что лексема для обозначения понятия "сестра" (старшая или младшая, как правило, по отношению к отцу) может одновременно служить обозначением понятия "тетя", поскольку, по-видимому, тем же словом ее обязанны были называть не только братья, но и их дети, ср.: морд.М ака "старшая сестра; тетка" (очевидно, прежде всего "старшая сестра отца", так как понятие "тетка (жена брата матери)" передается словом шакка); удм. апа (апай) "старшая сестра; тетка"; манс. увси "старшая сестра; тетя (младшая сестра отца, старше говорящего)"; нен. нябако "старшая сестра; тетя (младшая сестра отца)". В некоторых финно-угорских языках эта особенность передачи понятия "тетя, тетка" словом, обозначающим старшую сестру, сохраняется только пережиточно. Для передачи понятия "тетя" здесь используется слово, обозначающее старшую сестру (иногда производное от него), однако для дифференциации понятий добавляется определение "старая", "большая", ср.: морд.Э пата "старшая сестра" - суре пата "тетя (букв. - старая старшая сестра)", хотя в том же значении возможно и просто употреб-

ление слова патя); венг. néne "старшая сестра" – nagynéni (<*nagynéne) "тетя (букв. – большая старшая сестра)". Очевидно, эта система родственных обозначений, которая может восходить ко временам матриархата, употреблялась и в мерянском языке – слово, обозначающее старшую сестру, могло также иметь значение "тетя", особенно при употреблении детьми брата. Христианская церковь в стремлении приблизить понятие "крестная мать" к традициям мерян, вероятно, использовала эту родственную мерянскую терминологию, как бы наделив крестную мать функцией старшей сестры, игравшей, видимо, важную роль в воспитании младших братьев и сестер. Не исключено, что в первое время после принятия христианства в роли крестных матерей выступали старшие сестры отца. Церковь как бы только освящала эту привычную для мерян функцию, в связи с чем слово кока, имевшее до того значения "старшая сестра" и "тетя", так естественно приобрело новое значение – "крестная мать". Поскольку понятие второй матери, хотя бы и крестной, было для новообращенных в христианство язычников малопонятным и резко расходящимся с их представлениями, а понятие старшей сестры, тети в новой функции более естественным, новое значение более органично срослось с привычным словом терминологии родства кока. Слово сочетание "крестная мать", если оно и было калькировано средствами мерянского языка, осталось сугубо официальным и поэтому резким, грубым, каким до сих пор воспринимается даже в русском языке (по-видимому, не без мерянского влияния). Следовательно, есть основания считать слово *кока не только термином родства в мерянском языке, но и одним из элементов его лексики, связанной с христианизацией мери. Как и мер. *jodlov "дьявол", реконструируемое на основании рус. (диал.) ёлс "леший, черт", оно свидетельствует о проповеди христианства среди мери на мерянском языке и об определенной традиции его применения для передачи понятий христианской (православной) религии.

Очевидно, с мерянскими терминами родства связано и рус. (диал.) кокой "дядя (Яр – Первом); крестный отец (Яр – Яр)", возможно, представляющее собой застывшую звательную форму от мер. *коко "дядя; крестный отец". Однако доказать это сложнее, поскольку оно в отличие от *кока менее распространено. Аргументом в пользу мерянского происхождения слова является его распространение в формах кокой и кокай – по данным "Словаря русских народных говоров" на постмерянской территории (в Костромской, Владимирской и Ивановской (бывш. Костромской губ.) обл. – кокай; в Ярославской области – кокой) и к востоку от нее (в бывш. Нижегородской и Тобольской губ. и Свердловской обл.) (СРНГ XIV 86). Еще более сложным и пока не-

разрешимым является вопрос о лексическом выражении в мерянском языке понятия "младшая сестра", которое, судя по данным других финно-угорских языков, должно было иметь для своей передачи особое слово.

Кол(юга) – река вблизи Ветлуги (koljuga) (Костр. губ. – Варя) Vasmer 374. Топоним с бывшей мерянской языковой территории. Название представляет собой сложное слово с общим значением "рыбная река", второй компонент которого отражает один из этапов развития мер. *juk < *jōfē, ср. фин. joki, эст. jõgi "река". Что касается первого компонента, то он связан с мер. *kol "рыба", имеющим соответствия в финно-угорских и самодийских языках и восходящим к уральскому праязыку: фин., эст. kala "рыба", саам. N guolle, морд. кал, мар. кол, хант. хул, манс. хул, венг. hal; нен. халл, эн. каде, каге, нган. коле, сельк. куел, кам. кола < урал. *kala. По форме мерянское слово наиболее близко к марийскому, однако, учитывая мерянскую закономерность – переход гласных в новых закрытых слогах в гласные более высокого подъема (в том числе а > о, ср. *-Vol "дерева" < *-valo "то же"), не свойственную марийскому языку, нельзя оба слова рассматривать как идентичные в историческом плане, потому что одинаковый конечный результат в каждом из языков мог быть следствием не характерного для другого языка процесса.

Рус. (арг.) колбать "говорить" (Яр. губ. – Углич) Свешн 90. Место фиксации слова, как и его балтийские связи (ср. лит. kalbà "язык"); – современные русские говоры постмерянских территорий с балтийскими языками не контактируют – заставляют предположить в нем отражение балтийского заимствования в мерянском языке. В пользу подобного предположения говорит также фонетическая форма слова, отражающая мерянские фонетические особенности. Балт. kalbà согласно акцентуационной особенности мерянского языка конечное ударение, допускаемое на основании лит. kalbà, перенесло, по-видимому, на начальный слог (дмер. *kalba). Кроме того, оно изменило свою форму согласно другой фонетической закономерности, характерной для мерянского языка, – исходное -а- начального слога перешло в нем в гласный -о-. Следовательно, в основе русского арготического глагола колбать "говорить" лежит мерянское заимствование из балт. kolbē "речь, язык; разговор". Русский арготизм или образован непосредственно от этого существительного, или в его основе лежит мерянский отыменный глагол *kolbē- "гворить" (*kolbēna "говорение"). Поводом для заимствования данного балтизма в мерянский могли быть оживленные в свое время связи мерян с балтийцами, во время которых, очевидно, чаще использовался балтийский язык. Как параллель уместно вспомнить венг. beszél "разговор, беседа", отражающее, видимо,

сходную ситуацию: славянское по происхождению *bezǫd* отражает факт оживленных связей венгров со славянами, при которых венграми использовался славянский язык. Сохранение слова до времени полного вытеснения мерянского языка и наличие его в постмерянском русском арго свидетельствуют о том, что оно прочно укоренилось в мерянском языке и принадлежало, видимо, к части наиболее употребительной лексики.

Рус. (диал.) колѣма "болезнь" (Костр - Ветл) СРНГ; колѣмка "то же" (там же) СРНГ; колѣмать "болеть, хворать" (Шаповал колѣмает "Валенокат болеет") (там же) СРНГ; колѣмой (Колѣмой шаповал "Больной валенокат") (там же) СРНГ. Фиксация слова на бывшей мерянской территории, его несомненная этимологическая связь с соответствиями других уральских языков, а также его бесспорная финно-угорская (и уральская) словообразовательная структура (отглагольное существительное с суффиксом -ма) дают полное основание предположить в нем субстратное включение из мерянского языка, в основе которого лежит мер. *kǫlema "умирание, смерть; тяжелая болезнь". Смещение ударения в русском языке возникло, возможно, под влиянием глагола колѣть "умирать (о скотине)" КЮС, в свою очередь, связанного с акцентуацией типа болѣть, умерѣть и т.п. Целый ряд финно-угорских и самодийских слов частично и полностью совпадает с данным словом и по своей структуре, ср.: фин. *kuolema* "смерть", эст. (диал.) *koolema* "умирать", морд.Э *кулома* "смерть", морд.М *кулома*, мар. *колѣмаш* < *kolšma + *š* "то же", удм. *кулны* "умереть, умирать", коми *кулѡм* "смерть" (отглагольное существительное от *кувны* "умереть, умирать"), хант. (кар.) *хал'тн* "подохнуть", (ср.-обск.) *хат-тн*, (вост.) *ǰalata* "то же", манс. *хѡлункве* "погибнуть", венг. (шег) *halni* "умереть"; нен. *хасѣ*, эн. *kādo, kāro'*, нган. *кѢ'am*, сельк. *kuwang*, кам. *кш'ем* "то же" < урал. **kolę-* "умирать, умереть".

Существование рассмотренного мерянского слова не оставляет сомнений также в мерянском происхождении более славизированного (со стороны формы) глагола колѣть "умирать (о скотине)" (Яр - Рнб), в форме о-колѣть вошедшего и в русский литературный язык. Об этом говорят как форма корня и семантика глагола, так и ареал его распространения, совпадающий с постмерянской территорией и местами, расположенными к востоку от нее [61]. Очевидно, никакого отношения к данному глаголу не имеет рус. (диал.) колѣть "цепенеть, коченеть (от холода)", формально совпадающее с ним. Против их связи свидетельствует прежде всего ареал данного глагола, тяготеющего явно к западу и в связи с этим имеющего соответствия в украинском и белорусском языках (ср. укр. колѣти "коченеть", бр. калѣць "мерзнуть,

зябнуть") при отсутствии в них соответствий рус. о-колетъ "сдохнуть". На современном деривативном уровне (возможно, как результат предшествующей деатимологизации) глагол колетъ "цепенеть" воспринимается как производный от кол (становиться негнушимся, твердым и прямым, как кол), чего нельзя сказать о глаголе колетъ "умирать", развьем в ряде говоров, расположенных к востоку от постмерянской территории, семантику, совершенно не связывающуюся со значением "коченеть, мерзнуть, цепенеть", но вполне естественную для развития значения "умирать (гибнуть, пропадать)", ср.: колетъ "пропадать где-либо": колей - пропадай. - Вят., Зеленин, 1915; "находиться где-либо длительное время": Колед бн дома. - Вост. Мар. АССР, 1952; (о домашней птице) "целые дни находиться, пропадать на улице": Держат там гусей, уток; холоду нет, и колеет все время на улице. - Вожгал, Киров., 1950 (СРНГ XIV 132).

Коронить (перен.): 1) "прятать" (Яр, Костр, Моск, Влад); 2) "погребать, хоронить" (Яросл) (СРНГ XIV 364-365); корониться несов. "прятаться" (Влад, Яр, Костр, Нижегород) (СРНГ XIV 365). "Словарь русских народных говоров" отмечает эти слова не только на постмерянской территории и в местностях, смежных или расположенных к востоку от нее, что может быть связано с переселением оттуда или контактами с носителями русских (постмерянских) говоров (в бывш. Нижегородской, Вятской и Тверской губ., Горьковской, Пермской и Свердловской обл.), но и в местностях, не имеющих связи с мерей (в Новгородской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской и Ульяновской обл.). Общим для этих территорий является наличие в настоящем или прошлом финно-угорского населения (носителей прибалтийско-финских или мордовских языков). Поскольку всем этим языкам чужд русский (славянский) звук к, их носители или русифицировавшееся финно-угорское население, усваивавшие русский язык, произносили вместо него согласный к. Поэтому есть основания рассматривать данные глаголы на постмерянской территории и как усвоенные еще мерянским языком и включенные в русский язык (в славизированной грамматической форме) из мерянского при окончательной его утрате, и просто как русские слова, испытавшие воздействие (пост)мерянского акцента (уже после окончательного исчезновения мерянского языка). Более вероятным кажется первое предположение, так как, когда население бывших мерянских территорий перешло на русский язык, звук к был полностью освоен и включен в фонетическую систему местных говоров. Замена к звуком к имеет здесь характер в значительной степени лексикализованный (не регулярно-фонетический), встречается только в некоторых словах, очевидно, издавна вошедших в мерянский язык и уже из него

в "мерянизированном" виде включенных в местный русский. Следовательно, есть основания предположить существование в мерянском языке глагола **koroni-*(*me*) "прятать; хоронить, погребать", принятию которого отчасти способствовало и то, что он был связан с новым христианским обрядом похорон, пришедшим с религией восточных славян.

Коуз "сарай для хозяйственных нужд, санник, каретник, обычно пристраиваемый к дому" (Костр - Мант) Востр I 28; коуз "навес из солом на столбах около строения; пристройка из жердей позади дома или двора для хозяйственного инвентаря; закуска, сторожка у ворот околицы" (Яр.губ. - Рост) КНОС 95. Связь слова с бывшей мерянской территорией позволяет принять предположение О.В.Вострикова [6, с. 28-29] о его мерянском происхождении в русских говорах. В мерянском языке слово представляет собой заимствование из германских языков, пришедшее в него непосредственно, очевидно, из прибалтийско-финских: фин. *koju* (*koiju*) "шалаш, хижина (в частности, из хвои)", кар. *koju* "сторожка, будка", а также фин. *koija*, *koiju*, *koju* "спальное место", швед. *koja* "избушка, хижина, шалаш" < снн. *kōje* "стойло, каморка". Не совсем ясно в русском диалектном слове конечное -з. О.В.Востриков объясняет его влиянием со стороны финно-угорских заимствований на -с в русских говорах севера европейской части СССР (типа карас, рупас, пендас и под.) или считает, что оно может восходить к конечному *-з в языке-субстрате, то есть мерянском. Представляется возможным и третье его объяснение - видеть в конечном -з отражение конечного -з в мерянском иллативе единственного числа (ср. рус. (арг.) дульяс). В таком случае в качестве исходной формы (номинатива единственного числа) для мерянского, как и для финского, языка следует принять *koju. Конечное -з вместо -с в русском диалектном слове следует объяснять колебанием *c ~ z* в конце слова, так как в этой позиции в русском языке глухие и звонкие звуки не различаются (ср. название р. Юг < мер. *juk < *joGe).

Рус. (диал., арг.) куба "женщина" (Влад.губ. - Вязн) СРНГК; "баба" (Яр - Рыб) СРНГК. Слово с несколько размытым ареалом, что, видимо, было вызвано его вхождением в аргю офенъ, распространивших слово за пределами мерянской территории. Популярности лексемы в качестве арготизма содействовала ее экспрессивность как синонима нейтральных "женщина", "баба" в сочетании с явно вторичным ее оближением (на основе внешнего сходства) с рус. (диал.) куба "кубышка, кадочка, бочонок для обивания масла", откуда новое значение - "толстая женщина или девочка; толстуха", особенно характерное для производных (вне постмерянской территории), ср.: кубека "толстая жён-

щина, девочка" (Тамб.) СРНГ ХУ 380; кубенка "то же" (там же, 381); кубинь (там же). Ударение слова, как показывают данные с постмерянской территории, в соответствии с особенностями мерянской акцентуации, что также является одним из аргументов в пользу его местного субстратного происхождения, — инициальное, ср. куба "толстая женщина или девочка" (Костр. губ. — Нерехт) СРНГ ХУ 375. С рус. (диал., арг.) куба "женщина; баба", отражающим мер. *кцѡа "женщина", не следует смешивать рус. (диал.) куба "черемиска или русская, имеющая сходство с черемиской" (Казан. губ. — Ядрин, Козьмодем), место фиксации, семантика и форма (ударение) которого указывает на то, что оно заимствовано из марийского языка (ср. мар. кува, фон. кцѡа "старуха"). Отдаленность районов бывшей мерянской территории, в которых записано рус. (диал., арг.) куба в его, судя по всему, исходном значении (Ярославская, Владимирская губ.), от области распространения марийского языка делает маловероятным предположение о возможности его заимствования из марийского, тем более, что этому противоречит расхождение в их форме (разные ударения) и семантике. Скорее всего, речь идет о субстратном реликтном слове мерянского происхождения, вошедшем в местные арго и тем самым получившем распространение вне исходного ареала.

Рус. (диал.) лили (мн.ч.) "женские груди" (так называют их, подражая говору грудных детей — сосущих груди — Смирнов 86) (Твер. губ. — Каш) СРНГ ХУП 47. Объяснение слова, данное И.Т.Смирновым в "Кашинском словаре", представляет собой не более, чем его народную этимологию. Исходя из того, что именно в Кашинском уезде находился один из мер(ь)ских станов, то есть одно из мест на мерянской территории, где дольше всего сохранялись мерянский этнос и мерянский язык [67, с. 136], и что слово лили "женские груди" является узколокальным диалектизмом, не встречающимся нигде вне бывшей мерянской территории, есть предпосылки для поисков его возможной связи с финно-угорской, а следовательно, и мерянской лексикой. Не лишено интереса и то обстоятельство, что на территории бывшей Тверской губ., согласно данным, опубликованным в 1820 г. в "Трудах общества любителей российской словесности" (СРНГ ХУП 47), употреблялось слово лиль, возможно, связанное с рассматриваемым и являющееся его формой единственного числа, но, к сожалению, определенно этого сказать нельзя из-за отсутствия сведений о его значении. Формально-семантический анализ слова в сравнении с фактами финно-угорских языков и при учете особенностей мерянской фонетики позволяет видеть в нем субстратное включение из мерянского языка. Для (пост)мерянского этапа его развития, очевидно, непосредственно связанного с

собственно позднемерянским, вполне допустимо предположить существование формы единственного числа *лиль со значением "грудь". В русских народных говорах значение "грудь, грудная полость" имеет слово душа, поскольку с грудью связано непосредственно дыхание (дух) (СРНГ УШ 280), откуда и рус. (диал.) душегрейка "женская шубка, тулупчик" (Яр, Волог. губ.) (там же 282), то есть "одежда, предназначенная для согревания груди (души)". Можно допустить, что первоначальным значением предполагаемого постмерянского слова *лиль < мер. *lii' было не "грудь", а "душа, дух; дыхание", откуда позднее развился новый семантический оттенок слова "грудь" (как вместилище души). Этому предположению не противоречат факты финно-угорских языков, где находим ряд формально и семантически близких соответствий предполагаемой мерянской лексемы: фин., кар. lõulu "пар (в бане)", иж. lõülü, вепс. lõi' "пар, жар (в бане)", вод. leülü "пар (в бане)", эст. leil, ген. -li "то же; дыхание, жизнь", лив. lāil "пар; дух; дыхание", саам.Н liew'lá "пар (водяной, не морозный)", удм. луд "дыхание; душа; жизнь; существо", коми лов < лод "душа; душа, дух, жизнь; душа, существо; голова (единица счета)", кант. (вост.) lil "жизнь; дыхание; дух; душа", манс. lili "дыхание; душа", венг. lélek "душа, дух; дух, настроение, сердце; совесть; лицо (личность); дыхание; жизнь, самосознание", ст. (X в.) lele (имя одного из венгерских королей) < ф.-уг. *lewle "дыхание, дух, душа".

Реконструируемое мер. lii' "душа; (перен.) грудь" в качестве предшествующей формы предполагает исходное дмер. *lele < *lele "душа, дух; дыхание", которое в результате падения (через стадию редукции) конечного гласного и вызванного этим удлинения и сужения звука e в новом закрытом слого с переходом его в i дало засвидетельствованный вариант. Закономерность данного перехода для мерянского языка подтверждает, в частности, (пост)мер. *il' Доша "безжизненный" < *ele Доша при elä "живой", засвидетельствованное в названии р. Ильдомка (Костр. губ.). Обращает на себя внимание как формальная, так и семантическая близость в развитии мерянского слова с его соответствиями в венгерском и угорских языках вообще (а также в пермских) в отличие от прибалтийско-финских (и марийского с молдавскими). В то время как волжско-финские языки не сохранили это, видимо, в проявлен характерное для всех родственных языков слово, а в прибалтийско-финских оно очень сузило свое значение, в угорских и пермских языках, как, очевидно, и в меряском, слово приобрело переносное значение, свойственное религиозным представлениям. Соответствующие слова, восходящие к ф.-уг. *lewle, по-ви-

димому, с первоначальным значением "дыхание (дух)", развили здесь значение "душа", передаваемое в остальных финно-угорских языках другими словами: фин. *sielu* (из германских языков, ср. днв. *se(u)-la*, дангл. *sawol*, гот. *saiwala* < игерм. *saiwalo*), вст. *ning*, морд. эйме, морд. М вайме, мар. чон. Отсюда можно сделать вывод, что в истории (прото)мерянского языка был период, когда его носители, связанные в основном своим происхождением с финнами в широком понимании слова, имели также длительные и тесные контакты с уграми, в том числе протовенграми. Поскольку в исторический период подобные связи не прослеживаются, их следует отнести к праязыковому периоду, когда предки мери и угров (включая венгров) еще не расселились со своей финно-угорской прародинны. Здесь (прото)меряне, входя в племенную группировку прафинских племен, занимали, очевидно, наиболее восточную часть их территории, граничащую с территорией, занятой прауграми (в том числе протовенграми), что способствовало их регулярным и близким связям, отразившимся и в языке.

Мерёкать "говорить" (Костр - Чухл) ЯОСК. В подобном значении слово засвидетельствовано только как узколокальное, причем на бывшей мерянской территории, в связи с чем его, очевидно, следует отличать от русского диалектного глагола мерекать со значениями: 1) "долго, медленно думать над чем-либо" (Влад. губ. - Судог); "прикидывать, примеривать в уме" (Влад. губ. - Пересл; Тобол. губ.); 2) "мечтать, задумываться о чем-либо" (Тамб. губ.); 3) "знать немного, кое-что" (Влад. губ.; Том. губ.); 4) "стремиться показать себя умным; умничать" (Влад. губ.); 5) "плохо разбирать напечатанное или написанное" (Нижегор. губ.); 6) "казаться, представляться в воображении, мерещиться" (Псков, губ; Твер. губ.); 7) "бредить" (Твер. губ.) (СРНГ ХУШ 115). Возможно, с рассматриваемым диалектным глаголом связан записанный только в Сибири глагол мерекать со значением "бестолково объяснять" ? < "говорить на непонятном языке, с большим количеством непонятных слов" (Том. губ.) (СРНГ ХУШ 115). Подобная связь не исключена и потому, что переселение из Центральной России, в том числе носителей постмерянских русских говоров, шло в значительной части в восточном направлении.

Глагол мерекать, стоящий совершенно изолированно среди русской диалектной лексики, находит наиболее близкое соответствие в эрзя-мордовском глаголе мереме "сказать; приказать" и мокша-мордовском мярьгомс "сказать, велеть, приказать, распорядиться", в форме 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. и 3-го л. ед. ч. безобъектного спряжения употребляющегося так же, как вводные слова мярьган "говори", мярьгат "говоришь" и т. д. Исходя из этого, глагол мерекать можно рас-

смагивать в качестве возникшего на основе близкого по форме и семантике глагольного образования мерянского языка. Учитывая разные формы соответствующего глагола в мордовских языках, реконструируемое мерянское слово можно восстанавливать в одном из двух аналогичных им вариантов: *merə(-ms) || *märeGo(-ms) "сказать, говорить". В диалектном (постмерянском) слове -к- может быть отражением конечного -к мерянского глагола в форме 2-го л. ед. ч. повел. накл., то есть merək "скажи; говори" (подобное окончание в этой форме сохраняется, в частности, мордовскими и диалектно финским и эстонскими языками) [55, с. 142]. Наиболее обоснованно считать русский диалектный глагол образованным от мерянского ср. рус. (диал.) Ну мерек "неужели" (Вят. губ. - Слобод, 1881 г.) (СРНГ XIII II5), которое допустимо было бы истолковывать как возникшее из фрагмента первоначального восклицательного предложения (с оттенком удивления): Ну, merək! (букв.) "Ну, (ты) скажи!" В связи с тем, что глагол мерекать засвидетельствован в соседней Костромской губернии, откуда на вятские земли издавна шло переселение как русских, так, очевидно, и мери, возможность сохранения здешними русскими говорами отдельных реликтов мерянского языка не представляется слишком невероятной. Конечно, предположение о соответствующей форме повелительного наклонения, как и ряд других мерянских грамматических реконструкций, для окончательного доказательства нуждается в дополнительных аналогичных примерах. Приведенные факты не дают возможности истолковывать себя как отражение мордовского влияния, так как ареал их фиксации слишком отдален от мордовской языковой территории. Следовательно, речь идет о мерянских явлениях, близких к аналогичным фактам мордовских языков.

Мякша "гнилая сердцевина дерева" (Костр - Мант) Востр II 31. Полная, по-видимому, изолированность в русском диалектном языке (отсутствует в "Словаре русских народных говоров") слова, зафиксированного на бывшей мерянской языковой территории и имеющего убедительные соответствия в смежных волжско-финских языках (ср. мар. мекш "гнилушка", мар. Г мянш, морд. М мякша, морд. Э мякшо "то же"), заставляет вместе с О. В. Востриковым (там же) принять его субстратное финно-угорское происхождение. Однако ввиду того, что в прошлом в данном районе никакие финно-угорские языки, кроме мерянского, не отмечаются, а в настоящее время он является чисто русским и не подвержен влиянию какого-либо финно-угорского языка, единственно возможным может быть предположение о мерянском происхождении русского диалектизма, отражающего скорее всего реконструируемое мер. *mäkäš "гнилушка".

Палья "тесло, инструмент для выдалбливания лодок, корыт и т.д." (Костр - Мант, Ней, Перф.) Востр П 32; палеяка "то же" (Костр - Антр) Востр П 32. Узколокальный характер слова (отсутствует у Далия), распространенного на бывшей мерянской территории, позволяет предположить его вхождение в местные русские говоры непосредственно из мерянского, тем более, что оно имеет соответствия в прибалтийско-финских языках (ср. фин. *palja* "молот, кувалда, кузнечный молот", кар. *pal'la* "то же", (ливв.) *pal'liu* "молот", *pal'liu* "(деревянная) дубина, палица", (луд.) *pal'*, *pal'le*, *pal'liu* "молот, кузнечный молот", вепс. *pal'* "молот, дубина") (SKES П 473), формальная и семантическая связь которых с предполагаемым мер. **pal'ja* (в русском - сдвиг ударения) представляется возможной. Сложнее вопрос о происхождении слова в мерянском - его собственно мерянском, общем с прибалтийско-финским, или заимствованном характере. Ввиду ограниченного распространения слова в прибалтийско-финских языках (отсутствует в ижорском, водском, эстонском, ливском) и, возможно, мерянском (отмечается только на северо-востоке бывшей мерянской территории) не исключен и третий вариант: как в прибалтийско-финском, так и в диалектном мерянском языке слово является заимствованием из какого-то общего, пока не установленного источника. Следовательно, в настоящее время можно говорить лишь о свойственности лексемы мерянскому (возможно, только в части говоров). Вопрос о ее происхождении остается пока открытым.

Пахча "различные овощи (свекла, брюква, огурцы)" (Яр - Рыб) ЯОСК. Слово может быть объяснено как возникшее на основе рус.(лит.) бахча "участок, засаженный арбузами, дынями". Однако подобное объяснение не дает возможности истолковать с достаточной убедительностью причины смещения ударения и семантики слова. Более правдоподобно, очевидно, исходить из того, что оно является заимствованием из булг. *рахѡа, восстанавливаемого на основе чув. пахча "огород; сад" (ЧувРС 258) (очевидно, в болгарском также "овощи (огородные культуры)"). Поскольку к периоду славизации мерянского населения связи с булгарами, перешедшими на татарский язык, прекратились, чувашский же язык с русскими говорами Ярославской губ. (обл.) не контактировал, слово следует рассматривать как непосредственное субстратное включение из мерянского языка, где оно являлось заимствованием из болгарского, оказывавшего заметное влияние на все языки Поволжья, в том числе мерянский. О мерянском происхождении слова в русском свидетельствует смещение конечного ударения предполагаемого болгарского слова на первый слог, как того требовала акцентуация мерянского языка (в отличие от русского с его разноместным уда-

рением). В болгарском языке слово представляло собой заимствование из персидского (ср. перс. *baṛdā*) (Фасмер I, с. III), измененное фонетически, поскольку в болгарском, как и в чувашском, звонкие фонемы отсутствуют (ЧувРС 603). Следовательно, в рус. (диал.) дѣдѣ с наибольшим основанием можно видеть отражение мер. *pārdā "овощи (свекла, брюква, огурцы)", являющегося заимствованием из болгарского. В мерянский язык слово, очевидно, проникло вместе с соответствующими городными культурами как их собирательное обозначение в связи с тем, что мерянское население могло впервые познакомиться с ними и научиться их возделыванию с помощью болгар.

Дуега "снежная с ветром погода (синонимы: вьга, непогодь)" (Твер. губ. - Кам) ТОЛРС XX 165. Слово у В.И. Даля (Даль III 536) характеризуется ошибочно как тверское и карельское, то есть являющееся заимствованием из карельского языка. Поскольку в Кашиинском уезде быв. Тверской губ. карелы не проживали [37, с. 37] и в то же время здесь был расположен один из мер(ь)ских станов, больше оснований видеть в нем не заимствование из карельского, а субстратное включение из когда-то распространенного здесь мерянского языка. Против возможности заимствования из карельского говорит также отсутствие слова в работе Я. Калима, посвященной прибалтийско-финским заимствованиям в русском [80, с. 188, 189, 258], где самым тщательным образом использованы все имевшиеся до 1919 г. источники, в том числе наиболее полное издание "Толкового словаря живого великорусского языка" Даля, подготовленное И.А. Бодуэном де Куртэнэ [80, с. X]. Между тем в русском диалектном языке есть все основания отнести его к финно-угорским элементам. Единственно возможным в данном случае может быть включение из мерянского языка, так как из финно-угорских языков именно он был распространен на территории уезда, где слово записано, поэтому в рассматриваемом слове следует видеть отражение соответствующей мерянской лексемы, реконструируемой, по-видимому, как **pujeGa(-š)* "вьга", производное от глагольного корня *pu(j)*- "дуть". Слово, особенно в корневой части, имеет параллели в других финно-угорских и самодийских языках, ср.: морд.э дувамс "дуть", мар. дуаш "дуть, веять (о ветре); дуть (ртом)", хант. (вост.) (вах., вас.) рѳѳта "дуть", (сал.) рѳѳта "то же", манс. пудлункве "дуть, раздувать", венг. fújni "дуть; трубить"; нен. дѳта(сь) "дуть (о ветре); трубить (о человеке)", зн. fueḷabo "трубить", иган. fuaŋ'ieḷa, fuaḷaḷa, сельк. pāw "то же", кам. p'uš'leḷ "трубить; (сильно) дуть" < урал. *puwz/*pujz- "дуть". Несмотря на явно звукоподражательный характер, среди уральских языков оно, как показывают примеры, не получило всеобщего распространения (или сохранено

далеко не всеми языками). Мерянский в данном случае явно тяготеет к уральским языкам "восточной" ориентации: угорским, самодийским и волжско-финским, отличаясь от прибалтийско-финских. Особенно близок с формальной точки зрения мерянский к венгерскому, так как они оба развили в корне слова -j- (очевидно, вместо выпавшего *-w-/*-j-), что оказалось чуждым всем остальным языкам, не исключая наиболее близких к венгерскому обско-угорских.

Тохториться "стараться, добиваться, хотеть, пробовать" (Яр - Ермак); "стараться, добиваться, хотеть, требовать" (Яр - Дан) ЯОСК. Слово узкого распространения, связанное с бывшей мерянской территорией и имеющее параллели в прибалтийско-финских и, возможно, саамском языках, ср.: фин. *tahtoa* "хотеть, желать", *tahto* "воля; желание", эст. *tahtma* (*tahta*) "хотеть, желать", *tahe*, ген. ед.ч. *tahte* "воля, желание". лив. *tā'dē* "хотеть; быть нужным", возможно, также саам. *Н duos'tot* "принимать, идти навстречу" (SKES IV II95-II96). О местном мерянском происхождении слова, а не заимствованном и связанном с этими языками, кроме ареала распространения, может говорить его вокализм. Очевидно, русский диалектный глагол представляет собой образование, возникшее на основе мерянского существительного **tohtā* "воля, желание", где -o- вместе с -a- прибалтийско-финских языков может объясняться тенденцией перехода a > o, наблюдаемой в части мерянских слов (ср.: **konDāra* "несущий" - р. Кондоба при фин. *kantava*; **roŋga* "гриб" - р. Понга при морд. *Э панго* и т.п.). В данном случае переходу a > o могла способствовать закономерность подобного перехода в новых закрытых слогах, в частности при падении конечных гласных (ср. (-)*valo > (-)*vol "деревня"). Менее ясна суффиксальная часть глагола -or- (в тахториться), возможно, отражающая какой-то мерянский флективный формант или послелог, выступавший в той же форме слова, на основе которой непосредственно был образован рассматриваемый диалектный глагол.

Халеть (диал.) "умирать" (Костр. губ. - Нерехт) МКНО, ухалить (арг.) "умереть" (Костр. губ. - Гал) Вин 51. Слово, не обнаруживающееся нигде, кроме небольшой части постмерянской территории, и не имеющее связи ни с каким из славяно-русских слов, что вынуждает считать его в местных русских диалектах одним из заимствований или субстратных включений. Явно натянутой, хоть и под вопросом, кажется попытка объяснения его у Даля как славянского (ср. халеть (хильть?), Костр - Нерехт умирать - Даль IV 541). Этимологический анализ позволяет отнести слово к финно-угорским элементам, однако не исконно мерянского, а заимствованного, по-видимому угорского, происхождения. Об этом недвусмысленно свидетельствует форма корня:

принадлежа к общим финно-угорским (и - шире - уральским) словам, обозначающим понятие "умирать (умереть)" с помощью корневого слова *kole-, данная лексема выступает не в варианте с начальным *ko-, собственном финском языке, в том числе мерянскому, ср. мер. *kolema "смерть; (тяжелая) болезнь", а в форме с начальным *ha- < *ха-, развившейся в угорских языках, ср.: фин. kuolla "умирать", эст. (диал.) koolma, морд. куломс, мар. колаш, удм. кулны, коми кувны "то же", хант. (каз.) хал'ты "подохнуть"; манс. холункве "погибнуть", венг. halni "умирать (умереть)"; нен. хась "умереть, погибнуть, пропасть; пасть, подохнуть (о животных)", эн. kãdo' "умирать (умереть)", нган. k'ã'm "(я) умер", сельк. k'ak, кам. k'ã'iem "то же", койб. кулягандамь "умираю", матор. -гулямь (в I-м л.ед.ч. наст.вр. кимынджигулямь), тайг. kshaima "мертвый" < урал. *kole- "умирать, умереть" (КЭСЯ 143; ОФЯ 407; SKES II 239; MSZPUE II 250-251; Collinder 407; Janhunen 56-57). Очевидно, данное слово проникло в мерянский из угорских языков. Причину заимствования наиболее вероятно видеть в стремлении заменить слово, обозначающее понятие, самой своей природой тяготеющее к эвфемизации, каким-то другим, которое его как бы смягчало, давая в несколько завуалированном виде. Тяготение к подобной замене синонимами слов, обозначающих понятие "умереть", наблюдается во многих - если не во всех - языках мира, в том числе финно-угорских, причем нередко первоначально употреблявшийся в данном значении глагол начинает использоваться с огрубленным значением или оттенком внезапной ("плохой") смерти: "сдыхать; гибнуть" и под., ср. хант. хал'ты "подохнуть", манс. холункве "погибнуть" при новых глаголах (глагольных словосочетаниях), обозначающих понятие "умереть", хант. сорма йиты, манс. соруми па-тункве. К тому же ряду явлений относится вытеснение исконного глагола koolma со значением "умереть" глаголом vurema с тем же значением в эстонском литературном языке. Эта тенденция обнаружила себя и в мерянском языке, где глагол *koli(ma) со значением "умереть" заменялся образованным на основе собственных элементов глаголом *ul'äi(-ma) "стать бывшим" (ср. рус. (диал.) побывшиться как его кальку) и, очевидно, заимствованным из угорских языков (возможно, даже из протовенгерского) глаголом со значением "умереть". Заимствованный глагол был, по-видимому, мерянизирован, то есть приобрел словообразовательную структуру и флективные формы своего предшественника, мерянского глагола *koli(-ma) "умереть" (*kolema "уми- рание; (позже) (тяжелая) болезнь"). В связи с этим взятый из родственного языка новый глагол, отличаясь от собственного только в корневой части, мог производить впечатление тех же мерянских слов,

только несколько видоизмененных формально, их своеобразных вариантов, так как реконструкция предполагаемых мерянских слов дает формы *hali(-mь) (ср. рус. (арг.) у-хали-ть) "умереть (умирать)" и *halema "смерть (умирание)". Ввиду того что угорские заимствования стали выполнять роль исконно мерянских слов, эти последние приобрели новое значение: *koli(mь) "слыхать (=умирать - о животных)", *kolema "(тяжелая) болезнь; (позже) болезнь вообще". Рассмотренное дает основания думать, что рус. (диал.) колеть "подыхать", (лит.) околеть "сдохнуть" не получили сниженного оттенка при их включении как неславянские субстратные лексические элементы, - он был свойствен уже соответствующей лексеме мерянского языка, на основе которой (путем замены грамматико-словообразовательных формантов славяно-русскими) были образованы указанные русские глаголы. Вошло в русскую грамматическую систему и стало элементом русской диалектной и арготической лексики также рассматриваемое (прошедшее через мерянскую среду) угорское слово, отраженное в рус. (диал.) халеть и (арг.) ухалить. Частичное соприкосновение данных слов с арготическим может наводить на мысль о возможности их непосредственного заимствования из венгерского языка в русский, которое произошло уже после исчезновения мерянского языка. Однако в данном случае подобная возможность представляется маловероятной: если бы речь шла о позднем арготическом заимствовании, то оно не могло бы ограничиться лишь постмерянской территорией, причем только в определенной ее части. Более естественно видеть в них (и в связи с существованием явно (пост)мерянского глагола колеть) заимствование мерянского, воспринятое затем из него частью русских говоров на бывшей мерянской территории.

Цол(о)- "здоровый; здоровье" (в выражении "Цолонда - в доме: здравствуй, хозяин (?)") (Яр. губ. - Пош) с. Давшино, 1849 г.) КЯОС 212. Абсолютная изолированность выражения, зафиксированного только на бывшей мерянской территории, дает основания предположить его субстратное мерянское происхождение. Малоубедительна попытка В.И. Дала увидеть в нем искаженное славяно-русское "челом-да" (=быть челом, здравствуй!) (Даль IY 575) уже в связи с тем, что цоканье не характерно для (пост)мерянских земель, поэтому славяно-русское "челом-даю", предполагаемое в основе выражения, должно было бы отразиться со своим ч. Кроме того, поскольку выражение "бить челом" (или "дать челом", ср. укр. чолом давати "приветствовать особым образом (особенно о детях)") Гринченко IY 468) было в Киевской Руси и Московской Руси, ее наследнице, во всеобщем употреблении, трудно представить себе настолько значительную его деформацию (в том чис-

ле с переходом $\text{м} > \text{н}$, не характерным ни для славяно-русского, ни для мерянского языка), какую следует допустить в этом случае. Более обоснованно видеть в выражении цолонда синкопированную и сокращенную фразу-пожелание с общим значением "Здоровье пусть (тебе) даст (бог) / дай (ему) (боже)" или, что более вероятно, поскольку речь идет о приветствии в доме хозяина-кормильца (со стороны гостя), - с семантикой "Здоров (будь), кормилец (букв. - кормящий <дающий)!"¹⁵

В последнем случае исходное мерянское выражение следовало бы реконструировать в следующем виде: * $\text{c}^{\text{ö}}\text{l}^{\text{e}}\text{-n}^{\text{d}}\text{ä} ! < * \text{c}^{\text{ö}}\text{l}^{\text{ä}}, \text{an}^{\text{d}}\text{ä}(\text{za}) !$ (букв.) "Здоров(ый) (будь), кормящий < дающий!". Если второй из предполагаемых компонентов - * $\text{an}^{\text{d}}\text{ä} \text{za}$, исключая его синкопированную форму, естественную для часто употребляемых приветственных оборотов, уже рассматривался и легко объясним в его финно-угорских связях и структуре, то намного сложнее истолкование первого компонента - цол(-о-) "здоровый", предположительно также восходящего к мерянскому языку. В мерянском его нельзя объяснить иначе, чем заимствованием или включением из какого-то индоевропейского языка, по особенностям исторического развития стоящего очень близко к славянским. В настоящее время трудно с определенностью сказать, у какой группы индоевропейцев было заимствовано рассматриваемое слово, к тому же в приветственной формуле, - у фатьяновцев, язык которых развивался во многом по пути праславянского, представляя собой его протославянскую стадию, или у части праславянского населения, находившейся в тесных контактах с мерянским. Поскольку речь шла о заимствовании слова, являющегося сокращенным фразеологизмом, оно не могло быть результатом отдаленных и эпизодических контактов, скорее всего было следствием длительных контактов мери с этносом-носителем языка, по-видимому, ассимилированного в той его части, которая находилась на мерянской территории, финно-угорским мерянским населением, так как при исторически засвидетельствованном появлении там славян никакого славянского или индоевропейского населения среди мери не существовало. На субстратный характер оборота может указывать и его смешанный индоевропейско(? > протославянско)-мерянский характер - как результат постепенного слияния и смешения двух этносов с перевесом на финно-угорской стороне. С этимологической точки зрения предполагаемое мер. * $\text{c}^{\text{ö}}\text{l}^{\text{ä}}$ "здоровый; здоровье"

¹⁵ Подобная интерпретация более вероятна в связи с тем, что в мерянском языке, как и в мордовских, глагол * $\text{an}^{\text{d}}\text{o}-(\text{me})$ развил из первоначального значения "давать" новую семантику - "кормить", поэтому сохранение прежнего значения в рассматриваемом обороте можно было бы объяснить только как традиционное, что требовало бы всего гипотетического допущения.

связано с посл. *сѣль "целый, здоровый", прус. (балт.) *kails* "здоровый", гот. (герм.) *hails* "то же", восходящими к и-е. *kailo-/-lu- "здоровый, целый, невредимый". В субстратном индоевропейском (фатьяновском, протославянском) языке, передавшем данное слово мерянскому, оно к моменту вхождения в мерянский язык, очевидно, могло иметь форму *сѣлѣ /-ъ¹⁶, что в мерянском, не имевшем палатализованного с' и включавшем в свою фонетическую систему редуцированные, в том числе близкие к данному фатьян. (протосл.) *ǃ* / *ǃ̃* заднерядное *ǃ̃*, должно было отразиться как *сѣл. Впоследствии при сближении мерянской фонетики со славяно-русской мер. *сѣл- могло передаваться с помощью тогда еще мягкого (в древнерусском) *ц* как *цѣл-*, что в дальнейшем дало исторически засвидетельствованное *дол-*. Важно отметить, что и гер. (гот.) *hails*, и соответствующее ему в балтийском прус. *kails* употреблялись в приветствиях со значением "здравствуй!" как сокращенный вариант первоначально полного "(будь) здоров!" с опущенным глаголом-связкой, ср. дангл. *wes hāl* "будь здоров!" (Klugemitzka 298; ЭССЯ III 179-180; Топоров (I - к) 136-142). Соответствие этому обороту, по-видимому, имелось и в праславянском языке, о чем до сих пор реально свидетельствовало только полаб. *śol* "за (твое, ваше) здоровье (букв. - здоров (будь)!)" (SEJDrzP I, 86), подтверждаемое стсл. *цѣловати* "приветствовать", то есть говорить *цѣль* (*бѣди*), ср. *здороваться*, то есть говорить "здоров (будь)", укр. *Здоров!* "Здравствуй!" Добавление фатьяновского (протославянского) примера, сохраненного постмерянскими русскими говорами, является еще одним аргументом в пользу органичности и характерности этого оборота для праславянского языка в целом.

Шомарь Никита, крестьянин, 1500 г., Владимир (Веселовский 372). Пример извлеченный из "Ономастикона", в котором собраны древнерусские имена, прозвища и фамилии, отражает прозвище с мерянской территории, где в это время еще могли проживать неассимилированные носители мерянского языка. Поскольку среди крестьян мерянский язык, несомненно, держался дольше всего (связанные с землей, они меньше переезжали с места на место), можно считать, что носителем рассматриваемого явно неславяно-русского прозвища скорее всего был меря-

¹⁶ Данная форма частично не совпадает с ходом фонетических преобразований, намечаемых для развития посл. *сѣль, в кн. "Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов": *kailō → *k'ailō → k'ělō → c'ělō /7, с.66/; - однако в этом нет противоречия, так как имеется в виду не история праславянского языка в целом, а развитие одного из возможных крайних протославянских диалектов, который (не без влияния контактов с мерянским) мог иметь частично отличающуюся от предложенной фонетическую эволюцию.

нин. Дополнительным аргументом в пользу этого является также факт, что к началу XVI в. на землях нынешней Владимирской области коренным финно-угорским этносом могли быть только меряне, так как проживавшая в Муроме и его окрестностях мурома к этому времени должна была давно ассимилироваться. Прозвище представляет собой, по-видимому, сокращенное в самом мерянском языке в результате стяжения или неточно переданное при записи сложное слово со значением "черника (букв. - черная ягода)", реконструируемое для мерянского как *šomā(ʔ) < *šo(m) + *ma(ə) < *šamā + *maə. Каждый из компонентов предполагаемого мерянского слова имеет при этом бесспорное финно-угорское происхождение, подтверждаемое данными родственных финно-угорских языков. Так, для реконструируемого мер. *šom < *šamā "черный" в качестве этимологически связанных с ним слов из родственных финно-угорских языков можно привести следующие: фин. hämmä "сумерки", морд.Э чемень "ржавчина", морд.М шмонь "то же", мар. шеме "черный", шем "черный; грязный (о белье, помещении)", мар.Г шим "черный", удм. симнд "пасмурный (о погоде)", синны "ржаветь", коми сім "ржавчина; ржавый; смуглый; буровато-черный; темный", хант. (каз.) сами (са́ми) "ржавчина", манс. сэмыл "темный; черный", (конд.) simil "ржавчина", венг.ст. vzenny "грязь" < ф.-уг. *šimz "ржавчина; ржавый, черный" (КЭСЯ 258)¹⁷. Мер. *šom среди приведенных соответствий выделяется оригинальностью формы, возникшей, видимо, из *šomā в результате действия типично мерянской фонетической закономерности - перехода а > о в новом закрытом слоге. Что касается предполагаемого мер. ma(ə) "ягода", то оно также, и даже с большей вероятностью, проявляется как слово финно-угорского происхождения, ср.: фин., кар., вод. marja "ягода", вепс. maŕg, maŕj, maŕd, эст. marj, ген. ед.ч. marja, лив. mōga, mōga, plāga, саам.Н muor'je "то же", морд.М марь "яблоко < ягода", мар. мөр "ягода (обычно о землянике)", мар.Г мөр "земляника; клубника", хант. (вост.) шарер "гроздь, кисть ягод", манс. мөри "гроздь. (ягод)" < ф.-уг. marja "ягода" (SKES II 334; Collinder 412). Здесь меряское слово наиболее близко в основном к прибалтийско-финским (за исключением ливского) и мордовским языкам, отличаясь от саамского, обско-угорских и марийского, где своеобразное развитие получил вокализм первого слога слова.

¹⁷ В финно-угристике эти параллели в данном объеме признаются не всеми. Часть ученых /46/ относят слова, связанные с рассматриваемым корнем, к числу финно-пермских, ограничивая круг языков марийским, удмуртским (под вопросом) и коми и возводя соответствующие слова этих языков к праязыковому (ф.-перм.) *šime. Подобный подход представляется недостаточно оправданным.

ЭТИМОЛОГО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕРЯНСКОГО СЛОВАРЯ

Рассмотренная этимология реконструируемых мерянских слов при всей вынужденной количественной ограниченности собранного материала позволяет дать общую предварительную характеристику мерянской лексики.

Рассмотренные лексемы составляют словник, включающий около 100 единиц. Однако, поскольку при освещении лексики в целом целесообразно сосредоточить внимание на так называемых корневых словах, оставляя в стороне производные и варианты, в общей сложности приводимая ниже лексика включает около 70 слов. Для удобства сопоставления с соответствующим финно-угорским материалом здесь оно проводится в основном согласно тому подразделению на тематические группы, которое предложено К. Реден и Й. Эрдейи [46]. Но в отличие от подачи материала, примененной там, где он сразу же рассматривается на основании сравнительно-исторических принципов, здесь весь привлеченный мерянский лексический материал вначале дается в рамках тематических групп независимо от его происхождения. Только после этого общего обозрения рассмотренная лексика будет представлена исходя из ее происхождения - финно-угорского (уральского) и заимствованного. В границах этих двух основных групп по возможности будут указаны более конкретные генетические ее связи, что касается исконной лексики, и языки-источники, что касается словарных заимствований.

1. Местоимения и служебные слова:

и (союз): *ра; и, даже (усилительные частицы): *-ка, *-ki;
нет: *nemeŋ; этот: *si; я: *ma.

2. Названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма:

перо: *tolgä; язык (отражено в переносном значении "речь"): *jelma(-š).

3. Названия, связанные с родством:

женщина (старуха): *kuza; мама, мать: *šama(ə); отец: *ata(-ə)/
*aša(-ə); старшая сестра, тетя (крестная мать): *koka (? дядя
(крестный отец): *koko).

4. Природа:

а) элементы, формации и явления природы: берег (низкий, заросший высокой травой): *šana(-š); болото: *ńero (-ə); высота: *ruje-
Ga(-š) < путь: ru(j)-; дым, дымить: *šar-; ложбина, низина: *lot-
ma/*lošma(-š); огонь: *tulä; озеро: *jähre(-ə); река: *juk (ст.
*joga);

б) растительный мир: верба: *šarnä; вяз: šolä(-ə); гнилушка:

*mäkäa(-ə); гриб (в частности, древесный): *paḷ(G)a/*poḷ(G)a(-ə); дуб: *toma(-ə); конопля: *moäka(-ə); кора: *kera; крапива: *miš; ягода: *maŕ(ə).

в) животный мир: белка: *uŕma(-ə); ворона: *paŕak(ə) (-a); гал-ка: *aḷka(-ə); гнездо: *pežə; журавль: *kuŕGa(-ə); корова: *ŕejma(-ə); кукушка: *käGa(-ə); лось: *šorDə; орел: *kukä; рыба: *kol; рыбчик: *muža(-ə); собака: *peŕ(ə); собака (молодая): *kuŕa(-ə); хариус (рыба): *sorjəs;

г) минералы: камень: *ki(β)/*kü.

5. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

бодянь (бодяться): *pelema; быть: *jole- (пусть будет: *jolus; бывший: *uŕša); видеть, смотреть > вот: *nä- (>: *jo); глотать: *nelə-; (п(р)оглотивший: *nelša/-ə); делать: *paŕa- (делающий, дел-ный (быстрый): *paŕaŕa); жить, живой: *elə-/-ä- (безжизненный: *iŕ-Doma/-Domə); знать (чувствовать): *tuDo- (знающий (чувствующий): *tuDora); кормить < давать: *anDo- (кормящий (дающий): *anDora); мочь: *zojmo- (могущий: *zojmorə); разговор, речь: *kolvə/-a; раз-рыв < разорвать: *vežema; спыхать: *kole-/-ə- (болезнь (тяжелая): *kolema); сказать, говорить: *mere-/-ə- (скажи: *merək); умирать: *hali-/-ə-; хотеть (желание): *tohtə(-).

6. Слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: соответствующие лексемы пока не обнаружены.

7. Названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и возраста (прилагательные):

здоровый: *sölə; красивый: *mažə(j); мало: *žänə; сильный (здо-ровый): *päDŕä; черный < ржавый: *šom < šamə.

8. Слова, обозначающие жилище, занятия, питание, одежду, сред-ства передвижения:

виды (двурогие): *veŕ (ед.ч.); деревня: *paŕo(-ə); масло: *zoj < *žajə (намамливание: *zojləma); овощи (свекла, брюква, огур-цы): *paŕša; перемет: *žeDma; путешествие: *matkoma (путь: *mat < *matk(ə)); сарай: *koju; топор: *kižäv.

9. Числительные:

один: *ik(ə)/*ük(ə) (единичка: *ikanä/*ükanä); семь: *šežum.

10. Веравания:

душа: *lil; дьявол: *jožlos(-əs)(?) > *jo(β)ls; курган: pa-no(-ə) (класть: *paŕe-/-ə-); хоронить (по христианскому обряду): *koroni-

По своему происхождению мерянская лексика делится на исконные финно-угорские элементы разной хронологической глубины и, соответ-

ственно, генетических связей (уральские, финно-угорские, финно-пермские и т.д.) и заимствования. Совершенно четко разграничивать те и другие часто очень трудно, так как в каждом из слоев исконной лексики могут быть заимствованные и включенные слова, настолько глубоко вросшие в нее и слившиеся с исконными лексическими элементами, что в настоящее время их почти невозможно различить. Эти, по-видимому, субстратные элементы должны хотя бы предположительно упоминаться для того, чтобы в последующих исследованиях мог быть окончательно установлен их характер.

Та же лексика, прежде всего исконная, будет рассмотрена ниже по отдельным языковым генетико-хронологическим слоям, причем в пределах каждого слоя будет приведена в составе названных ранее тематических групп. Далее, также в составе тематических групп, но в основном исходя из принадлежности к тому или иному языку-источнику будет дана заимствованная лексика. Итак, этимолого-лексикологический анализ марийской лексики по происхождению позволяет выделить в ней следующие основные группы.

ИСКОННАЯ ФИННО-УГОРСКАЯ ЛЕКСИКА

Лексический слой уральского происхождения

1. Местоимения и служебные слова:

этот: *ei (фин. *ee* "этот", эст. *see* "то же", морд.Э *se* "тот; этот", морд.М *se* "то же", мар. *седе* "тот", хант. *ei* "тот, этот"; нган. *sete* "он" < урал. **ei/še*) (ОФУЯ 399);

я: *ia (фин. *minä*, *mä* "я", эст. *mina*, *ma*, саам.Н *mon*, морд. *мон*, мар. *мий*, мар.Г *мине*, удм. *мон*, коми *ме*, хант. (каз.) *ма*, манс. *ам*, венг. *én* "то же" (*engem* "меня"); нен. *мань* "я", эн. *mo-di*, нган. *manpa*, сельк. *man*, кам. *man*, койб. *монь*, матор. *мань* < урал. *ni-nä/*me-nä* "то же") (ОФУЯ 399; Jantunen 86).

2. Названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма:

перо: *tolgə (саам.Н *dpl'ge* "перо", морд. *толга*, удм. *тылз*, коми *тыв* "то же", хант. (каз.) *тухад*, *тухал* "крыло (птицы)", манс. *товыл* "то же", венг. *toll* "перо"; нен. *то* "крыло (птицы)", эн. *tua*, нган. *tu* *tua* "то же", сельк. *tu* "перо, крыло", матор. *ту* "перо", *туда* "крыло" < урал. *tuika "перо, крыло") (ОФУЯ 400; МБЭФУЕ III 637; Jantunen 166);

3. Названия, связанные с родством:

отец: *ata/**aba* (фин. *ati* "тесть, свёкор", *ätti* "отец", эст. *att*, ген. ед.ч. *ati* "то же", морд. *атя* "старик", мар. *ача* "отец";

свекор", мар.Г а́тя "отец", удм. атай "то же", венг. atya "отец; мо-
нах"; эн. ata "отец!" (при обращении), нган. ta "то же" < ?урал.
*ata/*ati) – сомнение в существовании родства вызывается возможно-
стью заимствования части слов (напр., удм.), а также самостоятель-
ного их развития в отдельных языках (MSzFUE I 100-101).

4. Природа:

а) элементы, формации и явления природы:

болото: *nogo(-э) (фин. nogo "ложбина, болотистая лощина",
эст. nohi "сток воды; маленький, слабо текущий ручей", мар. но́ро
"сырой; влажный", удм. нюр "влага, сырость; болото", коми нюр "бо-
лото", хант. (каз.) не́рум "то же", манс. ня́р "болото (моховое, без
травы)", венг. nyirok "сырость, влажность; (анат.) лимфа"; ? эн.
por "бессточное озеро, превращающееся при пересыхании в болото",
сельк. пjar "(торфяное) болото; тундра" < урал. *norgz "болото;
влажный") (MSzFUE III 486-487; ОСНЯ II 89);

дуть: *ru(j) (на основе которого собственно мерянское ръгта:
*rujeGa) (морд.Э пувамс "дуть", мар. пуаш, хант. (вост.) рõyta,
манс. пувлункве "то же", венг. fújni "дуть; ваять; трубить"; нен.
пу́ць "подуть; раздуть (огонь)", эн. fuelabo "дуть", нган. fuarúma
"то же", сельк. рiав "(я) дую", кам. рһi'biám "то же", койб. пуб-
ля "(он) дует", матор. халнамь "дую" < урал. *ruwz-/*rujz-)
(MSzFUE I 219; Janhunen 128-129);

огонь: *tule (фин., эст. tuli "огонь", саам.Н dollá, морд.
тол "то же", мар. тул "огонь; костер", мар.Г тыл "то же", удм. тыл
"огонь", коми тыв (в сложном слове тывкõрт "огниво", где кõрт "же-
лезо"); нен. ту "огонь", эн. tü, нган. tui, сельк. tü, кам. йш,
койб. сн, ср, аб. thuy, матор. tui, тайг. туи, караг. дуи < урал.
*tule) (ОФУЯ 403; SKES У 1388-1390; Janhunen 166);

река: *juk < ст. *joGэ (фин. joki "река", эст. jõgi, саам.Н
jokká "то же", ? морд.М йв "р. Мокша", ? мар.Г йõгн "течение, по-
ток", удм. шур "река" (шур "река"), коми р, ? хант. (каз.) рхан
"речка", ? манс. я "река", венг. ст. jó; нен. яха, эн. jáha, сельк.
ке "то же", кам. тага "река, речка, ручей", матор. чага, тайг. ча-
га "то же" < урал. *jokэ "река") (ОФУЯ 403; MSzFUE II 339-340; Janhu-
nen 35);

б) растительный мир:

гриб: *paŋ(G)a/*poŋ(G)a (морд.Э панто "гриб", морд.М панга,
мар. понтю, мар.Г понты "то же", манс. панх "мухомор", хант. (вост.)
paŋk "то же", paŋkelta "шаманить, наевшись мухоморов"; нган. ст.
ŋarka- < *paŋ-ka- "быть пьяным (от мухоморов)" < урал. *paŋka
"гриб") (Alvre II 57; Collinder 408; Терешенко Нган.яз. 35-36);

в) животный мир:

ворона: *varak(э) (фин. varis, ген. ед.ч. variksen, эст. var-ges, ген. ед.ч. varese, лив. varikš, саам.Н vuо(r)ávjás, морд.Э ва-рака, морд.М в́арси "то же", ? мар. вараш "ястреб" (изменение значения, перенесенного на другую хищную птицу?), мар.Г в́араш, ? удм. варыш, ? коми варыш "то же", хант. (каз.) вурита "ворона", манс. ўри (и́ква), венг. varjú, акк. ед.ч. varjat; нен. в́арэ, сельк. kwegá, кам. bári: "то же", койб. báre "ворон", матор. берэ "то же" < урал. *warz "ворона") (ОФУЯ 404; КЭСЯ 47-48; SKES У 1654-1655; MSZFUE III 673-674; Janhunen 170);

гнездо: *pezē(a) (фин., кар., вод. pezä "гнездо", эст. pesa, вепс., лив. peze, саам.Н bævæe, морд.Э пизэ, морд.М пиза, мар. пн-жаш, мар.Г пнжаш "то же", удм. пуз "яйцо", пузкар "гнездо" (где кар "гнездо"), коми поз, хант. (вост.) ра1, манс. пити, венг. fészek "то же", ст. feze "его гнездо" < *pez(e); нен. пидя "гнездо", эн. fide, fire, нган. фэtte, сельк. реp, кам. phidä, койб. пиде < < урал. pezä "то же") (ОФУЯ 404; Alvre I 32, 78; КЭСЯ 223; SKES III 531; MSZFUE I 205; Janhunen 126; Collinder 408);

журавль: *kurga(-э) (фин. kurki "журавль", эст. kurg, ген. ед.ч. kure, лив. kuŗg, kurgēz, саам.Н guor'gá, морд.Э карго, морд.М карга; нен. х́арэ, эн. kori, сельк. ќега, кам. kuro, kuruju < урал. *kurkz "то же") (Alvre II 40; SKES II 245; Janhunen 54);

рыба: *kol (фин., кар., эст. kala "рыба", вепс., вод. кала, лив. kalā, саам.Н guolle, морд. кал, мар. код, хант. (каз.) хул, манс. х́ул, венг. hal; нен. хала, (ям.) халэ, эн. kare, нган. kolī, сельк. qelī, кам. қолэ, койб. коде, матор. challä, тайг. -galae (в argalae "лосось речной (Salmo fluviatilis)"), караг. kalè "то же" < урал. *kala "рыба") (ОФУЯ 404; Alvre I 27-28; SKES I 146; MSZFUE II 250; Janhunen 59; Collinder 406).

5. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

боязнь < бояться: *peləma (фин. pelkään "(я) боюсь", эст. pel-gama(peljata) "бояться", саам.Н ballát, морд. пелемс, удм. (диал.) пу1ini, коми дор1и, хант. (каз.) палти (пэлти), манс. пилу1икве, венг. félni; нен. пйлькш "то же", эн. fiəvo "(я) боюсь", нган. fi-litima, кам. р1м1ам "то же" < урал. *pele- "бояться") (ОФУЯ 405; КЭСЯ 223; SKES III 516-517; MSZFUE I 198; Janhunen 124-125);

глотать: *nelə (п(р)оглотивший: нй́ла) (фин. niellä "глотать (проглатывать)", эст. neelama, саам.Н njiellát, морд. нилемс, мар. не1аш, удм. ныл1и1и, коми нылавны "то же", хант. (каз.) нелти "глотать с жадностью", манс. палт- "глотать", венг. nyelni "то же";

нен. нала (сь) "съесть жадно, быстро, большими кусками", эн. podda "то же; глотать", нган. halta "то же" < урал. *hele- "глотать") (ОФУЯ 405; Alvge I 49; КЭСЯ 199; SKES II 376; MSZFUE III 479);

жить: *eilä(-э) (безжизненный): *il' Doma (фин. eilää "жить", эст. elama, лив. je'llē, саам. H eillet, морд. эрямс "то же" < *eilams, ср. морд. Э эльемс "веселиться, ликовать; резвиться", морд. М эле "да (подтверждение)" < *эляй "живет", мар. илаш, мар. Г йлаш, удм. удлын, коми овны, хант. (каз.) йилпалаты "обновиться, ожить", йилпи "живун (незамерзающее место на реке)", манс. ялтуңкве "ожить; зажить (о ране)", ялуп "живун (глубокое место на реке, где зимой скапливается рыба)", венг. élni "жить"; нен. иле (сь) "то же", эн. jiredo' "(я) живу", нган. йиле-та "то же", сельк. iljico "жить", кам. dili "живой", тайг. илинде "живо" < урал. *eilä- "жить") (ОФУЯ 405; КЭСЯ 203; SKES I 37-38; MSZFUE I 145-146; Janhunen 27; Ткаченко 134-143).

знать (чувствовать): tuDo- (знающий (чувствующий)): *tuDora (фин. tuntea "чувствовать; знать", эст. tundma, саам. H dowdât "то же", удм. тодны "знать", коми тодны "то же", венг. tudni "знать; уметь; мочь"; нен. тундас "узнать; отметить"; эн. tuddavo "узнаю, угадываю", нган. tuntúama "угадываю", кам. támpeim "знать, понимать", койб. тымнемь "знаю" < урал. *tunte "знать < видеть") (ОФУЯ 405; КЭСЯ 283; SKES V 1399-1400; MSZFUE III 646-648; Janhunen 167);

класть: *pane(-э) > собств. мер. pano/-э "курган" (фин. pana "класть", эст. panema, лив. pānda, морд. панемс "печь (хлеб) < класть (в печь); гнать", удм. понны "положить; налить; обувь, надеть", коми (диал.) пöнны "обмануть; запутать", хант. (каз.) пунты (пунти) "положить; надеть на голову", манс. пинункве "положить; налить; надеть"; нен. пэвэз "положить", эн. fuqavo "кладу", нган. (ст.) panúama, сельк. рэпнав, кам. phellim, койб. цаллям "то же", матор. аннамь "закладываю", хеннамь "кладу" < урал. pane- "класть") (Alvge I 87; КЭСЯ 228; SKES III 483-484; Collinder 408);

(тяжелая) болезнь < смерть: *kolema (слыхать < умирать: *kol- (фин. kolema "смерть", эст. (диал.) koolema "умирать < смерть, умиранье", морд. кулома "смерть", мар. колымаш, удм. кулон, коми кулём "то же", хант. (каз.) хал'ты "подохнуть", манс. холуңкве "погибнуть; кончиться", венг. halni "умирать"; нен. хась "умереть", эн. káro' "(я) умираю", kádo', нган. кйам, сельк. kuang, кам. кылем, койб. кулягандамь "то же", матор. кайма "мертвый", тайг. кcháima "то же" < урал. *kole- "умирать") (ОФУЯ 407; КЭСЯ 143; SKES II 239; MSZFUE II 250-251).

I. Служебные слова:

усилительные частицы (типа рус. -то, же): *-ka, *-ki (фин. -kaan, -kin, эст. -ki(-gi), морд.Э -как, морд.М -га, мар. -ке (в шке "сам"), удм. -ке (кин ке "кто-то"), коми -кӧ (код кӧ "кто-то"), манс. -ki (амки "я сам", где ам "я") < ? ф.-уг. *-ka, *-ki-, ср., возможно, также родственную кам. -ko/-kō, -go, -gō усилит. частица "и, же", свидетельствующую об уральских истоках данного явления, -ОСНЯ I 325-326) (Аристе I 303; КЭСЯ I 37; Галкин 94; Хелимский 96-97);

нет (ничего): *nemē (удм. но- "ни" (нокин "никто"), коми (-)нӧм (в нинӧм "ничто, ничего"), нем "ничто, ничего", хант. нэм "не" (нэмхулта "никуда", где хулта "куда"), манс. нэм "не" (нэмхот "нигде; негде", где хот "где"), венг. nem (nēm) "нет, не", nē "не" при гл. повел. накл. < ф.-уг. (вост.) *nāmi "нет, не") (MSzFUE III 464-466);

и (союз): *ra (? фин. -ra, -rā (усилит. частица: ну и, ну уж, же, ведь, то, если он, а вот), ? эст. -r (shapar "именно я, это я", где mina "я"), ? удм. пе "де, мол", ? коми пӧ "мол, дескать", хант. па "и (союз)" < ф.-уг. *ra (усилит. частица)). Если не подтвердится мысль о связи мерянского и хантыйского соответствий с явлениями других финно-угорских языков, что маловероятно, то следует считать данный факт одним из свидетельств древних мерянского-угорских языковых контактов (Аристе I 303-304; КЭСЯ 227).

2. Названия органов частей тела:

язык (слово засвидетельствовано в переносном значении "речь") *jelma (-š) (саам.Н џjal'bme "рот", мар. йилме "язык (анат., лингв.)", мар.Г йилмы "то же", хант. (каз.) иялум "язык (анат.)", манс. нѐлм, нѐлум "то же", венг. nyelv "язык (анат., лингв.)" < ф.-уг. *nālmā "язык") (ОФУЯ 412; MSzFUE III 480-481).

3. Природа:

а) растительный мир:

вяз: *vōla(-э) (фин. salava "ива ломкая", морд.Э седей "вяз", морд.М сяли, мар. шоло, венг. szil < ф.-уг. *vāla "то же") (ОФУЯ 414; SKES IV 954; MSzFUE III 587);

кора: *kerē (фин. kerī "новая кора на березе, выросшая на месте содранной", эст. (ст.) kege "лыко, луб", саам.Н gāggā "кора", морд.Э керь "лубок, кора", морд.М кяр, мар. күр, мар.Г кһр, удм. кур "то же", коми кор "кожура, шелуха", хант. (вост.) кӱр "кора, кожура; струп, короста", манс. кӱр "кора; кожура", венг. kereg "ко-

ра, корка, скорлупа", ст. кер "кора" < ф.-уг. *kege "кора, корка") (ОФУЯ 415; КЭСЯ 133; СКЕС I 183; MSZFUE II 353);

ягода: *mar(ə) (фин. marja "ягода", эст. marī, ген. ед.ч. marja, лив. mōga, саам.Н mior'je "то же", морд.М марь "яблоко < ягода", мар. мёр "ягода (обычно о землянике)", хант. (вост.) мигэр "гроздь ягод", манс. мори "гроздь" < ф.-уг. *marja) (Alvre I 51; SKES II 334; Collinder 412);

б) животный мир:

собака: *rei(ə) (фин., эст. reni "собака", саам.Н bōnā, морд. пине, мар. пий, удм. пунн, коми пон, венг. fene < *rene "язва, злой, лютый, овирепший" (в ругательствах fene egye meg "пусть съест тебя fene (? собака)", ср. рус. дѣс тебя заеть!) < ф.-уг. *rene "собака") (ОФУЯ 416; КЭСЯ 224-225; SKES III 517-518; MSZFUE I 200);

собака (молодая): *kuta(ə) (эст. kutsikas "щенок", ? морд.М кутэ "сережка (на дереве)" < (перен.) "щенок, котенок", ср. укр. котики "сережки (на вербах)" в связи с их пушистостью, мягкостью, удм. кучани "щенок" (пи "детеныш"), коми кутян (кути, кутэ, кутэпи) "щенок", хант. (каз.) кетюв "то же", манс. күтүв "собака", венг. kutyа "то же" < ф.-уг. *kuta/-'u" (молодая собака"); в финно-угри-стике до последнего времени словом финно-угорского происхождения не признавалось, расцениваясь как звукоподражательное (MNTESz II 686-687), однако поражает обилие финно-угорских параллелей, что вынуждает отдельных исследователей высказывать предположение о его финно-угорских истоках (КЭСК I47); обращает на себя внимание и самодийская параллель: нен. хутэ "молодая собака; (дет.) собака"; не исключено, что речь идет о древнем заимствовании неизвестного происхождения в финно-угорских или - шире - уральских языках;

в) минералы:

камень: *ki(ə)/*kü (фин., эст. kivi "камень", морд. кев, мар. кү "то же", удм. кō "жернов", коми изки "то же" (из "камень"), хант. кев "камень", манс. кәв "камень; жернов", венг. кб, акк. ед.ч. követ < ф.-уг. *kiwe "камень") (ОФУЯ 417; КЭСЯ 123; SKES I 208; MSZFUE II 368-369).

4. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

быть: *jole- (пусть будет: *jolus; бывший: *ul'a) (фин. olla "быть", эст. olema, морд. удемс, мар. улаш, удм. вал "был", коми вōлі "то же", хант. (каз.) вэл'тэ "жить; быть; находиться", манс. блудикве "быть, иметься, жить; содержаться; находиться, состоять", венг. volt "был" < ф.-уг. *wole- "быть") (ОФУЯ 417; КЭСЯ 67; SKES II 427-428; MSZFUE III 669-671);

видеть, смотреть: *näz- > вот: жоу (фин. nähdä (näkee) "видеть", эст. nägema "то же", саам.Н niegädit "видеть во сне", морд.Э неемс "видеть", морд.М ниемс "то же", удм. (диал.) naani "рассмотреть", хант. (вост.) nita "виднеться", манс. нэглункве "появиться, показаться", венг. nézni "смотреть" < ф.-уг. näke- "видеть, смотреть") (ОФУЯ 417; SKES II 410; MSZFUE III 470);

кормить < давать: *andō- (кормящий < дающий: *andōza) (фин. antaa "давать", эст. anda "то же", саам.Н vuow'det "продавать", морд. андомс "кормить", удм. удныи "напоить", коми удны (в парном сочетании вердны-удны "кормить-пить", где вердны "кормить"), венг. adni "давать" < ф.-уг. *amta- "то же") (ОФУЯ 418; КЭСКИ 295-296; SKES I 20; MSZFUE I 69).

5. Названия, служащие для выражения различных качеств, свойств (прилагательные):

черный < ржавый: *šom < šamš (фин. hämu "сумерки", морд.Э ченень "ржавчина; сухой; мгла", морд.М шямонь "ржавчина; накипь", мар. шеме "черный", мар.Г шим "то же", удм. синомыны (шынны) "ржаветь", коми сім "ржавчина; ржавый; смуглый; буровато-черный, темный", хант. сами (сами) "ржавчина", манс. сэмыл "черный", венг. szenny "грязь" < ф.-уг. *šimz "ржавчина; ржавый") (КЭСКИ 258). Этимология признана не всеми, часть ученых сближают только марийскую и пермские параллели, выводя их из ф.-перм. *šimz (ОФУЯ 427).

6. Слова, обозначающие жилище, занятия, питание:

масло: *zoj < *zaje (намастивание: *zojšma) (фин. voi, эст. või "масло", лив. vui, саам.Н vuoggjå, морд.Э ой, морд.М вай, мар. ўй, удм. вей "то же", коми вий "масло; жир (рыбий)", хант. (каз.) вуй (вуй) "жир, сало", манс. вей "жир; масло", венг. vaj "масло" < ф.-уг. *woje "то же") (ОФУЯ 422; КЭСКИ 71; SKES VI 1803-1804; MSZFUE III 666-667).

7. Числительные:

один: *ik(ə)/*ük(ə) (один, уменьш.: *ikanä/ükänä) (фин. yksi, ген. ед.ч. yhden "один", эст. üks, ген. ед.ч. ühe, саам.Н ok'tä, морд.Э вейке, морд.М фья, уменьш. фкья, мар. ик (икте), удм. одиг (ог), коми отик (оти), ? хант. ит, ? манс. акв (аква) < ф.-уг. *ik-te/*ükte) (ОФУЯ 423; КЭСКИ 212; SKES VI 1856-1859).

8. Ворования:

душа < дыхание, дух: *lil' (фин. löyly "пар (в бане)", эст. leil, ген. ед.ч. leili "пар; душа, жизнь", саам.Н liew'lå "пар (особенно в бане)", удм. лул "душа, дыхание, жизнь", коми лов "душа, дух, жизнь", дперм. lol "то же", хант. (вост.) lil "жизнь; дыхание; дух; душа", манс. lili "дыхание; душа", венг. lélek "душа, дух;

сердце; совесть; лицо (человек); дыхание; жизнь, самосознание", ст. (X в.) Lele "ими венгерского вождя" < ф.-уг. *lewle "дыхание, дух, душа" (ОФУЯ 424; КЭСЯ 160; SKES II 323; MSZPUE II 397-398; Чернецов-Чернецова 78).

Лексический слой финно-пермского происхождения

1. Названия, связанные с родством:

женщина (старуха): *kuša (? фин. kave "живое существо, человек; девочка, девушка; овечка; лесной зверь; мифологическое существо", ? эст. (диал.) kavo (kave) "девушка, женщина", ? саам.Н ga-bå "жена", мар. кува "старуха", мар.Г кубн "свекровь, теща", кыва "тетушка (в почтительном обращении)", удм. (ж.) куба "свекровь" < ф.-перм. *kʷaʷ "живое существо, создание" < и-е. *skab "творить, создавать" (SKES I 175).

2. Природа:

а) элементы, формации и явления природы:

ложбина, низина: *lotma/lošma (-э) (фин. (диал.) lotma (lotmo) "долина", кар. lodma, морд.Э лашмо "то же; низкое болотистое место", морд.М лашма "ложина, долина", коми лажмыд "невысокий, приземистый; отлогий, пологий, покатый; неглубокий, мелкий" < ф.-перм. *lɛšmɔ "низина; низкий") (КЭСЯ 156; SKES II 301);

б) растительный мир:

дуб: *toma(-э) (фин., кар., вод. tammi "дуб", эст. tamm, ген. ед.ч. tamme, лив. tāl, ген. ед.ч. tāl, морд.Э тумо, морд.М тума, мар. тумо, мар.Г тум, удм. тыпы, коми (дперм.) тупу "то же" (удмуртское и коми слова, очевидно, восходят к общепермскому *tu-pu < ? раннеперм. *tun-pu) < ф.-перм. tɛmɔ - "дуб", КЭСЯ 286). Данная точка зрения разделяется не всеми, часть исследователей отделяет пермские слова от финских (прибалтийско-финских, мордовских и марийского); наиболее оправданным представляется предположение о финно-пермском характере слова и его заимствовании из индоевропейского языка протославянского типа, ср. псл. *dǫbъ (ЭСЯ У 97), в таком случае за исходную следовало бы принять финно-пермскую преформу *tɛmpɔ с разным ее развитием в финской и пермской ветвях;

в) животный мир:

белка: *uigma (-э) (фин. orava "белка", эст. orav, саам.Н oar-ge, морд. ур, мар. ур, коми ур < ф.-перм. *ora) - в прибалтийско-финском и мерянском присоединен частично видоизмененный суффикс -va(-ва) < *-va < *-pa, отсутствующий в других языках (ОФУЯ 428; КЭСЯ 297-298; SKES II 436; Хакулинен I 125-126);

орел: *kutkå (фин. kotka "орел", эст. kotkas, саам.Н goas'kem,

морд. куцкан, мар. кучкня "то же", күткня "беркут", удм. (диал.) кутэ "птица, похожая на орла, но меньше размером", кчч (чуньы-кчч) "ястреб-тетеревятник", коми кутш "орел" < ф.-перм. *ко́ска "то же") (ОФУЯ 429; КЭСЯ 148; SKES II 224).

3. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы):

мочь: *moj(mo)- (могущий: *mojmoza) (фин. voida "мочь", voima "сила, энергия; здоровье; власть", эст. voima "мочь", voim "власть; могущество; сила, мощь", ? коми (уст.) ойёс "сила" < ? ф.-перм. *voi- "мочь, быть в состоянии; сила") (КЭСЯ 204; SKES VI 1804-1805);

разрыв < разорвать: *vezema (морд.Э сеземе "сорвать, оторвать; (обл.) перейти, переехать (через что-либо); (обл.) отойти (от кого-либо, от чего-либо), сезема "обрывание, срывание", морд.М сяземе "разорвать, вырвать; оторвать, сорвать; взорвать; порвать, расторгнуть", сязема "разрыв; расторжение", ? удм. сузянн "чистить, вычистить", ? коми сезьнн "поддать пару; открывать суслоны (снимая верхние снопы); снимать крышку" < ? ф.-перм. *ves- "срывать (вырывать) открывать") (КЭСЯ 271-272).

4. Числительные:

семь: *seitsem (фин. seitsemän "семь", эст. seitse, саам.Н sie-ŷá, морд. сисем, мар. шым, мар.Г шӹм, (диал., вост.) šiši-m, удм. сизьым, коми сизим < ф.-перм. *seŋsemä) - заимствование из какого-то индоевропейского языка, по-видимому, славяно-балтийского типа (КЭСЯ 255; ОФУЯ 433; SKES IV 991).

Лексический слой финского происхождения

1. Природа:

а) элементы, формации и явления природы:

дым, дымить: *šav- (фин. savu "дым", эст. (диал.) saṽ, ген. ед.ч. sau "дым; легкий туман", лив. sau "дым", саам.Н suovvá, морд. Э сүвтамс "окуривать", морд.М сфтамс, фон. šeftams "то же; подкуривать (пчел)" < пфин. *ššav- "дым, дымить") (SKES IV 986-987);

озеро: *jähre(-э) (фин. järvi "озеро", эст. järv, лив. jōra, саам.Н jaŋ're, морд.Э эрьке, морд.М эрьке, мар. ер, мар.Г йӹр < пфин. *jäŋ(э) re < *jäkere < и-е. (диал., протосл.) *jägera/-о- "озеро", местн. п. jägerg "в озере"). Формы всех финских языков восходят к прафинской, в мордовских языках к ее рефлексам присоединен уменьш. суф. -ке (SKES I 132); слово, видимо, является заимствованием из индоевропейского (скорее всего, протославянского) языка, с носителями которого финны вошли в контакт в Волго-Обском междуречье;

б) растительный мир:

верба: *värgə (фин. vaarni "ясень", эст. vaag, ген. ед.ч. vaage, лив. värga "то же", мар. шертне "верба", мар.Г шартни "то же" < фин. *värtne "ясень(?)") (SKES IV 939);

в) животный мир:

корова: *leima (-ä) < *leimä (фин. lehmä "корова", эст. lehm, лив. ni'em, ni'emä "то же", морд.Э лишме "лошадь", морд.М лишме "конь (только о красивом или игрушечном коне)" (SKES II 284) < фин. *leimä "кобыла (дойная)" < *läsä-ema "лошадь-самка" < добулг. *laša (ор. чув. даша - Егоров I26) "лошадь, конь" + фин. < урал. *ema "мать; самка") (ОФУЯ 402);

рябчик: *muža (-ä) (?фин. metso "глухарь", эст. metsis "то же", мар. музо "рябчик", мар.Г музы "куропатка" < ? фин. *metao "дикая птица из рода куриных") (SKES II 343).

2. Названия для выражения различных качеств, свойств (прилагательные):

мало: *vähä (фин. vähän "мало", vähä "малый", эст. vähe "мало", морд.Э вишка "малый, маленький", вж(гель) "язычок (букв. - маленький язык)", где -каль > -гель "язык", вежесь "младший, меньший" < фин. *vähe "малый, мало" < пгерм. *wæha-, ср. дангл. wāh "тонкий, мелкий"). Известные трудности при объяснении возникает в связи с консонантизмом: переход пгерм. -h- > фин. -ä- (SKES VI 1830-1831).

Некоторую часть мерянской лексики составляют слова, общие со словами одной финно-угорской языковой группы, с одним или двумя финно-угорскими языками определенного ареала. К ним принадлежат слова, общие: 1) с прибалтийско-финскими (иногда также саамским); 2) с марийскими и мордовскими; 3) с марийскими; 4) с мордовскими; 5) со словами угорских языков в целом или одного из них. В настоящее время можно только отметить это сходство и в редких случаях, когда существуют явные исконно мерянские параллели подобных лексем, говорить об их заимствованном характере. Не исключено, что дальнейшие исследования позволят установить, что среди отмеченных слов, общих для мерянского и данных языков, имеются и другие случаи заимствования мерянским языком инофинно-угорской лексики.

Предполагаемые мерянские слова,
имевшие соответствия в прибалтийско-финских
(и саамском) языках

I. Природа:

а) элементы, формации и явления природы:

берег (низкий, заросший высокой травой): *vapa (-ä) (? фин. va-

на "след, трспа, русло реки", кар.-ливв. vana "низина, заросшая травой") (SKES У 1631-1632);

б) животный мир:

кукушка: *kåga(-ä) (фин. käksi "кукушка", кар., вепс., kági, вод. káko, эст. kágu, ген. ед.ч. káo, лив. k'äg, саам.Н giekká "то же" < ? балт., ср. лит. gegė/gėgė) (SKES II 259);

хариус: *sorjäs (фин. harjus "хариус", кар. harjuš, вепс. harjus < ? пгерм. harzus, швед., норв. harr "то же"). Прибалтийско-финские языки могли быть только посредниками при усвоении мерянским германского слова, однако в случае принятия возможности его германского происхождения трудно объяснить соответствие мер. s- герм. h-, следовательно, слово может быть либо финно-угорским, либо заимствованным прибалтийско-финскими и мерянским языками из какого-то другого (негерманского) языка (SKES I 50; Востриков I 46-50).

2. Названия для обозначения действий:

хотеть (желание): *tohtä(-) (фин. tahtoа "хотеть", эст. tah-
tma "то же", саам.Н duov'tot "идти навстречу; отвергать; отвечать") (SKES IV II95, II96).

3. Слова, обозначающие жилище, средства передвижения:

путешествие: *matkoma (путь: *mat < *matk(ä)) (фин. matka "путь", matkata "путешествовать", эст. matk "путешествие", matkama "путешествовать", саам.Н muo'ke "конец санного полоза; путь") (SKES II 337);

сарай: *koju (фин. koju "будка, шалаш (из хвой)", кар. koju "будка; верх повозки" < швед. koja "избушка; будка; шалаш"), следовательно, мерянское слово скорее всего является заимствованием из германских (скандинавских) языков, где посредниками были прибалтийско-финские языки (SKES II 208; Востриков II 28-29).

Случай соответствий с марийским

и мордовскими языками

1. Слова, связанные с родством:

старшая сестра, теть (крестная мать): *koka (мар. кока "тет-
ка, теть", морд.Э кака "дятья, дятьято").

2. Природа (растения и животные):

а) растения:

гнилушка: *mäkäa(-ä) (мар. мекш "гнилушка", мар.Г макш, морд.Э макш, морд.М макша "то же") (Востриков II 31);

конопля: *moska(-ä) (морд.Э мушко "конопля; кудель", морд.М мушка "волоконно; кудель", мар. муш "пенька; кудель") (Халипов I29-
I31);

б) животные:

лось: *šorǵā (мар. шордо "лось", морд.Э сярдо "то же") (Vasmer 377).

Только в марийском языке обнаруживается соответствие мерянскому слову со значением "крапива": *nuš (мар. нуж "крапива") (Vasmer 418).

Только в мордовском языке были обнаружены соответствия следующим мерянским словам:

(обозначения действий) сказать, говорить: *šere-/—e- (скажи: *šerek) (морд.Э меремс "сказать, приказать", морд.М мярьгомс "сказать, велеть, приказать; говорить (в роли вводного слова; мярьган "говор" и т.п.)"); (обозначения качеств, свойств) красивый: *maže(j) (морд.Э мазый "красивый", морд.М мази "то же") — в последнее время сближаются также с удм. мусо "милый, дорогой", коми муса "милый, любимый" (КЭСЯ I 79), в таком случае слово относится к финно-пермскому лексическому слою; сильный (здоровый): *šāǵā (морд.Э вадря "хороший, красивый; добрый", морд.М вадря "гладкий, приглаженный (о волосах, шерсти, ворсе)"); (слова, связанные с занятиями): перемет: *šedma (морд.Э ведьме "повод, ремень (узды и т.п.); завязка, бечевка; конец, обрывок нитки") (Востриков II 28).

К числу лексем, надежные соответствия которым обнаруживаются только в угорских языках, относятся связанные с действиями и занятиями, а также обозначением места жительства, поселения: делать: *šaga- (делающий, дельный (быстрый)): *šagaša (хант. (вост.) wārta "делать, сделать", wertä "то же", манс. варункве "делать, сделать, изготовить, приготовить; строить, построить, устроить; создавать, создать; свершать, совершить; оказать (помощь); выработать"); деревня: *palo(-š) (хант. (вост.) rušäl "деревня, населенный пункт, поселение (рыбаков, охотников)", манс. пáвыл "деревня; поселок; селение", венг. falu, мн.ч. faluk/falvak "деревня", ? фин. Palvala, (название деревни), ? кар. palvi "место жительства"). Изолированность прибалтийско-финских слов заставляет считать их заимствованиями (включениями) из других финно-угорских (угорских или саамского?) языков; более надежна связь с угорскими словами у саам. balgea "место выпаса оленей", видимо, напрасно отвергаемого (MSZPUE I 181) < угор. (ф.-уг.?) *palyš (MSZPUE I 180, 181; Серебр. Происход., 179).

Особое место среди лексики финно-угорского происхождения занимает мер. а́лка "галка", представляющее собой образование, возникшее, по-видимому, на основе соответствующего прафинно-угорского слова, ср.: фин. naakka "галка", кар. ноакка, вепс. ñak, ñäk, эст.

hakk, морд. чавка, мар. чага, удм. ча́на, коми чавкан, венг. са́бка. Если предположить общее происхождение указанных финно-угорских слов, что оспаривается ввиду возможности их звукоподражательного характера и независимости развития (КЭСКИ 300, МПБез I 547-548), то, исходя из праформы *сајка и принимая ее до известной степени аномальное развитие (преимущественно в прибалтийско-финских языках), можно считать это слово связанным как с прибалтийско-финскими языками, так и с восточной группой финно-угорских языков. Однако ввиду нерешенности этого вопроса в настоящее время нельзя определить с точностью отношение мерянского слова к другим возможным его соответствиям, расценивая его как собственно мерянского образование на основе исходного финно-угорского лексического материала. Следовательно, при оценке мерянского словаря в его взаимоотношениях с финно-угорской лексикой родственных языков данное слово пока не может учитываться.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение проанализированных выше 68 корневых меряnskих слов финно-угорского (и уральского) происхождения, к числу которых частично отнесены и наиболее древние возможные заимствования (субстратные включения), позволяет установить, что из них с прибалтийско-финскими языками связаны 52 слова, с мордовскими - 48, с марийским - 38, с пермскими - 36, с саамскими и обско-угорскими - по 31, с венгерским - 28, с самодийскими - 21 слово. Следовательно, в процентном выражении реконструированная часть мерянской лексики обнаруживает соответствий в прибалтийско-финской лексике 76,5 %, в мордовской - 70,6, в марийской - 55,9, в пермской - 51,5, в саамской - 44, в обско-угорской - 44, в венгерской - 41,2, в самодийской - 31 %.

При всей предварительности приведенных соотношений обращает на себя внимание тесная связь мерянского с финно-пермскими языками. На основании указанных данных мерянский язык в лексическом отношении можно определить как финно-пермский, преимущественно финский, поскольку наибольшие связи у него обнаруживаются с прибалтийско-финскими и мордовскими языками.

С финно-пермскими языками мерянский объединяют не только исконные, но и частично древние заимствованные элементы, к которым наряду с лексикой предполагаемого балтийского (*kāga "кукушка") или германского (*jāhā "мало", *koju "сарай") происхождения относятся отдельные индоевропейские слова, возможно, протославянского происхождения (*jāhre "озеро", *sežim "семь", *toma(-э) "дуб"). Как и

прибалтийско-финские и мордовские языки, мерянский заимствовал, по-видимому, также древнебулгарское слово *laša "лошадь", образовав на его основе собственно фин. *lejša.

Наряду с этой наиболее древней частью заимствованной лексики, общей у мерянского с другими финно-угорскими, прежде всего финно-пермскими, языками, мерянский обнаруживает более своеобразные, преимущественно собственные, заимствования. Интенсивные связи мерянского с угорскими языками отразились не только в области исконной лексики, где доля общих элементов относительно высока (41,2 - 44 %), но и в заимствованиях. Обнаруженное заимствование *hali-/ə- "умирать" относится к числу наиболее важных понятий. Вместе со своеобразным семантическим развитием лексемы *lil' < ф.-уг. lewle "душа", общим для мери и угров (а также пермян) и чуждым остальным финно-уграм, оно может свидетельствовать о тесных связях мерк и угров, в частности в области верований.

К другим, не финно-угорским языкам, явившимся источником заимствований и включений, относятся болгарский, балтийские, греческий, славяно-русский и индоевропейский (фатьяновский, - очевидно, протославянский).

Булгарский был для мерянского источником пополнения понятиями, относящимися к хозяйственной деятельности. У булгар (вместе с прибалтийскими финнами и мордовцами) меряне, по-видимому, заимствовали основы молочного скотоводства, связанного с доением сначала кобыл, затем коров, на которых было перенесено гибридное булгаро-финское название лошади-самки. От них же меря переняла огородничество, которому булгары, в свою очередь, учились у иранцев (*raša "овощи (свекла, брюква, огурцы)").

Связи с балтийцами могли осуществляться как с помощью прибалтийских финнов, так и непосредственно. У балтийцев заимствовались, в частности, названия ремесленных изделий (*kižāš "топор"). С ними меря вступала в непосредственные торговые и меновые контакты, при которых в качестве языка-посредника использовался балтийский (*kolvā(-a) "разговор, речь", *kolva- "разговаривать").

С греческим языком меря столкнулась в связи с христианизацией. Отсюда, видимо, первыми миссионерами-греками, заимствовались термины, связанные с христианской религией (*jōzlov "дьявол").

Более сложные лексические связи были у мерянского со славянским языком. Их следует, по всей видимости, разделить на два основных периода. Начало первого относится к I тыс. до н.э., когда (прото)меря в своем движении на запад и расселении на исторически заимствованном месте обитания в области Волго-Окского междуречья

чья застала там индоевропейское население – носителей фатьяновской культуры. Часть этого населения, судя по словам, заимствованным у него мерей (отчасти и другими финнами и пермянами), могла быть связана с этносом, сформировавшимся впоследствии на другой территории в праславянский. Собственно мерянскими словами, включенными из этого субстратного языка протославянского типа, могли быть такие лексемы, как *ʒeŋ (ед.ч.), *ʒänek (мн.ч.) < *dwäni "(деревянные) дву-рогие вилы" и *soiŋ < *soiŋ "здоров(ный)" (в частности, как компонент приветственной формулы). Заимствования из этого языка протославянского (или близкого к нему) характера, имевшего, возможно, своеобразный путь развития, не полностью совпадавший с линией эволюции будущего праславянского, носили характер субстратных включений, так как он растворился в мерянском (и других смежных финно-угорских языках) задолго до того, как меряне вошли в контакт с подлинными славянами – носителями прото(велико)русских диалектов древнерусского языка. Поскольку ассимиляция произошла, очевидно, не сразу и могла длиться несколько веков, в мерянский, как и другие финские языки, слова этого языка могли включаться на разных стадиях его развития.

Ко второму периоду (X–XIII вв. н.э.) относятся языковые связи мери со славяно-русским населением, где все больший перевес оказывался на стороне славян, в связи с чем меря постепенно полностью перешла на их язык. На первом этапе контактов с носителями славяно-русского языка, когда меряно-славянское двуязычие не стало еще массовым явлением, из славяно-русского языка заимствовались слова, обозначающие понятия, до того не известные мерянам. К ним, в частности, относится мер. *koroni (-ma) < рус. хоронити "хоронить", видимо, первоначально относившееся к новому (христианскому) похоронному обряду, заимствованному у славян. На позднем этапе контактов со славяно-русским > (велико)русским населением при разившемся среди мери двуязычии могли заимствоваться также слова, имевшие соответствия в мерянском и употреблявшиеся наряду с ними в качестве синонимов. К ним, видимо, относится (поздн)мер. *maia, засвидетельствованное (пережиточно) в мер. зват. *maiaj – рус. (диал., яросл.) мамай! Случаи подобного рода заимствований, вызванных отчасти мотивами престижности языка-источника, известны и другим языкам, ср. нем. *Mama* < фр. *maman* при нем. *Mutti*, нем. *Papa* < фр. *papa* при нем. *Vati* (Kluge-Mitzka 457, 530).

Анализ реконструированной части мерянской лексики, свидетельствуя о несомненном финно-угорском (и уральском) происхождении большинства ее слов и о связях в древнейших заимствованиях с дру-

гими финно-угорскими языками, показывает в то же время ее своеобразие как в исконной части словаря, так и в заимствованиях и субстратных включениях. Обе эти части мерянской лексики выделяются на фоне лексики других финно-угорских языков формальным и семантическим своеобразием элементов, общим с другими финно-угорскими, а также их своеобразным сочетанием. Специфика мерянского словаря создается также наличием в нем лексических заимствований и субстратных включений, не известных другим финно-угорским языкам. Черты своеобразия и связи мерянского с другими родственными и неродственными языками, достаточно заметные даже при анализе небольшой, поддающейся в настоящее время воссозданию части его лексики, должны еще более проясниться при дальнейшей реконструкции и углубленном этимологическом исследовании мерянского словаря.

Системная реконструкция и всестороннее изучение доступных ныне фактов мерянского языка, извлеченных из русского языкового материала мерянского происхождения, позволяют на основе обобщения полученных результатов подвести итоги проведенной работы и наметить пути ее продолжения.

Апробированный в предыдущем исследовании автора [64] на фразеологическом материале особый (сопоставительно-исторический) метод, применимый для реконструкции субстратных языков, проявил себя в данной работе как вполне действенный при реконструкции и изучении мерянского языка на всех его уровнях — фонетическом, грамматическом, лексическом.

С помощью воссозданных данных мерянского языка постепенно начинают проясняться основные моменты его происхождения и истории. Своими корнями мерянский, как и другие финно-угорские языки, уходит вглубь уральского и финно-угорского праязыковых периодов, что особенно ярко отражено в его лексике и фонетике и менее заметно (из-за фрагментарности сведений) — в чертах грамматического строя. Наиболее тесным родством среди финно-угорских мерянский язык связан с финскими языками, прежде всего прибалтийско-финскими и мордовскими и в меньшей степени — с марийским. Об этом свидетельствуют освещенные в данной работе факты его фонетики, грамматики и лексики.

Специфика мерянского языка определялась в значительной степени своеобразным развитием и сочетанием исконных элементов, унаследованных им из разных периодов его формирования (уральского — финно-угорского — финно-пермского — финского) и предшествовавших его выделению в качестве особого финно-угорского языка. В то же время заметный вклад сюда внесли контакты мерянского с другими родственными и неродственными языками. Наиболее примечательными из них были связи (прото)мерянского с угорскими языками или их предками, протоугорскими диалектами финно-угорского праязыка, до переселения (прото)мерян на запад, и контакты, в которые они вступили в Волго-Окском междуречье с носителями индоевропейских диалектов (в ряде случаев явно протославянского типа). Черты угорского влияния прослеживаются в мерянском на разных уровнях — фонетическом (развитая па-

лательность), грамматическом (общий с венгерским формант множественного числа *-k*), лексическом (важные, в том числе служебные, слова), что свидетельствует о его былой интенсивности и глубине. У индоевропейцев-фатьянцев с их близким к протославянскому идиомом, вошедшим частью элементов в мерянский как его субстрат, меряне заимствовали лексику, связанную с новыми для них видами хозяйственной деятельности (оседлое скотоводство). От них же были усвоены слова и фразеология, относящиеся к духовной жизни, обычаям (например, связанные с традиционными приветствиями-пожеланиями). Ценность этих элементов мерянского словаря заключается в том, что здесь мерянский, как и другие финно-угорские языки того же ареала, сохранил, возможно, те наиболее ранние формы праславянского языка, которые давно утрачены и нигде не сохранены самими славянскими языками, преобразовавшими их в ходе своей эволюции. Поскольку период контактов мери с фатьяновцами продолжался (примерно с I тыс. до н.э. до рубежа н.э.), закончившись окончательной финно-угризацией последних, следует считаться с возможностью отражения разных стадий развития этого индоевропейского языка. Большая или меньшая близость его к (прото)славянскому типу может быть связана также с его диалектной дифференциацией. Признавая вполне вероятным предположение В.Т.Коломиец о возможной ассимиляции славянами части финно-угров, предвинувшихся западнее мери, и о воздействии финно-угорского субстрата на праславянский язык [26, с. 79-81], можно, исходя из мерянского материала, дополнить его мысль об установившейся постепенно между территорией с преобладанием славян и территорией с преобладанием финно-угров славяно-финно-угорской границе. К западу от нее, там, где праславяне оказались в большинстве, произошла постепенная ассимиляция финно-угров славянами, к востоку, где численно преобладал финно-угорский (мерянский) этноязыковой элемент, произошла ассимиляция индоевропейцев (в том числе возможных протославян) финно-уграми. В результате указанных ассимиляционных процессов, с одной стороны, праславянский мог включить в себя отдельные элементы древней финно-угорской лексики, в частности связанной с характерным для финно-угров рыболовством [26, с. 80-81; 27, с. 118-127], и испытать воздействие финно-угорского субстрата на иных уровнях, с другой стороны, мерянский включил в себя часть древних субстратных протославянских лексических элементов и испытал влияния, которые еще предстоит изучить. Так, не исключено, что одним из их последствий было отсутствие в мерянском сингармонизма, начавшего в нем развиваться, как и в других финно-угорских языках, но приостановленного под воздействием индоевропейского (протославянского) языка.

Итак, в финно-угорский или близкий к нему период (прото)мерянский язык характеризовался контактами с (прото-) или (пра)угорским. Для начала древнемерянского периода как части истории собственно мерянского языка особенно характерны контакты мерянского с индоевропейским языком фатьяновцев, в ходе которых последний постепенно растворился в своих пережиточных субстратных элементах в мерянском. Древнемерянский период не оставил почти никаких следов, так как в это время отсутствуют какие-либо записи мерянского языка со стороны как самих мерян, так и их соседей, если не считать нескольких отражений этнонима "меря". Последний период развития мерянского языка, собственно исторический, так как именно в это время начинают фиксироваться его слова и названия и, очевидно, осуществляются попытки создания мерянской письменности с миссионерской целью, относится к X-XIII вв. н.э. В это время меря вступает в контакты с носителями прото(валико)русских говоров древнерусского языка (в дальнейшем ставшими частью отдельного восточнославянского русского языка). В ходе их как результат перевеса славян меря все более славизируется, переходя полностью на славяно-русский язык. Конечным следствием этого контакта становится, таким образом, превращение мерянского языка в субстрат русского. Однако длительность процесса постепенной славизации мери, закончившейся полным вытеснением мерянского языка, привела к тому, что он, исчезая, оказал определенное влияние на местный русский язык и оставил в нем и письменных фиксациях многочисленные следы своего бывшего существования. По этим следам теперь предстоит воссоздать историю мерянского языка, дать его всестороннее и возможно более полное описание, построенное на исчерпывающем этимологическом анализе всех его лексических и грамматических элементов, выяснить картину его развития и постепенного угасания в связи с трансформацией сохранившихся мерянских элементов в диалектные русские.

Эту крайне сложную и трудоемкую работу необходимо проделать, имея в виду следующую ее пользу и значение.

1. История Центральной России, являющейся средоточием формирования русской государственности, русского литературного языка и русской культуры в целом, до сих пор известна главным образом только с X-XI вв., то есть с появления в ней восточных славян. С изучением мерянского языка и связанным с ним комплексом работ в области мерянских древностей (истории, археологии, антропологии, этнографии, фольклористики) становится возможным заглянуть в историю этого важного региона на 1-2 тыс. раньше. Отечественная наука не может упустить такую возможность.

2. Любой язык несет в себе заряд огромной информации, приоб-

шая нас к жизни давно ушедших предков, и в этом смысле бесследное исчезновение любого языка — невосполнимая утрата. Без знания мерянского языка остаются неясными происхождение и первоначальное значение целого ряда русских диалектных слов Московской, Калининской, Ярославской, Владимирской, Ивановской, Костромской и др. обл., откуда шло переселение в другие районы России, вплоть до Урала и Сибири. Без знания этого языка молчит для нас также "язык земли", карта Центральной России, полная десятков и сотен названий, по-видимому, мерянского происхождения (таких, как Москва, Яхрома, Кострома, Кинешма, Шолешка, Шекшема, Покша и многих других, больших и малых мест, которые с детских лет близки и дороги миллионам русских людей, но понять которые они пока не могут). Расшифровать этот умолкнувший язык, сделать его возможно более понятным для нас — задача трудная, но интересная и благородная.

3. Мерянский язык образует собой звено, некогда связывавшее ряд финно-угорских языков, прежде всего прибалтийско-финские, мордовские и марийский. В нем обнаруживаются загадочные следы древних контактов с угорскими языками, в частности венгерским. Большинство народов, говорящих на этих языках, живет в пределах Советского Союза, с двумя самыми большими из них — венграми и финнами, живущими в основном в Венгрии и Финляндии, но частично также в Советском Союзе, народы нашей страны связывают дружеские, добрососедские отношения. Реконструкция мерянского языка позволяет глубже изучить историю этих народов и языков в их многообразных связях. Для исследования мерянского языка необходимы и финно-угроведение и славистика. Следовательно, его воссоздание и изучение — это не только вклад в мировую финно-угристику, но и в укрепление дружественных связей народов нашей страны с народами Венгрии и Финляндии, а вместе с тем и всех стран, где интересуются проблемами финно-угроведения, число же их все время растет.

4. Изучение мерянского языка, в своих остатках полностью растворившегося в русском, чрезвычайно важно для русистики в ее разнообразных проявлениях, прежде всего для истории русского языка и русской диалектологии. Для науки о русском языке необходимо установить, какое влияние мог оказать мерянский субстрат на русский диалектный и литературный язык, в чем он мог определить их своеобразие. Эти вопросы еще никак серьезно и глубоко не изучались, хотя отдельных разрозненных попыток было довольно много. Лингвистическая мерянистика, черпая свои данные из русского (главным образом, диалектного) языка и русской ономастики должна способствовать решению этих проблем. И в этом ее несомненное научное значение.

5. С двух точек зрения необходимо исследование мерянского язык-

ка и для славистики — ввиду сохранения им в своих остатках возможных следов древнего протославянского языка фатьяновцев и в связи с тем, что изучение субстратного влияния мерянского языка на русский, обнаруживая один из источников специфики русского языка на фоне славянских, тем самым важно и для общей славистики.

6. Наконец, немалые услуги изучение мерянского языка как субстратного может оказать общему языкознанию, где большую роль для понимания особенностей языковых контактов и закономерностей развития языка, в частности причин распада праязыка на родственные языки, призвана сыграть разработка теории субстрата. Опыт реконструкции мерянского языка в его внутренней и внешней истории не может не обогатить общее языкознание.

Таково значение исследования и реконструкции мерянского языка, вполне оправдывающее те усилия, которые делались и будут сделаны в этом направлении. Усилия эти, безусловно, должны быть значительно интенсифицированы в связи с тем, что остатки мерянского языка, которых в русских диалектах становится все меньше и меньше, еще стремительнее должны исчезать ввиду усилившихся миграций населения Центральной России и стирания местных диалектных особенностей. То же относится к возможным записям мерянских текстов и слов, сохранных в имеющихся, и возможно, еще не открытых памятниках, также, к сожалению, не вечных.

В связи с необходимостью реконструкции и исследования мерянского языка перед наукой стоят следующие нестложные задачи:

1) фиксация всех данных современной ономастики и апеллятивов мерянского происхождения, содержащихся в русских локо- и социолектах, прежде всего Центральной России, требующая, помимо целенаправленных усилий, исчерпывающей записи русской диалектной лексики и ономастики центральнорусских областей;

2) учет всех диалектных и ономастических записей слов мерянского происхождения как в публикациях и рукописных списках (XIX и XX вв.), так и в записях русских, а возможно, и иностранных памятников предыдущих веков;

3) поиски сохранившихся памятников мерянского языка (связных текстов, глосс и глоссариев, берестяных грамот, граффити);

4) сбор исторических свидетельств, содержащих сведения о внешней истории мерянского языка и истории его носителей, важных для воссоздания наиболее полной картины существования мерянского языка.

Таковы те большие и сложные задачи, которые стоят перед исследователями мерянского языка. В настоящей книге, намечающей путь к их решению, можно было затронуть только небольшую их часть.

Примечание. Ввиду отсутствия обнаруженных связных мерянских текстов их заменяют примеры разрозненных, частично реконструированных минимальных текстов-предложений.

1. *Joluš pa joluš < *Joložə pa joložə [**teñān veče (- -) (te) - juče (--)] (te)! - рус. (дил.) Елусь поелусь! "Хлеб да соль (приветствие во время обеда)" (Костр. губ. - Солигал. - 1847 г.) (СРНГ УШ 349). 2. [*π' -u] urma /63, с. 232-233/. 3. *šī joñ juk-рус. (арг.) оженъ "(это) есть" (Яр. губ. - Угл.) КЯСС 184.

Перевод

1. Пусть будет и будет (букв. - пусть есть и пусть есть)!
 < Пусть будет и будет [у тебя еда (твоя) - питье (твое)]! 2. [Жила-была] белка. 3. Это (есть) река.

Периодические издания

- СФУ - Советское финно-угроведение. 1965
 FUF Anz - Anzeiger der Finnisch-ugrischen Forschungen. 1901
 MSF Ou - Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 1880

Источники

- Аристе - Аристе П.А. Примечания. - В кн.: Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка : Фонетика и морфология. М. : Изд-во иностр. лит., 1953, ч. I, с. 290-306.
- Баладин - Вахрушева - Баладин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южномансийского (кондинского) диалекта. - Л. : Учпедгиз, 1958. - 228 с.
- Веселовский - Веселовский С.Б. Ономастикон : Древнерус. имена, прозвища и фамилии. - М. : Наука, 1974. - 382 с.
- Вин. - Виноградов Н.Н. Галицкие алеманы : Услов. яз. галичан (Костром. губерния). - Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук (1915), т. 20, кн. I, с. 18-52.
- Востр. I - Востриков О.В. Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (сорьез, тохта, шохра). - В кн.: Этимологические исследования : Этимология рус. диалект. слов. Свердловск, 1978, с. 45-53.
- Востр. II, Востр. ФУЛЭ - Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. - В кн.: Этимологические исследования. Свердловск, 1981, с. 3-45.
- Галкин - Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка : Морфология. - Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1964. - Ч. I. 203 с.
- Гринченко - Словарь украинского языка : Собр. ред. журн. "Киевская старина" / Ред. с доб. собств. материалов Б.Д. Гринченко. - Киев; 1907-1909. - Т. I-4. - (Надрук, з вид. 1907-1909 pp. фотомех. способом. К. : Вид-во АН УРСР, 1958).
- Даль - Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. - М. : ГИС, 1955. - Т. I-4. - (Набрано и напеч. со 2-го изд. : 1880-1882 гг.).
- Дитмар - Дитмар А.Б. Над старинными рукописями : "Топогр. описания Яросл. края" конца XVIII в. - Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1972. - 125 с.
- Егоров - Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. - Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. - 355 с.
- Зайц. - Зайцева М.И. Грамматика вепского языка : Фонетика и морфология. - Л. : Наука, 1981. - 360 с.
- КГЗ, КГЗ (СНМ) - Костромское губернское земство : Список насел. мест Костром. губернии (по сведениям 1907 г.) - Кострома : Б.и., 1908. - 347 с.
- КОСК - Костромской областной словарь (картотека) (хранится на ка-

- Федре русского языка Костромского пед. ин-та им. Н.А. Некрасова).
- КЭСЯ - Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. - М. : Наука, 1970. - 386 с.
- КЯОС - Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820-1956 гг.). Более 10000 слов : Введ. и слов. - Ярославль : Б.и., 1961. - Т. 1. 224 с.
- Лыткин Ист. вок. - Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. - М. : Наука, 1964. - 270 с.
- МарРС - Марийско-русский словарь. - М. : ГИС, 1956. - 863 с.
- МКНО - Материалы Костромского научного общества (хранящиеся в архиве Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, - быв. Ипатьевский монастырь).
- МокШРС - Мокшанско-русский словарь. - М. : ГИС, 1949. - 359 с.
- Мурз - Мурзаев Э., Мурзаева В. Словарь местных географических терминов. - М. : Географгиз, 1959. - 303 с.
- ООВС, ООСВН - Опыт областного великорусского словаря : Изд. 2-м отделением Императ. Акад. наук. - СПб. : Тип. Акад. наук 1852. - XII + 275 с.
- ОСНЯ - Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) : Сравн. слов. (C-3). Указ. - М. : Наука, 1976. - 156 с.
- ОФУЯ - Реден К., Эрпей И. Сравнительная лексика финно-угорских языков. - В кн.: Основы финно-угорского языкознания : (Вопр. происхождения и развития финно-угор. яз.). М. : Наука, 1974, с. 397-438.
- План р. Костромы - План реки Костромы от гор. Костромы до истока. - Кострома : Костром. науч. о-во, 1930. - 35 с.
- Р Коми С - Русско-коми словарь. - Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1966. - 776 с.
- РКС - Русско-карельский словарь / Сост. Г.Н. Макаров. - Петрозаводск : Карелия, 1975. - 160 с.
- Р МокШ С - Русско-мокшанский словарь. - М. : ГИС, 1951. - 688 с.
- РомС - Куз - Ромбандеева Е.И., Кузакова Е.А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. - Л. : Просвещение, 1982. - 360 с.
- Р Эрз С - Русско-эрзянский словарь. - М. : ГИС, 1948. - 430 с.
- Сав - Уч - Саваткова А., Учаев З. Краткий грамматический очерк марийского языка. - В кн.: Марийско-русский словарь. М. : ГИС, 1956, с. 793-863.
- Свеш - Слова торговцев г. Углича, доставленные Н.Свешниковым (денежный счет, отдельные слова и речь). - Яросл. ист. музей, ф. 37, ед.хр. 322, л. 80-94.
- СВХД - Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. - Л. : Наука, 1981. - 544 с.
- Семенов - Семенов Т. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. - В кн.: Тр. УП археол. съезда в Ярославле в 1887 г. М. : Б.и., 1891, т. 2, с. 228-258.
- Серебр. Ист. морф. морд. яз. - Серебrenников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. - М. : Наука, 1967. - 262 с.
- Серебр. Ист. морф. перм. яз. - Серебrenников Б.А. Историческая морфология пермских языков. - М. : Изд-во АН СССР, 1963. - 391 с.
- Серебр. Осн. лин. разв. - Серебrenников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. - М. : Наука, 1964. - 183 с.
- Серебр. Происход. - Серебrenников Б.А. Происхождение марийского народа по данным языка. - В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1967, с. 165-180.
- Смирнов - Каминский словарь / Сост. И.Т.Смирнов. - СПб. : Тип.

- Акад. наук, 1901. - 312 с. - (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук; Т. 70, № 5).
- Смол - Смолишкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки : (Список рек и озер). - М. : Наука, 1976. - 404 с.
- СРТСУ - Словарь русских говоров Среднего Урала. - Свердловск : Урал. рабочий, 1971. - Т. 2. 214 с.
- СРНГ - Словарь русских народных говоров. - Л. : Наука, 1965-1983. - Вып. I-19.
- СРНГК - Словарь русских народных говоров (картотека) (хранится в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР).
- СРГНО - Словарь русских говоров Новосибирской области. - Новосибирск : Наука, 1979. - 605 с.
- Терещенко Нган. яз. - Терещенко Н.М. Нганасанский язык. - Л. : Наука, 1979. - 322 с.
- Ткаченко - Ткаченко О.Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. - Киев : Наук. думка, 1979. - 298 с.
- ТОЛРС УП - Труды Общества любителей российской словесности при Моск. ун-те, 1828, ч. 7.
- ТОЛРС ХХ - Труды Общества любителей российской словесности при Моск. ун-те, 1820, ч. 20.
- Топоров (I - K) - Топоров В.Н. Прусский язык : Словарь. I - K. - М. : Наука, 1980. - 384 с.
- Хакулинен - Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. - М. : Изд-во иностр. лит., 1953-1955. - Ч. 1-2.
- Халипов - Халипов С.Г. Что значит Москва. - СФУ, 1984, № 2, с. 129-131.
- Хелимский - Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели : Лингв. и этногенет. интерпретация. - М. : Наука, 1982. - 164 с.
- Чернецов - Чернецова, КМРС - Чернецов В.Н., Чернецова И.Я. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. - М.; Л. : Учпедгиз, 1936. - 115 с.
- Чув РС - Чувашско-русский словарь. - М. : ГИС, 1961. - 630 с.
- Экон. прим. - Экономические примечания к генеральному межеванию (конец XVIII века). - Арх. Костром. обл., ф. 138, оп. 5, ед.хр. 17-18.
- Эрз РС - Эрзянско-русский словарь. - М. : ГИС, 1949. - 292 с.
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков : Праслав. лекс. фонд. - М. : Наука, 1974-1983. - Вып. I-10.
- ЭСТЯ - Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюрк. и межтюрк. основы на гласные. - М. : Наука, 1974. - 767 с.
- ЯОС - Ярославский областной словарь. - Ярославль : Б.и., 1981-1982. - Аа-Бобинка; Бобовка - вертушок.
- ЯОСК - Ярославский областной словарь (картотека) (хранится на кафедре русского языка Ярославского пед. ин-та им. К.Д.Ушинского).
- Alvre I - Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusi-lesanded ja materjalid (Uksikkonsonandid). - Tartu: Tartu riiklik ülikool, 1979. - 110 lk.
- Alvre II - Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusi-lesanded ja materjalid (Konsonantühendid). - Tartu: Tartu riiklik ülikool, 1979. - 116 lk.
- Collinder - Collinder B. Comparativ grammar of the Uralic Languages - Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1960. - 419 s.
- Janhunen, SW - Janhunen J. Samojedischer Wortschatz; Gemeinsamojedische Etymologien. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1977. - 186 S.
- Kluge-Mitzka - Kluge P. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 20. Aufl./Bearb. W. Mitzka. - Berlin: Gruyter, 1967. - 915 S.

- Lagercrantz - Lagercrantz E. Lappischer Wortschatz. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1939. - 1250 S.
- MNTESZ - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. - Budapest: Akad. kiadó, 1967-1976. k. 1-3.
- MSzFUE - A magyar szókészlet finnugor elemei etimológiai szótár. - Budapest: Akad. kiadó, 1967-1978. - 727 l.
- Nirvi - Inkeroismurteiden sanakirja Vast.toim. R.E. Nirvi. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1971. - 730 s.
- SEJDrzP - Lehr-SpKawinski T., Polanski K. Słownik etymologiczny języka Drze wian połabskich. - Wrocław etc.: PAN. Zakł. nar. in. Ossolinskich, 1962. - Z. 1. 126 s.
- SKES - Suomen kielen etymologinen sanakirja. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1955-1978. - 1899 s.
- Vasmer - Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 3. Merja und Tschermischen. - In: Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde/Hrsg. H. Bräuer. Berlin; Wiesbaden: Gruyter, 1971, Bd 1, S. 345-418.
- VMS - Väike murdesõnastik/ Toim. vast. V. Pall. - Tallinn: Valgus, 1984. - 503 lk. (Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut).
- Walde - Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch 3. Aufl. - Neupearb. J.B. Hofmann. - Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1938. - Bd 1-2.

Сокращения названий языков и диалектов (говоров)

аб. - абаканский	караг. - карагасский
англ. - английский	кашуб. - кашубский
арх. - архангельский	кильд. - кильдинский
балт. - балтийский	кинеш. - кинешемский
бел. - белорусский	койб. - койбальский
болг. - болгарский	коми, коми-зыр. - коми-зырянский
большезем. - большеземельский	коми-перм. - коми-пермяцкий
булг. - болгарский	конд. - кондинский
вас. - васианский	костр. - костромской
вах. - ваховский	лат. - латинский
венг. - венгерский	лив. - ливский
вепс. - вепсский	левв. - леввиковский
визант. - византийский	лит. - литовский
вод. - водский	лти., латыш. - латышский
галлч. - галичский	люд. - людиковский
герм. - германский	манс. - мансийский
гот. - готский	мар. - марийский (луговой)
гр. - греческий	мар.В - марийский (восточный)
дангл. - древнеанглийский	мар.Г - марийский (горный)
дат. - датский	матор. - маторский
двн. - древневерхненемецкий	мер. - мерянский
дмер. - древнемерянский	морд. - мордовский (эрзя и мокша)
донск. - донской	морд.М - мордовский-мокша
дперм. - древнепермский	морд.Э - мордовский-эрзя
друс. - древнерусский	моск. - московский
дсакс. - древнесаксонский	нган. - нганасанский
и-е. - индоевропейский	нем. - немецкий
иж., ижор. - ижорский	нен. - ненецкий
исп. - испанский	норв. - норвежский
итал. - итальянский	п. - польский
казым. - казымский	пгерм. - прагерманский
кам. - камасинский	полаб. - полабский
кар. - карельский	постмер. - постмерянский

прибалт.-фин. - прибалтийско-финский
 протосл. - протославянский
 прус. - прусский
 прсл. - праславянский
 прфин. - прафинский
 рус. - русский
 саам. - саамский
 саам.К - саамский (кольский)
 саам.Л - саамский-дуле
 саам.Н - саамский (норвежский)
 сал. - салымский
 селк. - селькупский
 слав. - славянский
 слв. - словенский
 словин. - словинский
 слч. - словацкий
 снн. - средненемецкий
 сосв. - сосвинский
 ср.-лзв. - среднелозьвинский
 ср.-обск. - среднеобский
 струс. - старо(велико)русский
 стсл. - старославянский
 сургут. - сургутский

схв. - сербскохорватский
 тавд. - тавдинский
 таз. - тазовский
 тайг. - тайгский
 тат. - татарский
 угор. - угорский
 удм. - удмуртский
 укр. - украинский
 урал. - уральский
 ф. - финские
 фатьян. - фатьяновский
 фин. - финский
 ф.-перм. - финно-пермский
 фр. - французский
 ф.-уг. - финно-угорский
 хант. - хантыйский
 холмог. - холмогорский
 ч. - чешский
 чув. - чувашский
 швед. - шведский
 эн. - энецкий
 эст. - эстонский
 ям. - ямальский
 яросл. - ярославский

Сокращения единиц

административно-территориального деления
 (области - районы; губернии - уезды)

Ал, Александр - Александровский
 Антр - Антроповский
 Аньк - Аньковский
 Ареф - Арефинский
 Балаш - Балашихинский
 Большес, БС - Большесельский
 Борисогл - Борисоглебский
 Брейт - Брейтовский
 Буй - Буйский
 Бурм - Бурмакинский
 Вари, Варнав - Варнавинский
 Ветл - Ветлужский
 Вл, Влад - Владимирская обл.; Владимирский р-н (уезд)
 Вл.губ., Влад.губ. - Владимирская губ.
 Волог - Вологодская обл.; Вологодский р-н (уезд)
 Волог.губ. - Вологодская губ.
 Вох - Вохомский
 Вязн - Вязниковский
 Вят.губ. - Вятская губ.
 Гавр.-Ям - Гаврилов-Ямский
 Гал - Галицкий
 Горох - Гороховецкий
 Давидк - Давыдовский
 Дан - Даниловский
 Дмитр - Дмитровский
 Ерм, Ермак - Ермаковский
 Ив, Иван - Ивановская обл.; Ивановский р-н
 Игод - Игодовский
 Ильин - Ильинский
 Ильин.-Хов - Ильинско-Хованский

Кадый - Кадыйский
Казан.губ. - Казанская губ.
Камышл - Камышловский
Каш - Кашинский
Кин - Кинешемский
Ковр - Ковровский
Козьмодем - Козьмодемьяновский
Кол, Кологр - Кологривский
Комс - Комсомольский
Костр - Костромская обл.; Костромской р-н (уезд)
Костр.губ. - Костромская губ.
Крас, Краснос - Красносельский
Куйб - Куйбышевская обл.; Куйбышевский р-н
Люб, Любим - Любимский
Мак, Макар - Макарьевский
Мант - Мантуровский
Меж - Межевский
Мелен - Меленковский
Мол - Мологский
Моск - Московская обл.
Моск.губ. - Московская губ.
Мышк - Мышкинский
Нагор - Нагорьевский
Ней - Нейский
Некоуз - Некоузский
Некр - Некрасовский
Нер, Нерехт - Нерехтский
Нижегор.губ. - Нижегородская губ.
Никол. - Никольский
Остр - Островский
Парф - Парфеньевский
Пенз - Пензенская обл.; Пензенский р-н (уезд)
Пенз.губ. - Пензенская губ.
Первом - Первомайский
Пересл, Перясл - Пере(я)славский
Петр - Петровский
Подольск - Подольский
Поназ - Поназревский
Пош - Пошехонский
Пречист - Пречистенский
Псков - Псковская обл.; Псковский р-н (уезд)
Псков.губ. - Псковская губ.
Пыц - Пыжугский
Рост - Ростовский р-н (уезд)Ярославской обл. (губ.)
Руб - Рубянский
Рязанц - Рязанцевский
Самар.губ. - Самарская губ.; Самарский уезд
Свердл - Свердловская обл.
Серед - Середской
Симб. (губ.) - Симбирская губ.; Симбирский уезд
Слобод - Слободской
Солигал - Солигаличский
Судисл. - Судиславский
Судог - Судогодский
Сузд - Суздальский
Сусан - Сусанинский
Тамб - Тамбовская обл.; Тамбовский р-н (уезд)
Тамб.губ. - Тамбовская губ.
Твер.губ. - Тверская губ.
Тобол.губ. - Тобольская губ.
Толбух - Толбухинский

Том.губ. - Томская губ.

Тут - Тутаевский

Угл - Угличский

Чухл - Чухломский

Шар - Шарьинский

Шуй - Шуйский

Щеро - Щербакровский

Юр.-Пол - Юрьев-Польский

Юрье - Юрьевоцкий

Ядрин - Ядринский

Яр - Ярославская обл.; Ярославский р-н (уезд)

Яр.губ. - Ярославская губ.

Сокращение ремарок

аблат. - аблатив
адесс. - адессив
акк. - аккузатив
аллат. - аллатив
анат. - анатомическое
арг. - арготическое
бран. - бранное
букв. - буквальное
быв. - бывший
вокат. - вокатив
вост. - восточный
г. - город
ген. - генитив
гл. - глагол
груб. - грубое
д. - деревянн
дееприч. - деепричастие
диал. - диалектное
др. - древнее
зап. - западный
зват. - звательная форма
изъяв. - изъявительное
илл. - иллатив
инесс. - инессив
ирон. - ироническое
лингв. - лингвистическое
лит. - литературное
межд. - междометие
накл. - наклонение
нар.-поэт. - народно-поэтическое

направит.-внос. - направительно-вносительный
наст. вр. - настоящее время
ном. - номинатив
обл. - областное
оз. - озеро
орф. - орфографическое
п. - падеж
парт. - партитив
перен. - переносно
побуд. - побудительное
повел. - повелительное
поздн. - позднее
поэт. - поэтическое
р. - река
разг. - разговорное
с. - село
сев. - северный
сев.-зап. - северо-западный
совр. - современное
ст. - старое
субстр. - субстратное
суф. - суффикс
указат. - указательное
уменьш. - уменьшительная форма
уст. - устаревшее
фон. - фонетическое
шутл. - шутливое
эффем. - эффемистическое
элат. - элатив
юго-зап. - юго-западный
иж. - ижнн

1. Адлер Э. Волдский язык. - В кн.: Языки народов СССР : Финно-угор. и самодийс. яз. М. : Наука, 1966, т. 3, с. 118-137.
2. Аристе П.А. Примечания. - В кн.: Хакулинен Л. Развитие и структура Финского языка : Фонетика и морфология. М. : Изд-во иностр. лит., 1953, ч. I, с. 290-306.
3. Ванкшечкин В.Т. К вопросу о финно-угорских элементах в лексике мешерских говоров. - СФУ, 1973, № 3, с. 179-184.
4. Векслер Б.Х., Юрик В.А. Латвийский язык : (Самоучитель). - Рига : Звайгзне, 1975. - 462 с.
5. Востриков О.В. Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (сорбес, тохта, шохра). - В кн.: Этимологическое исследование : Этимология рус. диалект. слов. Свердловск, 1978, с. 45-53.
6. Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. - В кн.: Этимологические исследования. Свердловск, 1981, с. 3-45.
7. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. - К. : Наук. думка, 1966. - 595 с.
8. Вьяри Э.Э. Ливский язык. - В кн.: Языки народов СССР : Финно-угор. и самодийс. яз. М. : Наука, 1966, т. 3, с. 138-154.
9. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка : Морфология. - Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1964. - Ч. I. 203 с.
10. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. - М. : Изд-во АН СССР, 1961. - 267 с. - (Материалы и исслед. по археологии СССР / АН СССР; № 94).
11. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков : Фонетика и морфология. - Саранск : Морд. кн. изд-во, 1962. - Ч. I. 376 с.
12. Грамматика финского языка : Фонетика и морфология. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. - 296 с.
13. Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. - Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1964. - 244 с.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. - М. : ГИС, 1955. - Т. 1-4. - (Набрано и напеч. со 2-го изд.: 1880-1882 гг.).
15. Дыбо В.А. От редактора. - В кн.: Иллич-Свитич В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) : Введение. Сравн. слов. (8-8'). М. : Наука, 1971, с. I-XXXVI.
16. Европеус Д. К вопросу о народах, обитавших в нынешней России до поселения в ней славян. - Журн. м-ва нар. просвещения, 1868, ч. 139, с. 56-81.
17. Житие св. Леонтия, епископа Ростовского / С предисл. А.А.Титова. Чтение в Императ. о-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. - М., 1893. - Кн. 4/167. У+ 129 с.
18. Зеленин Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. - Л. : Academia, 1929-1930. - Ч. I/2. - (Сб. Музея антропологии и этнографии; Т. 8/9).
19. Иллич-Свитич В.М. Краткий грамматический справочник. - В кн.: Македонско-русский словарь. М. : ГИС, 1963, с. 547-576.
20. Иордан : О происхождении и деяниях гетов. Getica. - М. : Изд-во вост. лит., 1960. - 436 с. - (Памятники средневековой истории Центр. и Вост. Европы).

21. Ипатьевская летопись. - М., 1962. - 938 с. - (ПСРЛ; Т. 2).
22. История СССР : С древнейших времен до Великой Окт. соц. революции. - М. : Наука, 1966. - Т. I. 631 с.
23. Корт Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект) : Фонетика, морфология, синтаксис. - Л. : Наука, 1971. - 355 с.
24. Ключевский В.О. Сочинения : Курс рус. истории. - М. : Политиздат, 1966. - Т. I, ч. I. 427 с.
25. Коведяева Е.И. Марийский язык. - В кн. : Основы финно-угорского языкознания : Марийск., перм. и угор. яз. М. : Наука, 1976, с. 3-96.
26. Коломиец В.Т. Значение данных сравнительно-исторической фонетики для исследования славянского этногенеза. - В кн. : Доп. IX Міжнар. з'їзду славїстів : Слов. мовознавство. К. : Наук. думка, 1983, с. 70-86.
27. Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб : /К IX Междунар. съезду славистов. - Киев : Наук. думка, 1983. - 159 с.
28. Корсаков Д. Мера и Ростовское княжество : Очерк из истории Рост.-Сузд. земли. - Казань : Тип. Каз. ун-та, 1872. - III + VIII + 246 + II с.
29. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура. - В кн. : Сов. ист. энцикл. 1973, т. I4, с. 968-969.
30. Лаанест А. Ижорский язык. - В кн. : Языки народов СССР : Финно-угор. и самодийск. яз. М. : Наука, 1966, т. 3, с. 102-117.
31. Лаанест А. Прибалтийско-финские языки. - В кн. : Основы финно-угорского языкознания : Прибалт.-фин., саам. и морд. яз. М. : Наука, 1975, с. 5-122.
32. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. - М., 1962. - 579 с. - (ПСРЛ; Т. I).
33. Лыткин В.И. Еще к вопросу о происхождении русского акарья. - Вopr. языкознания, 1965, № 4, с. 64-83.
34. Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков. - В кн. : Основы финно-угорского языкознания : (Вopr. происхождения и развития финно-угор. яз.). М. : Наука, 1974, с. 108-213.
35. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. - М. : Наука, 1970. - 386 с.
36. Майгинская К.Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков. - В кн. : Основы финно-угорского языкознания : (Вopr. происхождения и развития финно-угор. яз.). М. : Наука, 1974, с. 214-382.
37. Макаров Г.Н. Обряды карельской речи : Калинин. говоры. - М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. - 194 с.
38. Матвеев А.К. Субстратная топонимика русского Севера. - Вopr. языкознания, 1964, № 2, с. 64-83.
39. Матвеев А.К. Этимологизирование субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем. - Там же, 1976, № 3, с. 58-73.
40. Мокшанско-русский словарь. - М. : ГИС, 1949. - 359 с.
41. Молданова С.П., Немцова Е.А., Ремзанова В.Н. Словарь хантийско-русский и русско-хантыйский. Ок. 4000 слов : Пособие для учащихся нач. шк. (на яз. казым. ханты). - Л. : Просвещение, 1983. - 286 с.
42. Пенгитов Н.Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков : Введение, фонетика, морфология. - Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1958. - Ч. I. 175 с.
43. Пименов В.В. Вепсы : Очерк этн. истории и генезиса культуры. - М. ; Л. : Наука, 1965. - 264 с.
44. Попов А.И. Названия народов СССР : Введ. в этнонимистику. - Л. : Наука, 1973. - 170 с.
45. Потапкин С.Т. Краткая грамматика мокшанского языка. - В кн. : Мокшанско-русский словарь. М. : ГИС, 1949, с. 323-359.

46. Федеев К., Эрдеи И. Сравнительная лексика финно-угорских языков. - В кн.: Основы финно-угорского языкознания: (Вопр. происхождения и развития финно-угор. яз.). М.: Наука, 1974, с. 397-438.
47. Русская диалектология / Под ред. Р.И.Аванесова, В.Г.Орловой. - М.: Наука, 1964. - 306 с.
48. Русская диалектология / Под ред. Н.А.Мещерского. - М.: Высш. шк., 1972. - 302 с.
49. Свиньин П. Краткая записка о древностях, найденных близ Галича. - В кн.: Русский исторический сборник. М., 1837, т. I, кн. I, с. 102-105.
50. Семенов Т. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. - В кн.: Тр. УП археол. съезда в Ярославле 1887. М., 1891, т. 2, с. 228-258.
51. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. - М.: Наука, 1967. - 262 с.
52. Серебренников Б.А. О гидронимических формантах -нъга, -нга, -уга, -хг. - СФУ, 1966, № 1, с. 59-66.
53. Серебренников Б.А. О некоторых косвенных данных, свидетельствующих о древних вго-западных границах народа коми. - Зап. Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удм. АССР, 1957, вып. 18, с. 141-144.
54. Серебренников Б.А. О потенциально возможных названиях риб в субстратной гидронимике русского Севера. - СФУ, 1967, № 3, с. 199-205.
55. Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. - М.: Наука, 1964. - 183 с.
56. Серебренников Б.А. Происхождение марийского народа по данным языка. - В кн.: Происхождение марийского народа: (Материалы науч. сес., провед. Мар. НИИ, 23-25 дек. 1965 г.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967, с. 165-180.
57. Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. - Козьмодемьянск: Мар. кн. изд-во, 1948. - 192 с.
58. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки: (Список рек и озер). - М.: Наука, 1976. - 404 с.
59. Смолицкая Г.П. О типе словарной статьи в топонимическом словаре Московской области. - В кн.: Проблемы восточнославянской топонимики. М., 1979, с. 76-88.
60. Ткаченко О.Б. К исследованию финно-угорского субстрата в русском языке. - СФУ, 1978, № 3, с. 204-210.
61. Ткаченко О.Б. Некоторые вопросы исследования финно-угорского субстрата в русском языке. - В кн.: Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязи с языками и литературами народов СССР: Тез. докл. Всесоюз. науч. совещ. финно-угроведов, 27-30 окт. 1977 г. Ужгород: Изд-во Ужгор. ун-та, 1977, с. 75-76.
62. Ткаченко О.Б. Одна общая семантико-фразеологическая изоглосса финно-угор. субстрата в рус. яз. - СФУ, 1976, № 4, с. 245-253.
63. Ткаченко О.Б. Проблема реконструкции дославянских субстратных языков на основе славянских субстратных элементов. - В кн.: Доп. IX Міжнар. з'їзду славїстів: Слов. мовознавство. К.: Наук. думка, 1983, с. 220-237.
64. Ткаченко О.Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. - Киев: Наук. думка, 1979. - 298 с.
65. Ткаченко О.Б. Merjanica. Фрагменты мерянской глагольной системы: Спрягаемые формы. - СФУ, 1983, № 2, с. 105-111.
66. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - 270 с.

67. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. - Л. : Наука, 1970. - 156 с.
68. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. - М. : Прогресс, 1964-1973. - Т. 1-4.
69. Фокстистов А.П. Мордовские языки. - В кн.: Основы финно-угорского языкознания : Прибалт.-фин., саам. и морд. яз. М. : Наука, 1975, с. 248-345.
70. Финско-русский словарь. - М. : Рус. яз., 1975. - 815 с.
71. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. - М. : Изд-во иностр. лит., 1953-1955. - Ч. 1-2.
72. Калипов С.И. Что значит Москва. - СФУ, 1984, № 2, с. 129-131.
73. Ходаковский Д. Пути сообщения в древней Руси. - В кн.: Русский исторический сборник. М., 1837, т. I, кн. I, с. 20-45.
74. Шестаков П.Д. Родственна ли мера вогулам? - Изв. Каз. ун-та, 1873, № 1, с. 151-183.
75. Эзянско-русский словарь. - М. : ГИС, 1949. - 292 с.
76. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. - Budapest: Akad. kiadó, 1967-1976. - K. 1-3.
77. A magyar szókészlet finnugor elemei etimológiai szótár. - Budapest: Akad. kiadó, 1967-1978. - 7271.
78. Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. - SPb: Druck. Akad. Wiss. 1856. - I + 527 S. (Nordische Reisen und Forschungen Dr. M. A. Castrén/ Hrsg. A. Schiefner. Bd 2).
79. Décsy Gy. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. - Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. - 251 S.
80. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. - Helsinki: Société Finno-ougrienne, 1919. - 265 S. - (MSFOu; Bd 44).
81. Kaak A. Eesti keele ajalooline grammatika: Häälikulugu. - Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1972. - 177 lk. - (Tartu Riiklik Ülikool/ Eesti keele kateeder).
82. Kniezaa I. A magyar nyelv szlav jövevényszavai. - Budapest: Akad. kiadó, 1973. - 1044 l.
83. Lehtisaalo T. Über die primären ururalischen Ableitungsuffixe. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1936. - 399 s. (MSFOu; 72)
84. Magyar ertelmező kéziszótár. - Budapest: Akad. kiadó, 1975. 1250 l.
85. Magiste J. Merjalaisten kansallisuusnimi ja merjalaisprobleemi. - Virittäjä, 1966, N 1, s. 114-120.
86. Pogodin A Was ist Merja? - MSFOu, 1933, t. 67, S. 323-331. (Liber semisaecularis Societatis Fenno-Ugricae).
87. Ravila P. Polemik: Merja und Tscheremissen. - FUF Anz, 1940, Bd 26, S. 19-26.
88. Roos T., Tamn I. Puhutteko suomea? - Tallinn: Valgus, 1981. - 311 lk.
89. Stipa G. Zur Frage des mordwinischen Substrats im Südgrobrussischen. - In: Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Erkki Itkonen. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1973, S.380-389. (MSFOu; Bd 150).
90. Suomen kielen etymologinen sanakirja. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1955-1899 s. - (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; t. 12.)
91. Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 3. Merja und Tscheremissen. - In: Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde/ Hrsg. H. Bräuer. Berlin; Wiesbaden: Gruyter, 1971. Bd 1, S. 345-418.
92. Veenker W. Die Frage des finno-ugrischen Substrats in der russischen Sprache. - Bloomington; Hague: Mouton, 1967. - IV+329 S. - (Ind. Univ. Publ./Uralic and Altaic Ser.; Bd. 82).
93. Vene-eesti sõnaraamat. - Tallinn: Eesti riiklik kirjastus, 1953. - 636 lk.

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ.	5
ФОНЕТИКА.	13
Фонетические особенности мерянского языка (на основании русских диалектных слов немерянского происхождения).	16
Фонетические свойства мерянского языка (на основании русской лексики и ономастики мерянского происхождения).	42
Вокализм	43
Консонантизм	61
Выводы.	90
ГРАММАТИКА.	94
Морфология.	94
Имена.	94
Существительное.	94
Фрагменты системы мерянского именного склонения.	95
Другие именные части речи	101
Прилагательное.	101
Числительное.	104
Местоимение	107
Фрагменты мерянской глагольной системы (спрягаемые формы).	109
Неспрягаемые (именные) глагольные формы	116
Причастие / отглагольное прилагательное.	116
Отглагольное существительное на -ма. Вопрос о мерянском инфинитиве	120
Другие части речи	122
Наречие и предикатив.	122
Союз.	123
Частица	123
Междометие.	125

Синтаксис (Некоторые замечания)	126
Выводы.	127
ЛЕКСИКА	130
Этимологический характер реконструируемых элементов мерянской лексики	132
Этимолого-лексикологический анализ мерянского словаря	171
Исконная финно-угорская лексика	173
Лексический слой уральского происхождения.	173
Лексический слой финно-угорского происхождения	177
Лексический слой финно-пермского происхождения	180
Лексический слой финского происхождения.	181
Предполагаемые мерянские слова, имеющие соответствия в прибалтийско-финских (я саамском) языках	182
Случаи соответствий с марийским и мордовскими языками	183
Выводы.	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	189
ТЕКСТЫ.	194
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	195
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	202

Орест Борисович Ткаченко

МЕРЯНСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено к печати ученым советом
Института языковедения им. А.А.Потебни АН УССР

Редактор Л.П.Марченко

Оформление художника В.М.Флакса

Художественный редактор Л.А.Комяхова

Технический редактор И.Ю.Алексашина

Корректоры М.Т.Кравчук, С.В.Лисицына

ИБ № 7526

Подп. в печ. 04.05.85. БЭ 01588. Формат 60x84/16. Бум. офс. № 1.
Офс. печ. Уол. печ. л. 12,09. Усл. кр.-отт. 12,32. Уч.-изд. л. 14,36.
Тираж 800 экз. Зак. 5-414. Цена 2 р. 10 к.

Издательство "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Ре-
пина, 4.